

ОЛЬГА КОЗЛОВА:

«Музыка давно стала моей стихией»

*Об истории портрета Омая и творчестве художника Джошуа Рейнольдса
читайте на стр. 55*

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Неукротимый «невозвращенец»4
<i>Светлана Марлинская</i>	Великий сын России20

Это интересно

<i>Александр Ралот</i>	Эпизод, который чуть не изменил судьбу континента...14
<i>Владимир Шумейко</i>	Фразеологизмы в стихотворном изложении76

Эссе

<i>Екатерина Маркова</i>	Коктебель26
--------------------------	--------------------------

Житейские истории

<i>Геннадий Гусаченко</i>	Реквием «Ре-минор»31
---------------------------	-----------------------------------

Судьбы

<i>Евгения Гордиенко</i>	Век Зои42
--------------------------	------------------------

Замечательные современники

<i>Дарья Парчинская</i>	Ольга Козлова: «Работа артиста начинается задолго до того, как он переступит порог театра...»46
-------------------------	--

История одной картины

<i>Ирина Опимах</i>	Туземец на приеме у короля, или «Портрет Омая» Джошуа Рейнольдса55
---------------------	---

Фантастика

<i>Дмитрий Игнатов</i>	MORE62
------------------------	---------------------

Уголки России

<i>Дмитрий Зелов</i>	Магия Одежда80
----------------------	-----------------------------

Посмеемся вместе

<i>Виталий Веснин</i>	О рыбалке, Дачная магия в действии90
-----------------------	---

«Золотое кольцо»

<i>Владимир Гриньков</i>	Необыкновенная летопись великого города94
--------------------------	--

Молодые таланты

<i>Дмитрий Соколов</i>	Владимир Рублев: «В будущем мечтаю создать свой оркестр109
------------------------	---

О любви

<i>Юлия Макарова</i>	Дождь114
----------------------	-----------------------

Поэзия

<i>Инвер Шеуджен</i>	Стихи119
----------------------	-----------------------

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	Троянская лошадка124
---------------------	-----------------------------------

Кроссворд. Эрудит

.....	188
-------	------------

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса Театра Оперетты
Ольга Козлова.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

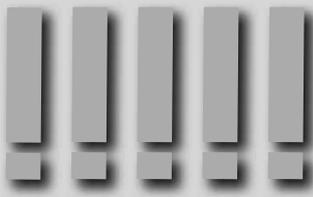
Зак. №

Цена свободная

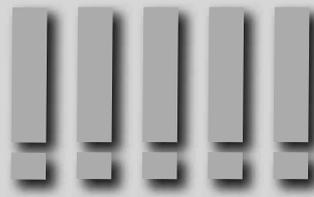
Номер подписан в печать: 16.07.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2025 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Неукротимый «НЕВОЗВРАЩЕнец»

Парадоксальная фигура Герцена высится в русской литературе и общественной жизни как одинокая скала в бурном океане. Выдающийся писатель, философ, политик, публицист, издатель, но, прежде всего, революционер. Такой вошла эта неумная, страстная личность в массовое сознание поколений. Свое духовное рождение он связывал с восстанием декабристов. Именно после него студенты Московского университета Герцен и Огарев дали на Воробьевых горах свою знаменитую клятву верности самоотверженной борьбе с самодержавием.

Продолжает оставаться памятной фраза Ленина о том, что «декабристы разбудили Герцена», а тот затем развернул за рубежом «революционную пропаганду», став первым русским политическим эмигрантом-«невозвращенцем», грубо говоря, весьма болезненной занозой в заднице царизма. Унаследованное состояние позволяло ему жить в Лондоне с комфортом, издавать свой знаменитый «Колокол» и другую неподцензурную периодику, по нелегальным каналам поступавшую в Россию.

Он мечтал «раскрыть свою душу всему человечеству», но при этом так же сильно ненавидел отца, как любил мать, будучи незаконнорожденным отпрыском богатого помещика Ивана Яковлева. Тот, по барской прихоти заведя во время европейского путешествия в Штутгарте интрижку с молодой немкой Луизой Гааг, увез ее в Россию, сделал своей метрессой и придумал родившемуся у нее сыну фамилию, которая по-немецки означает «сын сердца».

Надо заметить, что зашифрованная фамилия эта оказалась писателю весьма подходящей, поскольку его взгляды и убеждения часто происходили из велений сердца и были подвержены малейшим колебаниям душевных настроений. Так, будучи убежденным западником, Александр Иванович испытывал внезапные приступы тоски по родной земле, хотя сам же осуждал ностальгию и писал: «...Сегодня пусто, вчера страшно, завтра безразлично; человек рассеивается, перебирая давно прошедшее, играя на собственном кладбище».

При всем том острая тоска по России не отпускала Герцена до последнего часа, вызвала резкие смены настроения, внутренние и внешние колебания, что, впрочем, никак не сказывалось на его огромной популярности — Герцена читал весь мир. В России литературное наследие Герцена оставалось под запретом вплоть до Октябрьской революции.

Философ, публицист, русский либерал, писатель, подаривший потомкам бесценный мемуарный свод «Былое и думы», роман «Кто виноват?», повести и рассказы, но прежде всего — страстный обличитель крепостного права и основатель свободной зарубежной русской печати, он стал вдохновляющим символом революционной борьбы с самодержавием, у которого так и не смогли дотянуться до него руки.

Александр Иванович Герцен родился в Москве в 1812 году, в знаменитом доме на Тверском бульваре, чудом пережившим пожар Первопрестольной при взятии ее Наполеоном, и сохранившимся до наших дней. Сегодня здесь, позади памятника писателю в уютном дворике, обосновался Литературный институт им. А.М. Горького, тот самый «Грибоедов», где разворачивались эпизоды булгаковского «Мастера и Маргариты».

Масштабы городского поместья отца Герцена, Ивана Яковлева, свидетельствуют о богатстве этого аристократа, ведущего свой род от боярина времен Ивана Калиты, по прозвищу Андрей Кобыла, которого исследователи называют первым достоверным предком дома Романовых. По иронии судьбы, состоявший в родстве с Романовыми Александр Герцен выступил одним из будущих «могильщиков» их последней царской династии.

Сумасбродный характер и тяжелый нрав Сашиного родителя проявлялись по-разному. Образование сыну он выбирал исключительно на свое усмотрение. С детства Саше давали читать и рассказывали о достижениях Французской революции, знакомили с произведениями просветителей Вольтера и Руссо, вольнолюбивыми сочинениями Пушкина. Не удивительно, что пытливый подросток рано заразился революционными идеями.

В конце 1820-го года Яковлев подал прошение в Экспедицию кремлевского ведомства ремонтных и строительных работ во владения императорской семьи в Москве и ее окрестностях о зачислении туда отрока Александра. Тому только исполнилось восемь лет, но Яковлев пошел на прямой подлог, указав все 14. Три года спустя 12-летнему Саше присвоили низший в Табели о рангах чин коллежского регистратора.

Будучи еще безусым юнцом, он познакомился со своим сверстником и дальним родственником Николаем Огаревым. Мальчики быстро сошлись в романтических симпатиях к декабристам и, как-то гуляя на Воробьевых горах, принесли «аннибалу клятву» посвятить жизнь борьбе во благо родины. Позднее российские либералы придали этому мальчишескому, в сущности, обету значение высокого символа в герценовской биографии.

Поначалу же Александр Иванович о революционной борьбе особо

не помышлял, поступив в 18 лет в Московский университет на физико-математический факультет. А вот там вокруг двух неразлучных друзей образовался кружок единомышленников, увлеченных идеями Французской революции и утопическим социализмом Сен-Симона.

Вместе с сокурсниками Александр устроил публичную абстракцию грубому и невежественному преподавателю Малову. Публичное изгнание из аудитории ненавистного профессора окончилось для группы студентов карцером... На старших курсах будущий писатель и публицист специализировался в астрономии и в 1833 году блестяще окончил университет со степенью кандидата. За сочинение «Математическое изложение системы Коперника» был даже удостоен серебряной медали.

Перед молодым ученым открывалась широкая дорога, сулящая большие карьерные возможности. Однако он выбрал другой путь. Деятельность их с Огаревым революционного кружка продолжалась, и весной 1833-го они провели сбор средств для студентов, отданных в солдаты по известному «делу Сунгурова», который организовал в Москве тайное антиправительственное общество.

Год спустя Герцен вместе с другими членами кружка был арестован по ложному обвинению в «распевании пасквильных песен, порочащих императорскую фамилию». Далее последовала ссылка

в Пермь, а оттуда — в Вятку с определением на службу в канцелярию губернатора.

В конце 1837-го года Герцен был переведен советником правления во Владимир. Это произошло по ходатайству «прекраснодушного» Жуковского, чьи неутомимые хлопоты перед императором за опальных друзей-литераторов, начиная с Пушкина и Тараса Шевченко, стали его второй профессией и, в конечном счете, привели автора «Светланы» к отставке с поста воспитателя наследника престола.

ревый, но и великая любовь. В ссылке Александр Иванович на протяжении нескольких лет тайно переписывался с Натальей, а затем этот удивительно красивый роман в письмах завершился форменным похищением невесты, которую пылкий возлюбленный с помощью друзей выкрал из дома ее тетки.

Разрешение возвратиться в Первопрестольную пришло к Герцену в начале 1840 года. Но по настоянию отца он отправился в Петербург служить в канцелярии министерства внутренних дел. Согласитесь, весьма странная должность для революцио-

На старших курсах будущий писатель и публицист специализировался в астрономии и в 1883 году блестяще окончил университет со степенью кандидата. Перед молодым ученым открывалась широкая дорога, сулящая огромные карьерные возможности. Однако он вместе со своим другом Огаревым выбрали другой путь...

Для Александра Ивановича переезд во Владимир ознаменовался жеманностью на двоюродной сестре Наталье Захарьиной, ставшей верной спутницей его беспокойной жизни, матерью его детей и одним из центральных персонажей знаменитого мемуарного свода Герцена «Былое и думы». Она и сама оставила большое и интересное эпистолярное наследие.

Герцену суждена была не только великая на всю жизнь дружба с Ога-

нера и начинающего писателя. Резкий отзыв в письме о деятельности полиции стал причиной высылки неугомонного чиновника в Новгород, с определением по службе в губернское правление. А после 1842 года он, наконец, поселился в Москве.

Здесь судьба свела его с известным кружком гегельянцев во главе с крупным писателем, публицистом, мыслителем Николаем Станкевичем и «неистовым» Виссарионом Белинским, которые защищали философ-

ский тезис о полной разумности всякой действительности. Часть сторонников Станкевича сблизилась с Герценом и Огаревым, образуя в русском либеральном движении крыло западников. Другие примкнули к лагерю славянофилов, группировавшихся вокруг видного поэта, художника, богослова и философа Алексея Хомякова, а также религиозного философа и литературного критика Ивана Киреевского. Впрочем, и тех, и других объединяло, по словам Герцена, «чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому складу ума».

Герцен теперь часто ездил в Петербург на заседания кружка Белинского, которые проходили в историческом Доме Лопатина на Невском проспекте, частично разрушенном в блокаду Ленинграда. В 1847 году скончался отец Александра Ивановича, оставивший незаконнорожденному сыну очень большое наследство, и это событие подвело окончательную черту под начальным периодом жизни будущего издателя «Колокола». Он решил посвятить себя открытой борьбе с самодержавием и, располагая внушительными средствами, вместе с Огаревым навсегда покинул Россию.

Надо заметить, что Герцен уезжал в Европу уже широко признанным на родине писателем, автором нашумевших произведений «Кто виноват?», «Мимоездом», «Доктор

Крупов». Впереди были знаменитая «Сорока-воровка», «Поврежденный», «Скуки ради» и, конечно, «Былое и думы», ставшие настольной книгой поколений отечественной интеллигенции.

Герцен обладал на редкость пластичным языком и неповторимым стилем. Со словом он обращался совершенно новаторски. Многие его неологизмы и обороты, так называемые «искандеризмы» (от принятого им в 1836 году звучного литературного псевдонима «Искандер», что по арабски означает «Александр») прочно вошли в нашу обиходную речь. Например, «возбужденность мысли», «распущенность», «требовательность».

В «Сороке-воровке», обсуждая достоинство и недостатки русских жен дворянского сословия, читающих в отсутствии мужа французские романы, один из гостей остроумно бросил: «Должно быть хорошо образование, которое можно почерпнуть из Бальзака, Эжена Сю, Дюма, из этой болтовни старика, начинающего морализировать от истощения сил...»

Зачем далеко ходить! Творчество Герцена оказало огромное влияние на Достоевского. Он читал его постоянно и считал одним из наиболее проникновенных художников-мыслителей. «Письма из Франции и Италии», сборник «С того берега» встали в один ряд с любимыми Достоевским шедеврами русской и мировой литературы. И все это при глубочайшем идеологическом

и нравственном расхождении Достоевского с Герценом, которое наступит позднее и которое Федор Михайлович выразит совершенно исчерпывающе.

В июле 1862-го Достоевский посетил Герцена в его доме в Лондоне и подарил ему экземпляр «Записок из Мертвого дома» с надписью: «Александру Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора». Были у них и другие заграничные встречи с задушевными беседами, последняя — год спустя на пароходе из Неаполя, на котором Герцен плыл в Ливорно со всем семейством, а Достоевский дальше — с терзавшей его inferнальной возлюбленной Аполлинарией Суловой. Следившие за Достоевским агенты царской охраны доносили, что тот во время стоянки парохода в Ливорно пошел провожать Герцена до гостиницы и обедал с ним.

Даже в период создания «Бесов», когда их автор, в общем-то, справедливо винил Герцена за порождение в России «нечаевщины», Федор Михайлович писал Страхову: «Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на тот же (славянофильский — прим. авт.) путь... Поэт берет в нем верх везде и во всем, во всей его деятельности». Достоевский утверждал, что «Герцен не эмигрировал, он так уж и родился эмигрантом... В этом смысле это тип исторический. Такие, как Герцен, «отделяясь от народа, естественно потеряли и Бога».

В Европу Герцен приехал скорее радикальным республиканцем, нежели социалистом. Однако начатая им еще в «Отечественных записках» серия острых публицистических статей шокировала либеральных друзей Александра Ивановича своим антибуржуазным пафосом. Февральская революция 1848 года во Франции показалась Герцену осуществлением всех его сокровенных надежд.

Последовавшее затем кровавое подавление в Париже Июльского восстания рабочих и наступившая реакция потрясли русского революционного деятеля и литератора, открыто обратившегося теперь к социализму. Вместе с Прудоном он начал издавать и финансировать газету «Голос

народа». Участвовал в парижских манифестациях и, спасаясь от последовавших арестов, бежал по чужому румынскому паспорту в Швейцарию, успев до этого свести знакомство в Италии с самим Гарибальди.

Сильный и мужественный человек, разносторонне одаренный, в совершенстве владевший несколькими европейскими языками, Александр Иванович Герцен до последнего часа стойко переносил в эмиграции многочисленные удары судь-

она родила не от него... В 1852 году Наталья, подарив Герцену сына Владимира, скончалась. Через два дня умер и новорожденный младенец. Прогоревав пять лет, Александр Иванович начал сожителем с... женой своего ближайшего друга и соратника Огарева, которую тоже звали Натальей. Так и живя втроем, пара вместе воспитывала детей писателя, причем обзавелась еще и своими: дочерью Лизой и близнецами Еленой и Алексеем. Словно в на-

Переехав в Лондон, Герцен занялся главным делом своей жизни — основал Вольную русскую типографию для печатания запрещенных в России цензурой сочинений, преимущественно демократического, революционного направления, обличающих самодержавие. Там же они с Огаревым печатали легендарную газету «Колокол» и альманах «Полярная звезда». В первые годы эмиграции Герцен писал преимущественно о России для Европы, но затем «повернулся лицом» к русскому читателю, заявив: «Я первый снимаю с себя вериги чужого языка и снова принимаюсь за родную речь».

бы, которые порой следовали один за другим. Судите сами.

В кораблекрушении погибли его мать и сын Николай. Их тела так и не нашли. Тогда же его любимая супруга тайно изменила ему с женатым французским поэтом Г. Гервигом, скрывала это от мужа, а Гервиг своей жене как раз открылся. Случился большой скандал, Гервиго помирились и уехали. Герцен супругу простил, но подозревал, что дочь Ольгу

казание за преступную связь, их младшие дети умерли от дифтерии, а Елизавета в 17 лет покончила жизнь самоубийством...

В июле 1849 года Николай I, ненавидевший революционеров, арестовал и передал в заклад банкиру Я. Ротшильду все имущество Герцена и его матери. Ротшильд, однако, ведя переговоры о предоставлении займа России, добился отмены императорского указа.

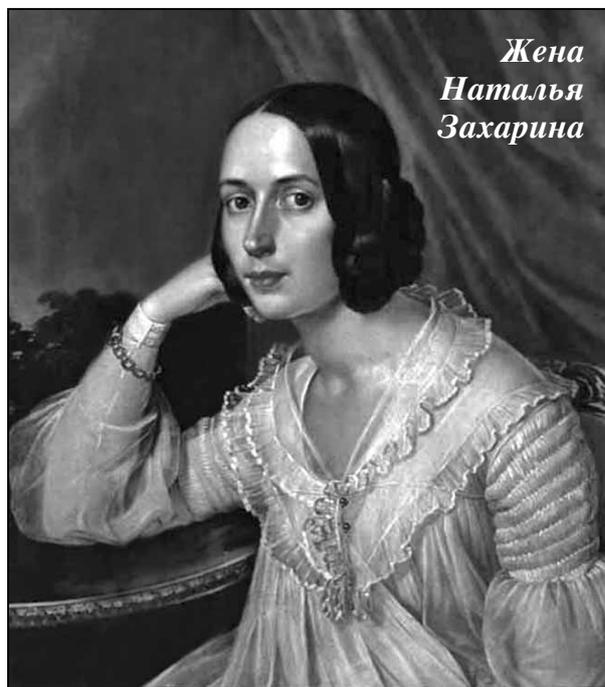
Переехав в Лондон, Герцен занялся главным делом жизни — основал Вольную русскую типографию для печатания запрещенных в России цензурой сочинений, преимущественно демократического, революционного направления, обличающих самодержавие. Там же они с Огаревым печатали легендарную газету «Колокол» и альманах «Полярная звезда».

Пик влияния «Колокола» пришелся на годы, предшествовавшие отмене крепостного права в России, когда эта эмигрантская газета регулярно читалась в Зимнем дворце.

С организацией дел в Лондоне Герцену опять-таки помог младший Ротшильд. В первые годы эмиграции Александр Иванович писал преимущественно о России для Европы — как, например, брошюру «Русский народ и социализм» или большую книгу на французском «О развитии революционных идей в России». Затем он «повернулся лицом» к русскому читателю. «Охота говорить с чужими проходит, — заявлял Герцен. — Я первый снимаю с себя вериги чужого языка и снова принимаюсь за родную речь».

Восшествие на престол Александра II Освободителя породило у Герцена надежды на то, что новый император все-таки решится на столь необходимые стране реформы. В марте 1855-го писатель опубликовал в «Полярной звезде» открытое письмо к царю, в котором призывал того скорее отменить кре-

постное право и цензуру. После половинчатой реформы по отмене крепостного права, оставившей недовольными и крестьян, и помещиков, влияние «Колокола» на родине стало падать, особенно, когда газета поддержала польское восстание 1863 года. Да и сама культовая фигура революционного издателя и писателя-эмигранта, которого регулярно печатал некрасовский «Современник», начала представ-

*Жена
Наталья
Захарина*

ляться в России несколько двусмысленно. Для либеральной общественности он казался чересчур революционным, а для радикальной — излишне умеренным.

Годы сложной заграничной жизни изменили Александра Ивановича даже внешне. До отъезда в Европу он, как в молодости, так и позднее, выглядел эдаким лощеным денди, а впоследствии отпустил густую

«марксовскую» бороду и заметно погрузнел.

Менялась и обстановка вокруг него на чужбине. В марте 1865-го, в результате настойчивых обращений российского правительства к правительству Великобритании, редакцию «Колокола» вместе с Герценом «попросили» из Лондона, и они перебрались в Швейцарию, где писатель получил гражданство. Туда же была переведена и «Вольная русская типография», туда же переехал верный

Огарев и люди из ближайшего окружения Герцена.

«Время шло, переворота в России не было, и послов за нами никто не присылал», — с горькой иронией написал стареющий Александр Иванович в «Былом и думах». И продолжил: «Были тяжелые минуты; и не раз слеза скатывалась по щеке, но были и другие, не радостные, но мужественные; я чувствовал в себе силу, я не надеялся ни на кого больше, но надежда на себя крепчала, я становился независимее от всех».

В Швейцарии Герцен неустанно трудился над литературными произведениями, философско-публицистическими работами, продуманной до мелочей педагогической концепцией, в которой резко критиковал систему образования в России при Николае I и показал опасность авторитарного воспитания юношества. Главной задачей воспитания он считал формирование гуманной, свободной личности, живущей интересами своего народа и стремящейся к преобразованию общества на разумных началах. Герцен был убежден, что самое положительное влияние на детей оказывает простой народ, и что именно народ является носителем лучших русских национальных качеств. Вот почему в своей публицистике писатель страстно добивался распространения просвещения в народе, подчеркивая огромное образовательное и воспитательное значение естественных наук. При этом национал-патриотизм и шовинизм он

отрицал на корню и утверждал: «Исключительное чувство национальности никогда до добра не доводит».

...Интересно, о чем думал долгими зимними вечерами прославленный «русский европеец», глядя в окно на заснеженные вершины Альп? Быть может, о бескрайней русской равнине, на которой время из века в век ходит по кругу. О тайнах русского характера, о «загадочной русской душе», которую он, подобно Достоевскому, пытался постичь, помятуя мужицкую присказку: «Из нас, как из дерева, хоть икону, хоть дубину...»

Он зорко присматривался к окружающей действительности и давал ей в своем творчестве глубокую оценку. В этом плане особо значительны его «Письма из Франции и Италии» (всего 14), первая весточка из эмиграции, напечатанные в 1855 году в журнале «Современник». Они дают замечательный обзор и анализ настроений четвертого сословия, не утратившие своей актуальности по сей день. Там, за границей, Герцен страстно защищал русский народ от нападок буржуазных социологов и публицистов. Взять хотя бы его работу «Русский народ и социализм», написанную в ответ на полную расхожих предубеждений статью Мишле.

А рядом — тонкая, оригинальная проза, а еще «Былое и думы», где среди череды частично автобиографических воспоминаний нас встречает серия блистательных художественных картин эпохи как в России, так и в зарубежье, проникновенные

психологические характеристики людей и событий, яркие наблюдения и волнующие откровения пережитого.

В январе 1870 года Александр Иванович отправился по семейным делам в Париж. Там он через несколько дней и скончался от воспаления легких и был похоронен на известном парижском кладбище русских эмигрантов Пер-Лашез, но позднее прах его, согласно завещанию, перезахоронили в Ницце, в могиле супруги Натальи Захарьиной. В этой же могиле погребены трое малолетних детей, родившихся в гражданском браке Герцена с Натальей Тучковой. Черный скульптурный памятник писателю резко выделяется на фоне соседних белых надгробий. Как выделялся при жизни в иностранной литературной среде и он сам.

Любопытно, что это единственный памятник, сориентированный, как положено, не по оси «Восток-Запад», а перпендикулярно к другим могилам, словно бы лицом к России. Чуть дальше — могилы великого французского республиканца Леона Гамбетты и автора легендарного «Призрака в Опере» писателя Гастона Леру.

В сборнике эссе Герцена «С того берега» есть замечательные слова: «Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя, вместо того, чтоб освободить человечество, себя освободить, — как много бы они сделали для спасения мира и освобождения человечества». □

Эпизод, который чуть не изменил судьбу континента...

«Честь и достоинство русского человека
не может терпеть неприятеля
в виду стоящего»

П.А. Румянцев

навечно событиями Крымской войны девятнадцатого века

От автора:

Австралия... По последней переписи здесь проживает примерно восемьдесят пять тысяч человек с русскими корнями. Хотя есть мнение, что в реальности таких австралийцев может быть куда больше. Как так вышло? Несколько лет назад был опубликован мой рассказ под названием «Восточная война». В нем я описал (правда, используя приемы художественного изложения) события, произошедшие в 1854 году на далеком Камчатском полуострове.

В тот год русский фрегат «Диана», да пара шхун, под командованием контр-адмирала Завойко, разгромила объединенные англо-французские войска, состоящие из шести кораблей и фрегатов, и, вдобавок к тому, усиленные целым полком английских морских пехотинцев.

Десант, высаженный на берег, некоторое время спустя с позором убрался на свои корабли. А Завойко, не давая передышки противнику, отправил свои корабли к Николаевску-на-Амуре, где и нанес полное поражение вчетверо превосходящим силам неприятеля.

В этом бою погибли четыреста пятьдесят английских и французских матросов, наши потери — всего девяносто шесть человек.

Не вынеся такого позора, командующий вражеской экспедицией адмирал Принс застрелился, а побежденная эскадра, зализывая раны, убралась восвояси.

К чему я это все рассказываю? Да к тому, что до сих пор ко мне приходят письма с одной и той же просьбой: «А дальше?» Поэтому я хочу продолжить тему и рассказать о том, как русские моряки чуть было не захватили... целый... континент!

Июль 1854 года. Австралия. Редакция газеты «Сиднейский утренний вестник»

Главный редактор Уорд Стакенс, насупив брови, слушал бухгалтера Макгрегора, который монотонно докладывал об убытках и копящихся как снежный ком неоплаченных счетах:

— Если так и дальше пойдет, то наша газета, не просуществовав и десятка лет, вынуждена будет объявить себя банкротом, со всеми вытекающими из этого прискорбного события последствиями, — констатировал тот, с шумом захлопывая свой grosбух.

— У тебя все? — Стакенс поднялся со своего места и отодвинул тяжелую штору на окне. — Если да, то ступай к себе и хорошенько подумай, на чем мы сможем сэкономить. И заодно позови сюда этого бездельника Фердакса, откликающегося на прозвище — журналист.

Десять минут спустя

— Если ты прямо здесь и сейчас не выдашь мне идею сенсационного заголовка, то видит бог, Фердакс, я вышвырну тебя на улицу без всякого выходного пособия, ибо его все равно нечем выплачивать! — Произнеся это, главред развернул вчерашний номер газеты:

— «Кенгуру атаковали ранчо почтенного фермера, а прожорливые зайцы дочиста обчистили овощную

лавку!» — ну скажи мне, кому нужен этот бред? Кому у нас в Австралии кроме охотников интересны зайцы и всякие там сумчатые?!

— У «черта на куличках», на далеком Крымском полуострове, наши горячо любимые англичане, заодно с французами, турками и итальяшками, начали большую войну. Интересно, кто в ней победит, британский лев или ставший на задние лапы русский медведь?! — на одном дыхании выпалил журналист, стараясь не дышать в лицо шефа, дабы тот не учуял запах вчерашнего возлияния.

Услышав это, Уорд Стакенс перестал расхаживать по кабинету и схватил со стола карандаш:

— Невесть какая сенсация, но все же получше, чем нашествие животных. Мы из этого раздуем бог знает что. Улавливаешь мою мысль?

— Не-а, — честно признался Фердакс.

— Тогда бери этот карандаш и записывай за мной умные мысли. Первое! Подготовь в завтрашний номер большую статью на тему: страшнее русских — зверя нет! Второе! Мы начинаем собирать пожертвования на строительство сооружений — фортов против «шалых» русских кораблей, которым вдруг взбредет в голову очутиться в наших территориальных водах. И, наконец, третье — куда смотрят наши власти, задача которых защищать нас не только от нашествия прожорливых кенгуру.

— Зайцев, — поправил главреда журналист.

— Русского голодного медведя, охочего до наших богатств! И вообще, не смей меня перебивать, иначе я потеряю нить своих гениальных идей!

Влиятельная континентальная газета «Сидней морнинг хералд» и остальные издания писали:

«Для большинства наших читателей Российская империя известна только по названию; некоторым она представляется в образе мрачного деспота с кнутом или несчастного ссыльного, дрожащего от холода среди снежной метели...»

«Чем богаче человек — тем больше он боится вторжения... Основной же массе людей совершенно все равно — придут ли сюда французы, русские или турки, золото найдет свой сбыт всегда».

«Русские — это немного турки», «несут свободным людям кнут и деспотию, а все австралийцы после победы России будут сосланы в бескрайние снега и метели Сибири»...

После развернутой в газетах антирусской истерии местные власти, видя, какие колоссальные средства несут простые австралийцы в созданный фонд, решили поддержать «народную инициативу»:

— А вдруг эти сумасшедшие русские и до нас доберутся?! С них станется! Надо береговую стражу создать. Конечно, не по всему периме-

тру континента, а хотя бы в тех местах, куда могут прийти фрегаты с трехцветным флагом на грот-мачте.

Колонизаторы-англичане были рады только такому повороту событий, и всячески поддерживали слухи, что злые русские обязательно нападут на несчастную Австралию, поэтому нужно немедленно начать... защищаться.

Для начала в Порт-Филлипе наспех построили казарму, в которой разместили семьсот ополченцев-добровольцев и пару сотен солдат в придачу, и не спеша начали заниматься отработкой взаимодействия на тот случай, ежели ветер с океана занесет сюда корабли варваров-северян. Кроме этого, было решено отправить на охрану побережья парочку пароходов. Они должны были курсировать вдоль берега и незамедлительно ловить всех русских грабителей, которые вот-вот нагрянут и тут же начнут разорять с таким трудом возведенные строения.

Двухкорабельная эскадра почти месяц отважно защищала далекий континент от «злых завоевателей» и продолжала бы выполнять возложенную на нее миссию, но, увы, на одном из них, деревянном «Апп», запасы угля подошли к концу, и бесстрашным морякам пришлось вернуться в Порт-Филлип для пополнения запасов.

Охранять огромный континент от порабощителей остался лишь железный пароход «Great Britain».

Утро 18 августа

Воспитанник адмирала Лазарева, командир фрегата «Паллада» Иван Семенович Унковский всматривался в лица матросов, выстроившихся вдоль борта. Затем поднял голову вверх и прислушался. Изрядно потрепанные долгим походом корабельные мачты скрипели, паруса, хлопая на ветру, ежегодно напоминали о необходимости основательного ремонта.

— Всем ведомо, что «честь и достоинство русского человека не может терпеть неприятеля в виду стоящего?» — обратился он к команде и, не дожидаясь ответа, продолжил: — А посему с этой минуты мы объявляем войну Англии, точнее, ее колонии — Австралии. Пушки к бою! Всем немедленно занять места согласно расписанию!

Дозорные в Порт-Филлипе заметили, что к берегу на всех парусах приближается большой парусник, возможно даже... многопушечный!

После небольшого замешательства развели огонь в сигнальном костре, сообщая остальным, что кроважные северяне уже здесь и вот-вот бросятся разорять колонию.

Получив известие о поданном сигнале, командир береговой охраной сэр Киндл почесал затылок и скомандовал:

— Всем! В ружье! Немедленно!

Недовольно ворча, его приказ исполнили несколько человек, а

остальные сделали вид, что не услышали или не расслышали.

— Бить в барабаны и громко дублировать мои приказы! — топая ногами, приказал Киндл, — иначе после успешно выигранного нами сражения отдам ослушавшихся под трибунал!

И гарнизон выполнил приказ, правда, с точностью до наоборот: с трудом прогоняя утреннюю дрему, вояки стали смело разбегаться кто куда.

Оставшиеся на месте солдаты, не мешкая, обстреляли пароход «Great Britain» из своих ружей. Заметив это, команда парохода единодушно пришла к выводу, что неприятель уже захватил Порт-Филлип, и, следовательно, надо готовиться к бою за освобождение родины от оккупантов. Свет сигнальных костров они посчитали горящими домами мирных поселенцев.

Командир корабля хотел, было, высадить на берег десант, но так и не решился.

Зачем? Если город уже захвачен, следовательно, где-то поблизости стоят на рейде русские фрегаты! И уж они обязательно заблокируют его одинокий «Great Britain» в бухте! После чего уничтожат, как турок в Синопе! Поэтому, поразмыслив, он отдал «единственно верное распоряжение»:

— От высадки десанта отказаться. Но уничтожить захватчиков, обстреляв берег из корабельных орудий!

Дозорные, увидев, что корабль открыл огонь по береговым укреплениям, окончательно убедились, что их Австралию пришли захватывать русские... следовательно... надо немедленно... удирать, и как можно дальше.

Солдат, посланный со срочным донесением, добрался-таки до приемной губернатора Роберта Найкля и сообщил, что русские захватили Порт-Филлипе и, возможно, уже двинулись дальше.

Глава континента этой ужасной новости не поверил и решил лично съездить на место и своими глазами увидеть, что там и как.

Первое, что смутило Найкля, что на корабле противника имеется труба, и она дымит! Англичане его информировали, что у русских совсем мало пароходов, и ни одного из них их царь не отправлял в Тихий океан!

Была отдана команда срочно отыскать смельчаков-разведчиков и на шлюпке отправить их к вражескому кораблю. Таковые нашлись, но попросили время проститься с родными, ведь им предстояло плыть напрямик в логово кровавым варварам.

Впередсмотрящий корабля «Great Britain», увидев шлюпку, доложил, что враги послали парламентаров!

Капитан тут же отдал приказ:

— Всей команде построиться с личным оружием! Неприятеля встре-

тим, как полагается. Без всякого страха... в глазах!

(Были ли выявлены и наказаны виновные после того, как шлюпка с отважными разведчиками вернулась, мне не известно...)

А что же наша «Паллада»?

Унковский приказал высадить небольшую десантную команду — с целью разведки и установления контакта с русскими поселенцами, проживающими в местечке Кливленд.

(Из исторической справки того времени: в городке с общим населением в пять тысяч человек — две тысячи восемьсот восемьдесят один — этнический русский!)

Моряки с фрегата «Паллада», добравшись до городка, без боя и с полного одобрения земляков, полностью его захватили и тут же создали русское ополчение!

Оно быстренько захватило соседний Брисбен и двинулось дальше — курсом на Сидней.

Встреченные на пути солдаты английских экспедиционных сил были на голову разбиты и бежали в глубь континента.

К русскому ополчению стали примыкать местные жители других национальностей: потомки каторжников, а зачастую и сами каторжане были рады припомнить своим угнетателям все обиды!

После того как без всякого сопротивления был взят город Ньюкасл, командующий ополчением и сухо-

путными силами России в Австралии, а по-простому, командир десанта, мичман Вронской, отправил на «Палладу» короткое донесение:

«Дорога на Сидней свободна!»

И капитан одинокого русского корабля Унковский принял решение:

— Идем в атаку на английские корабли в порту Сиднея! Для чего встаем на мертвые якоря прямо у входа в бухту!

Поздним вечером, непрерывно крестясь, на борт «Паллады» поднялся парламентар. Дрожащей рукой он вручил капитану письмо от губернатора Роберта Найкля. Русским предлагалась солидная сумма, если они оставят в покое Австралийскую землю и не станут атаковать английскую эскадру.

Унковский, смеясь, вслух зачитал предложение взятки свободным от вахты матросам. Как он и ожидал, ответ был единогласным: будем штурмовать город, как только к его окрестностям подойдет ополчение Вронскова.

С восходом солнца корабельный батюшка отслужил молебен, и русский корабль стал готовиться к артиллерийской дуэли с кораблями противника.

На мачту взметнулся главный сигнал — «готовность к бою»!

В подзорную трубу Иван Семенович разглядел подходящее в боевом порядке ополчение.

Находящееся в распоряжении капитана небольшое парусное судно «Двина» матросы спешно готовили к атаке брандером¹. Бой обещал быть жарким.

Но, неожиданно капитан отдал команду — отставить!

От причала к фрегату на всех парах мчался катер, на котором отчаянно размахивали... Андреевским флагом! Позже он разглядел еще и испанский флаг!²

Через несколько минут на борт корабля ступил дипломат из испанской миссии, который, отдышавшись, вручил капитану номер мадридской газеты, в котором черным по белому сообщалось:

Российская империя подписала с Англией мирное соглашение!

Русские моряки и эмигранты-ополченцы остановились в шаге от эпохального события, способного было изменить жизнь целого континента.

Но, как известно — история не терпит сослагательного наклонения! □

¹ Судно, нагруженное взрывчатыми веществами, используемое для поджога или подрыва вражеского корабля.

² Испания в то время была союзником России.

Светлана Марлинская

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

Мало найдется людей, которые не знают, кто такой Михаил Васильевич Ломоносов. Великий русский ученый внес вклад в различные отрасли науки и поднял ее на совершенно новый уровень. Он первым в России открыл химическую лабораторию, писал литературные и исторические произведения и усовершенствовал русский язык.

Его биография подобна сфинксовой загадке: имя ученого окружено не только ореолом тайны, но всяческими домыслами и небылицами. Например, в некоторых источниках указывается, что русский гений родился в бедной семье, которая еле сводила концы с концами, а потом, словно движимый неведомой силой, отправился в самое сердце России.

Отца Ломоносова называли то священником, то дворянином — было трудно признать, что блестящий ученый, полиглот и поэт происходил из простой крестьянской семьи. Некоторые даже настаивали на том, что отцом вундеркинда был... сам Петр Первый (хотя кроме громадного роста не было ни малейшего сходства).

Ломоносов родился 8 ноября 1711 года в деревне Мишанинской Архангелогородской губернии (ныне село Ломоносово, Архангельская область). Он был единственным ребенком в зажиточной семье крестьянина Василия Дорофеевича, который слыл купцом и промышлял рыбной торговлей на собственных судах.

По воспоминаниям Михаила Васильевича, его отец был человеком добрым, но крайне невежественным. Когда одаренному мальчику исполнилось девять лет, его мать, Елена Ивановна, умерла. После смерти супруги Василий Дорофеевич пробовал построить счастье с Феодорой Михайловной Усковой. Но ее постигла такая же участь: она скончалась в 1724-м, через три года после замужества.

В том же 1724-м Ломоносов-старший женился в третий раз на овдовевшей Ирине Семеновне Корельской, которая предстала перед 13-летним Михаилом в образе

злой мачехи, отравляющей жизнь пасынку.

Из некоторых источников известно, что Миша всегда помогал отцу на рыбалке. Ему было десять лет, когда он первый раз вышел с отцом в море. На ранней зорьке они уплывали далеко в Белое море и, ловя рыбу с помощью плетеной сети, всегда оказывались с приличным уловом. Михаилу очень нравились путешествия по бескрайним морским просторам, он любил эти волны, голубые льды, пейзажи удаляющихся берегов. Он с легкостью преодолевал препятствия, которые стали для него настоящей закалкой силы и духа.

Раннюю часть детства Михаил посвятил грамоте житейской — приобрел много полезных навыков, укрепился в физической силе, а к изучению грамоты — чтения и письма пришел подростком, в 12 лет. Первым его учителем стал Иван Шубный, отец скульптора Федота Шубина

(Шубного). На следующую ступень Михайло Ломоносов перешел благодаря дьяку Семену Сабельникову, который научил его алгебре, грамматике, а также познакомил с удивительным миром литературы. Будучи 14-летним подростком, Михаил днями и ночами корпел над учебниками, ревностно проглатывал одну книгу за другой, пытаясь положить в копилку знаний новую информацию.

Многие знают со школьной скамьи легенду о том, что Михаил Васильевич, жаждавший новых открытий, отправился пешком в Москву, чтобы получить достойное образование. Поводом для такого смелого предприятия стало невыносимое существование в родном доме, а именно, бесконечные конфликты с Ириной Семеновной. Мачехе не нравилось, что пасынок все свободное время проводит за перелистыванием книг.

Михаил к тому времени понял, что существенный пробел в знаниях — непонимание латыни — станет препятствием для дальнейшего обучения, и мечтал его восполнить в одном из крупных городов. Василий Дорофеевич, отчаявшись отговорить сына, решил его женить и втайне подыскал невесту. Узнав об этом, Ломоносов слег в постель и притворился больным, поэтому бракосочетание пришлось отложить до момента «выздоровления».

Тем временем Михаил собрал вещи (две рубахи, тулуп и несколько книг), дождался ночи и, не простившись ни с мачехой, ни с отцом, тайно сбежал из дома. На третий день пе-

шего путешествия, в декабре 1730 года, 19-летний юноша нагнал обоз и попросил у рыбаков разрешения отправиться в дальний путь вместе с ними. Через три недели скитания по снежным сугробам, в январе 1731 года, он прибыл в Москву. От родного села до сердца России ему пришлось преодолеть более тысячи километров.

Молодой человек хотел стать студентом Славяно-греко-латинской академии. Чтобы осуществить задумку, он подделал документы и на время стал для ректората потомком холмогорского дворянина.

Михаил прилежно изучал латинский язык, богословские книги, физику и математику. По воспоминаниям ученого, в академии над ним подшучивали сокурсники: он бедно одевался, довольствовался одним алтыном в день и был старше других.

В 1735 году Ломоносов был зачислен в университет при Академии наук в Петербурге, где постигал математику, физику и пробовал заниматься написанием стихов. Уже через год, в марте, его и еще 12 способных студентов университета по решению Академии наук отправили на учебу в Европу. За границей они пробыли пять лет и все эти годы часто сталкивались с неурядицами. Учебное заведение затягивало с перечислением денег, поэтому многим студентам приходилось жить в долг.

Первоначально Михаил обучался в Марбурге, затем переехал во Фрайберг (Германия). Там он познакомился с Иоганном Фридрихом

Генкелем, который обучал его металлургии и горному делу. Но вскоре между ним и Генкелем возник конфликт. Камнем преткновения стал отказ молодого ученого выполнять черновую работу. Напряжение между преподавателем и студентами нарастало со скоростью света, дошло до того, что наставник отказался давать воспитанникам деньги на содержание. В 1740 году Михаил, захватив лабораторные весы с гирьками, навсегда покинул Фрайберг.

Однако в Россию он возвращался с изрядным багажом знаний, в кото-

стол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, 1746 года» является бесспорным памятником русской литературы. (Она принесла Михаилу Васильевичу заслуженную награду в размере двух тысяч рублей. В то время в царской казне не было других денег кроме медных монет. Ломоносов не растерялся, приехал на двух арендованных телегах и погрузил на них всю причитающуюся ему сумму).

Петру I, которого Михаил Васильевич очень почитал, он посвятил

Результаты, полученные в ходе химических и физических опытов ученого, всегда отличались точностью, Михаил Васильевич практически не ошибался в своих выводах. Он сформулировал основы кинетической теории газов, открыл закон сохранения энергии, объяснил тайну грозовых явлений и северного сияния, подверг химическому анализу руды и придумал основа физической химии

ром помимо сведений о горной промышленности были французский, итальянский и немецкий языки, танцы и фехтование.

Михаил Васильевич вообще был блестящим эрудитом в любой из областей, будь то физические явления, химические превращения или сочетание строк в стихотворении.

Причем на его произведения в дальнейшем опирались великие поэты, такие, как Александр Пушкин и Василий Жуковский, а «Ода на день восшествия на Всероссийский пре-

героическую поэму под названием «Петр Великий».

Большим вкладом Ломоносова в литературу стали и переводы древнегреческих и древнеримских поэтов. Кроме того, автор писал сатирические произведения, высмеивая духовное сословие. Этот и другие факторы послужили формированию критического восприятия творчества Михаила Васильевича некоторыми его современниками. Однако ругали ученого, как правило, завуалировано, а молодые последо-

ватели Ломоносова ревностно вступались за него, даже если он совершал ошибки.

Достоверно известно, что Михаил Васильевич всерьез начал заниматься наукой в 1737–1738 годах. Доказательством успеха в постижении естественных и точных наук молодым студентом стала его дебютная работа, которая называется «О превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предшествующей жидкости». В ней рассмотрены различные агрегатные состояния. А за диссертацию «О металлическом блеске» Ломоносов в 1745 году удостоился профессорского звания и стал дворянином.

Надо сказать, что результаты, полученные в ходе химических и физических опытов ученого, всегда отличались точностью. Михаил Васильевич практически не ошибался в своих выводах. Его научные труды помогли современникам перейти от натурфилософии к нынешним методикам естествознания. Он сформулировал основы кинетической теории газов, открыл закон сохранения энергии, объяснил тайну грозовых явлений и северного сияния, изготавливал цветные стекла и краски, подверг химическому анализу руды. Именно он придумал основы физической химии.

А еще, изучая труды Николая Коперника о космосе, он заинтересовался астрономией. Талантливый ученый открыл атмосферу на Венере, усовершенствовал светоотра-

жающий телескоп (система Ломоносова — Гершеля) и стал одним из первых служителей науки, кто догадался, что звезда, называемая Солнцем, представляет собой огромный огненный шар, поскольку «там огненные валы стремятся, вихри пламенные крутятся, и камни, как вода, кипят».

Помимо прочего, Ломоносов ввел в русский язык новые понятия («горизонт», «преломление лучей», «атом», «молекула», «температура» и так далее), придав им научный стиль, так как раньше технические термины обозначались латинскими словами.

Однажды ученый написал письмо приятелю Александру Шувалову, который являлся доверенным лицом и фаворитом Елизаветы Петровны. В нем Михаил Васильевич рассуждал о сохранении и размножении российского народа. Но даже такой образованный человек, как Александр Иванович, предпочел спрятать послание Ломоносова под сукно, сохранив его от глаз общественности.

С осени 1736 года Ломоносов стал арендовать комнату у вдовы марбургского пивовара. Там же жила ее 19-летняя дочь Елизавета Цильх, которая привлекла студента качествами хорошей хозяйки и прямоотой взглядов. Михаил понимал любовь как создание благополучия для своей избранницы. Но на деле он долго не мог понять, как это выразить. Молодые люди присматривались друг к другу два года, прежде чем объясниться в чувствах. Они поженились

в феврале 1739-го, а 26 мая 1740 года обвенчались. Первая дочь ученого родилась в ноябре 1739-го и считалась незаконнорожденной, потому что гражданский брак не был благословлен церковью. Девочка умерла в 1743 году.

1 января 1742 года Елизавета родила мальчика Иоханнеса. Ломоносов в это время уехал в Санкт-Петербург и готовился к приезду жены. Сын прожил всего месяц.

В 1749-м Елизавета и Михаил стали родителями в третий раз. Дочь Елена, названная в честь матери ученого, которую он нежно любил и потерял в детстве, выросла одаренной, под стать отцу. Девушка знала несколько языков, училась музыке, литературе, наукам.

Хотя семью Ломоносовых, любивших принимать гостей, называли счастливой и дружной, злой рок, увы, продолжал преследовать ее: единственная дочь Елена прожила всего 23 года. Однако в ее браке с учеником Ломоносова родились четверо детей — сын Алексей и три дочери: Софья, Екатерина и Анна. (Софья потом сочеталась законным браком с Николаем Раевским-старшим, прославившимся в Отечественную войну 1812 года).

Великий русский ученый скончался 4 (15) апреля 1765 года на 54-м году жизни. Причина смерти — воспаление легких. Могила Михаила Васильевича находится на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Последним проектом Ломоносова было мозаичное дело, продолжение которого он завещал брату своей жены и ученикам.

На следующий год после смерти служителя науки была опубликована задуманная им в двух томах книга «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года». Вторым том Ломоносов написать не успел.

Известно, что, когда не стало Михаила Васильевича, Григорий Орлов по приказу Екатерины II опечатал его сохранившиеся рукописи. Позже библиотека и бумаги ученого были перевезены во дворец, а дальше их след затерялся...

P.S. По мнению журналиста Дмитрия Семушина, отец Ломоносова не имел никакого отношения ни к морю, ни к торговле рыбой, это просто приукрашенный миф. В документах, которые дошли до наших дней, сказано, что Василий Ломоносов — крестьянин, проживающий в Куроостровской волости, двинянин. В этом документе слово поморы даже не упоминается. Дело в том, что биография «уникального человека» Ломоносова принадлежит перу историка Владимира Ламанского, и это с его легкой руки он стал сыном купца, торгующего рыбой. Опираясь на его работу, все последующие исследователи жизни и деятельности Ломоносова утверждали о его поморском происхождении. □

Екатерина Маркова

Коктебель

Заветные места есть у каждого. Мое — Коктебель. Коктебель-колыбель... С этим местом связаны самые счастливые и самые горькие мгновения моих детских, а потом отроческих крымских каникул. Может, поэтому о Коктебеле так и хочется говорить возвышенно. И он, действительно воспетый, заласканный самыми нежными эпитетами, и впрямь средоточие каких-то энергетических начал. Тут все не даром. И пушкинский профиль на соединении Кара-Дага с небом, и занесенные за десятилетия прибрежным песком следы босых ног влюбленных Марины Цветаевой и Эфрона, и тягучая истома коротких, чернущих как вакса ночей с аккомпанементом цикад и лягушек, и боль узнавания

правды о неверной курортной любви, пронзительной и недолгой, и стремительное созревание с обретением коротенького понятия «так звезды встали...»

А звезды вставали, как вырезанные для новогодней елки из серебряной бумаги конфетти и серпантин — кажется, протянешь руку, ткнешь пальцем, и осыплет тебя водопадом предновогодних иллюзий. И это в душной-то южной ночи!

Коктебель — это обещание чуда. Непременного чуда, без обмана. Обман будет потом, когда звезды уже не встанут, и жизнь пойдет своим чередом с горечью понимания, что Коктебель — не обманщик вовсе, а просто колдун, шаман, нашептывающий наветы и своим наркотиче-

ским дыханием сводящий с ума даже самых трезвых.

*Цветет советская земля,
Цветут заливы Коктебля
Природа, брат, природа, брат,
природа...*

*И портят эту красоту
Сюда наехавшие тунеядцы
и моральные уроды...*

Одуряюще пахнет раскаленный ковыль, шаршат о причал вздрюченные волны, ополоумевшая луна вот-вот сверзится в черную пропасть моря, жаркий горьковатый ветер чувственными прикосновениями жаждет близости. А сверкающие зигзаги падающих комет так и предрекают сладкую мгновенную смерть... и как от накатывающей шаровой молнии — не разъять, не предотвратить, не спастись...

Худющий, смуглый, как головешка, находящийся в постоянной ажитации Сережка Цигаль так и останется для меня символом Коктебля моего детства. Шальной, курчавый, этаким бесенок из сказки Пушкина, с пьяными от захлеба жизнью глазницами... Он всегда сваливался, как снег на голову, и за несколько секунд умудрялся превратить вялотекущую жизнь в абсолютный хаос...

Меня, худосочного подростка, родители впервые отпустили в Коктебель со своей приятельницей тетей Верой. До этого меня «пасли» родители, а тут вдруг — с тетей, которая по ночам, возможно, будет крепко

спать, и мне удастся выпрыгивать в окно, чтобы хлебнуть хотя бы до полуночи дразнящую недозволенность коктебельской жизни взрослых. Мне здорово повезло! Уже к десяти вечера тетя Вера оглашала дикими руладами храпа весь этаж, и свобода сваливалась зазывными джазовыми мелодиями из дома отдыха «Голубой залив».

Из окна тоже не надо было выпрыгивать. Нас поселили на знаменитой «палубе» волошинского корпуса, где многие, спасаясь от жары, спали либо с открытыми дверями, либо, как мне было позволено, на раскладушках, прямо на веранде-палубе. Здесь, лежа на своей раскладушке, я иногда встречала немыслимый по красоте рассвет, только-только вернувшись с ночных прогулок.

«Девочка плохо выглядит, у нее даже сквозь загар проступают синяки», — заметил тете Вере вполголоса Николай Павлович Задорнов, друг моих родителей, замечательный писатель, ныне несправедливо забытый. Я, конечно, услышала и запаниковала: а ну как вскроются ночные вылазки!

Тетя Вера внимательно оглядела Мишу, сына Николая Павловича, моего друга детства, и отметила, что он тоже что-то совсем неважно. В Мишке тогда еще не проснулся дар писателя-сатирика, вместо остроумного ответа он стал с усиленным вниманием разглядывать профиль Пушкина на пригорюнившемся Кара-Даге. Я, было, хотела

Дом М. Волошина в Коктебеле

спросить, что он там увидел нового, но прикусила язык, припомнив наше с Мишкой прошлогоднее происшествие. Решили, втихаря от взрослых, покататься на лодке. Старший товарищ помог взять лодку напрокат на лодочной станции, отогнал ее в Лягушачью бухту, а там уж мы сами сели за весла. Когда оказались далеко в море, небо внезапно насупонилось, набрякло, вода стала сизой, по ней пошла рябь, а потом и волны. Нас все дальше относило от берега. Мы гребли изо всех сил, но начинавшийся шторм уже кидал нас, как щепку. Мы поняли, что наша преждевременная кончина практически неизбежна. Одновременно оба уцепились молящим взглядом за единственное лицо, которое взирало с Кара-Дага на наши тщетные попытки выжить. Его каменный профиль как всегда священнодействовал над морем. Минуту спустя сквозь наши вопли и рыдания прорезался звук моторной лодки. Спасатели выловили нас из заполненной водой лодки и доставили на берег...

Жизнь на волошинской «палубе» продолжалась. В его доме царила вдова Максимилиана

Александровича — Мария Степановна. Суровая, совсем старенькая, она всегда находила в себе силы бранить нас и грозить палкой за «разнос» в доме. Бранила — и все же пускала. Возможно, потому, что с нами в старый дом врывалась жизнь. К ней приезжала на все лето дальняя родственница — Ленка из Харькова. У Ленки была балетная выворотная поступь, плоская спина, хитрющие узенькие глазки и певучая украинская речь.

— Эй ты, хохолка, сядь на шпагат — дам грушу, — орал вездесущий Сережка Цигаль.

— Не для того меня на балерину учат, чтобы я перед всякими дураками выделялась, — огрызнулась Ленка.

Когда Мария Степановна запускала нас в дом, и мы, абсолютно не понимая, в какое священное место попали, сначала слонялись по пропахшему пылью и стариной дому, глазели на тома книг, разглядывали мебель, а потом, в очередной раз освоившись, шалели и начинали носиться по дому, Мария Степа-

новна кричала: «А ну, пошли вон! Больше сюда ни шагу! Носятся, как стадо баранов!»

«Сколько говорено, не трогать пюпитр — это же Макс самолично для Алексея Толстого изготовил. Тот только стоя работал!» А иногда становилась задумчивой и скорбной, сидела в соломенном кресле на веранде, вздыхала, глядя на Кара-Даг: «Все считают, что это профиль Пушкина, а ведь на самом деле — вылитый Макс. Он и сам это понимал, поэтому здесь поселился».

Поселился, жил, творил и умер в Коктебеле, завещая похоронить себя на вершине высоченной горы. Когда, запыхавшись, добираться до его могилы, переводишь дух, оглядываешься — и сразу взгляд упирается в каменный профиль на Кара-Даге. Визави, как говорят французы...

А еще мой Коктебель... это наша детская площадка, где год от года мы вырастали из ее качелей, фанерных сказочных домиков, песочниц, горок. Вырастали, чтобы с бьющимся сердцем затаиваться тут по вечерам, когда малышовая жизнь закан-

чивалась, и втихаря, перебежками, от знаменитой винной бочки на набережной, заносились литровые банки с крымским вином. Нам было важно не выпить терпкого теплого вина, а ощутить себя полноценными аборигенами ночного разнузданного Коктебеля.

Причащались к взрослой жизни поспешными глотками и вспоминали, как еще несколько лет назад играли здесь «Репку», и этот домик был частью декорации. Как завидовали роли деда, которая досталась Никите Михалкову, потому что помимо приклеенной бороды из водорослей он еще должен был покуривать в трубу домика, чтобы потрясенные зрители увидели, как оттуда идет настоящий дым. Непонятно, какая часть роли привлекала Никиту больше, но по ходу спектакля я, играющая внучку, деда так в очередной раз и не дождалась — выкуренная сигарета сотворила немислимую слабость в его ногах, пришлось одно явление деда из избушки пропустить... Не помню, кого играли в «Репке» Саша и Яша Маршаки, но,

всякий раз наталкиваясь на рекламу знаменитого наркологического центра Якова Маршака, вспоминаю его в обнимку с огромным игрушечным грузовиком, а потом на нашей общей детской фотографии восседающим на нем же с довольной улыбкой собственника...

Коктебель-колыбель... Влажные от счастья, в пол-лица глаза Беллы Ахмадулиной. Тоненькая, гибкая, бросается она в припадке вдохновения и любовного сумасшествия в набегущую волну, захлебнувшись соленым счастьем, грозит кулаком небу и, видимо, получив оттуда благословение, прыгает в объятия второго глазастого сумасшедшего — Эльдарки Кулиева. Он — тоже меченый Коктебелем, сумасбродный, до безумия влюбленный в Беллу и такой умопомрачительный — взгляда не отвести... Как констатирует Ленка из Харькова: «Делон отдыхает...»

Однажды, задохнувшись от острого импульса немедленно оказаться в моем Коктебеле, я купила билет до Симферополя, на площади возле аэропорта плюхнулась, не торгуясь, в издававшее виды такси и сдавленным голосом почти просипела: «В Коктебель... поедем?»

«А чего ж не поехать-то?» — Колоритный дядька с золотой фиксой бывалым взглядом окинул меня и с подозрением поинтересовался: «Со всем, что ль, без багажа?» Мне хотелось сказать ему, какой многопудовый багаж везу я в себе. Десять пудов тоски по моему детскому раю.

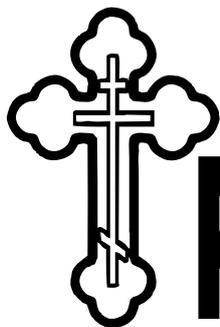
Но он на то и бывалый, что и так понял. Но понял, наверное, и еще что-то, потому что спровоцировал ловко на то, что я, волнуясь, как первоклашка перед первым вызовом к доске, все эти десять пудов вывалила на потертую кожу обветшалой колымаги. Говорила, по-моему, чуть ли не белым стихом. А дядька охал, переспрашивал, улыбался... Когда вдали замаячило море, он вдруг тормознул и припарковался к обочине. На меня глянули очень синие и очень добрые глаза в сетке глубоких морщинок. «Слышь, на той балюстраде, от которой у тебя до сих пор сердце заходится, моя теща недавно палатку открыла. Да и не только это... Нету его, того рая, по которому у тебя так сердце заходится! На вот, глянь». Он сунул мне в руки мобильник с фотографиями Коктебеля и добавил: «Для нее снимал, когда место для палатки искала».

...Резкий свисток притаившегося в кустах мента остановил развернувшуюся не по правилам машину.

«Виноват, начальник! — высунулся из окна таксист с золотой фиксой на переднем зубе. — Но нам позарез надо в аэропорт успеть».

— «Во как! А я понял — вам до Коктебеля. Вы же вроде ехали туда, и вдруг — обратно». Я высунула зареванное лицо в окно и пропела отчаянным голосом ошарашенному менту: «Цветет советская земля, цветут заливы Коктебля, природа, брат, природа, брат, природа. Но портят эту красоту сюда наехавшие тунейдцы и моральные уроды»... □

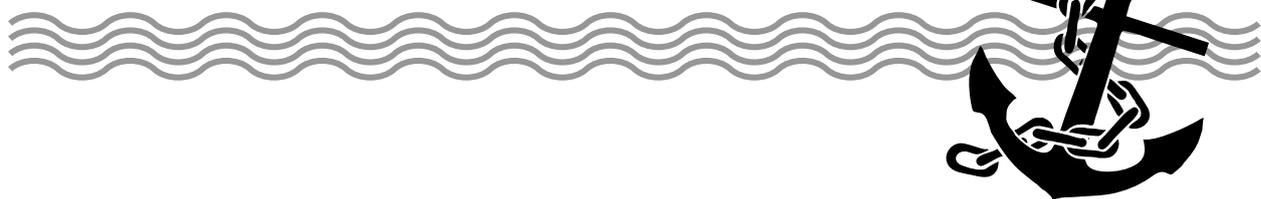
Геннадий Гусаченко

Реквием «Ре-минор»

«Сын мой! Храни заповедь отца твоего,
и не отвергай наставления матери твоей;
навяжи их навсегда на сердце твое...»

Книга притчей Соломоновых,
глава 6, (20,21)

В полуденной августовской жаре вяли поникшие листья деревьев, когда к воротам деревенского кладбища подкатила запыленная «Волга» с шашечками такси на дверцах. Неподалеку, у заросшего камышом пруда, томилось стадо коров. Во дворе крайней избы гоготали гуси. Где-то за околицей тархтел трактор. Высоко в мареве безоблачного неба носились стрижи. Седой мужчина в морской фуражке, в тужурке с шевронами капитана дальнего плавания, поставил у ног чемоданчик-кейс, неторопливо раскрутил проволоку на воротах. Тихо и осторожно, словно боясь нарушить кладбищенскую тишину, открыл железную калитку. Она заскрипела на ржавых петлях, и капитан вздрогнул. Ему, привыкшему на капитанском мостике проявлять выдержку и спокойствие в минуты опасности, вдруг стало страшно сделать первый шаг в это царство теней, покосившихся деревянных крестов, скромных обелисков и дорогих мраморных памятников со следами свежей глины на могилах. С пожелтевших овальных портретов безмолвно взирали на суетный мир лица усопших. Умершие, кто давно, а кто и совсем недавно, будучи живыми, смеялись и плакали, радовались и горевали, любили и ненавидели, лгали, клеветали, жадничали, завидовали, спорили... Теперь им ничего не нужно. И кажется, смотрят они с выцветших фотографий на мирскую суетолюку насмешливо и с укором: «Ох, земляки... Тщетна ваша суета. Не тем вы заняты... Не тем...»

Длинные плакучие плети березовых ветвей низко нависали над оградками погоста. Сквозь них тянулись тонкие золотистые нити солнечных лучей. Пронизывая густую листву, вспыхивали на полированных табличках с фамилиями покойных, зажигались золотыми искорками на бронзе муаровых лент и разноцветных лепестках искусственных цветов. Приморенные духотой, слабо попискивали пичужки, трещали кузнечики. Пахло скошенной травой, тиной пруда, взбаламученного стадом, и дымком печных труб. Безветрие. Тишина. Вечный покой...

Капитану, как и всякому человеку, приходилось бывать на кладбищах. Хоронил друзей, товарищей, погибших в море. Мальчишкой, возвращаясь в потемках с утиной охоты, сокращал путь, шел напрямки, через это самое кладбище, натываясь в темноте на бугры могил. От жуткого страха гулко билось сердце, но преодолевал боязнь, воспитывая в себе волю и смелость. Так почему сейчас, в яркий солнечный день, у него так же стучит в груди, как тогда, в детстве? Капитан снял фуражку, достал носовой платок, вытер вспотевший лоб и медленно двинул непослушно-ватные ноги. Внутренне он сознавал причину волнения и боязни: страшно было искать могилу отца и матери, умерших двадцать лет назад, к которой сын еще ни разу не приезжал. Он расстегнул карман тужурки, вынул вчетверо сложенное письмо сестры — замусоленное, протертое на сгибах — и сжал в кулаке. Читать не имело смысла — строчки письма, которое носил при себе все эти годы, знал наизусть. *«От ворот иди вправо, вдоль забора, до конца и налево. Рядом с ними Петька Наумов похоронен. Ну, помнишь, дружок твой... Вы бабушку Маланью в бане подперли, старуха тогда чуть дымом не задохнулась... Я отцу рассказала, он и спас бабушку, а тебя крепко выдрал... Трактором Петьку задавило. Перевернулся на нем спяну. На памятнике его руль от «Беларуси» приделан. А рядом, слева, отец и мать... Могилки не огорожены. Не успела я. Да и денег не хватило, на самолет у Нинки Паршуковой занимала, потом выслала ей. Поди, не забыл Нинку? Дружили вы... Даже жениться на ней хотел... А тумбочки железные местные забулдыги сварили за два литра водки. Красные звездочки на тумбочках и фотографии папы и мамы в рамках. Как еще приеду, цветы посажу. Отец полевые ромашки любил, а мама гвоздики...»*

Наумовский руль капитан увидел сразу, как свернул с дорожки налево. Стараясь не потерять его среди множества оградок, крестов и памятников, пошел напрямки, перешагивая через заросшие травой бугорки, тоже, наверное, могилки, хранящие чьи-то бранные останки. А вот и могила отца и матери. Увидев ее, он вздрогнул, как там, у ворот, и трудно сдерживаемые рыдания спазмами сдавили горло.

«Здравствуй, мама... Здравствуй, отец, — с трудом выдавил из себя капитан. — Теперь уж и мне столько лет, как было вам... Сравнялись мы... Про-

стите, что так поздно приехал...» Потом ласково провел рукой по ромашкам, редким и пожухлым на иссушенной земле, приладил среди них фуражку с потускневшим «крабом» и щелкнул замочками кейса. Горлышко бутылки тонко позванивало, когда он тонкими струйками до половины наполнял водкой три граненых стакана. Два накрыл кусочками черного хлеба и поставил у тумбочек, другой, прежде чем выпить, с минуту держал в дрожащей руке и сдавленно прошептал: «Пусть земля вам будет пухом... Царство вам Небесное... За тебя, отец... За тебя, мама... Простите...»

Капитан выпил и, наклонив голову, долго сидел в тени раскидистой черемухи на краю неухоженной могилы. Покосившиеся, облезлые тумбочки со следами зеленой краски. Ржавые звездочки. Безликие, выцветшие фотографии под стеклом в рассохшихся рамках. Эх, годы, годы...

Он задумчиво смотрел влажными глазами на блеклые фотографии. Слезы запоздалой сыновней любви катились по неровным бороздкам морщин на гладко выбритых щеках. «Ну, почему? Почему так поздно спохватился сказать отцу и матери что-то хорошее? Поблагодарить за все, что они сделали для меня... А ведь мог еще раньше, в бытность курсантом, или в последний приезд после окончания мореходки, выразить родителям признательность... Отметить их многолетний и бескорыстный труд сельских врачей... Поддержать... Люди, конечно, говорили им хвалебные слова... Но вот если бы я сказал: «Да, отец... Да, мать... Не зря вы столько лет прожили в этой сибирской деревне... Благородным делом заняты были. Стольких больных вылечили... Многим людям здоровье вернули, а иных от смерти спасли... А я вместо этих добрых слов насмеялся: «Живете в деревне, без удобств городских... Получаете копейки... Ничего не видите, кроме больницы своей, в кишках чужих копаетесь... Фу, противно...» Обидно вам было слышать эти слова. Тебе, отец, фронтовому хирургу военно-полевого госпиталя, под бомбами и снарядами делавшему операции раненым бойцам... Тебе, мама, фронтовой санитарке, вынесшей с поля боя десятки раненых солдат... Всю жизнь вы о людях переживали, о пациентах своих... О себе меньше всего думали... Прости, отец... Прости, мать... Дурак я был... Не понимал... Простите... На похороны ваши приехать не смог... В море был... В Австралию мы тогда шли. Радиogramму вручили мне, да что толку? Судно не повернешь назад. Тайфун нас тогда прихватил, потрепал сильно... Признаюсь, о судне больше думал, об экипаже... Из Австралии, помнится, прямым рейсом на Кубу отправились... Оттуда в Канаду... В общем, месяца три шлепали, пока во Владивосток вернулись... Конечно, мог отпроситься у начальства, приехать сюда, но нас погнали на ремонт в Сингапур, поставили в док. Не бросишь судно... Потом подвернулся выгодный рейс в Германию с заходом в Югославию... Да ладно, все это — пустые отговорки...

За двадцать лет не приехать... Причины оправдательные ищу... Хотя, бывало, наставляла ты меня, мама, притчей Соломоновой: «Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя»... Правда, было время, когда не думал о вас, сам был готов свести счеты с жизнью, броситься за борт хотел. В открытом море столкнулся мой лесовоз с рудовозом. Пожар, паника... Оба судна затонули... Погибли двадцать три моряка. Сожалел я, что не утонул вместе с ними. Был суд. Девять лет припаяли. От звонка до звонка отбыл их в колонии усиленного режима. С женой Оксаной развелся. Она не стала ждать меня из мест заключения, быстро замуж вышла и укатила с сыном Димкой и новым мужем в Крым. Тот вырос, не зная меня И вы не повидали внука. Кораблекрушение полное... И семейное, в том числе... Наверное, сестра должна была написать вам обо всем этом. Такие дела... А без моря мне, как без неба, не прожить... После освобождения пошел на танкере простым матросом. Стал боцманом... А знаете, дорогие мои, не было моей вины в столкновении. Спустя годы комиссия вновь расследовала причины катастрофы и признала виновным капитана рудовоза. Восстановили мне ранее изъятый диплом, но большегрузное судно все-таки не дали. Да я уже и сам не хочу в дальние плавания ходить. Капитаном портового буксира плаваю... Да, отец... Помню, как ты ругал меня за леность, ссылаясь на Книгу притчей Соломоновых: *«Дверь ворочается на крючьях своих, а ленивец на постели своей»*. И всегда уточнял при этом: *«Глава двадцать шесть, стих четырнадцать»*. И я запомнил. Брался за ремень со словами: *«Наказывай сына своего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей. Глава двадцать девять, стих семнадцать»*... И это я запомнил. Но мало ты меня порол, отец... Все жалел... И не доставил я ни тебе, ни маме покоя при жизни и радость душам вашим в старости. Не воспринимал всерьез ни ваши советы, ни наставления Соломона. В тюрьме было достаточно времени прочитать Книгу притчей, осмыслить призывы мудреца к разуму. Да поздно... Как говорится, поезд ушел... Обижался, помню, до горьких слез, когда драл ты, отец, меня за неубранную кровать, когда ты, мама, ругала меня за немытую посуду, за не политую капусту и другую невыполненную работу по дому. И особенно за двойки. Помнишь, отец? Ты драл меня и приговаривал: *«Запомни, сынок, стих двенадцатый главы двадцать третьей: «Приложи сердце твое к учению и уши твои — к умным словам»*. Я запомнил, отец... И еще потом ты оправдывался перед мамой за то, что выпорол меня, ссылаясь на те самые притчи: *«Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет. Ты накажешь его розгою, и спасешь душу его от преисподней»*. Стихи тринадцать, четырнадцать главы двадцать третьей...» Прав был древний мудрец. Прав был и ты, отец... А я?! Приду с моря — в кабак! Все деньги за рейс промотаю... Нет бы выслать вам денег в помощь при строительстве дома...

Пьянки, гулянки... Вино, женщины... Вольная, развеселая жизнь... Всего два раза за все время домой приезжал... Вспомнить стыдно... Матери пальто подарил с песцовым воротником, сестре сапоги финские... А тебе ничего не привез... Не понимаю... Почему такой бестолковый был? В Японию часто ходил... Ну, мог там купить зажигалку–пистолетик, фонарик какой-нибудь... Бутылку виски... Тельняшку обыкновенную подарить... Или свитер пуховый... Не купил... Не привез... Может, помнилась обида за то, что всыпал ремня за шалости, граничащие с хулиганством. То, бывало, стог сена подожжем, то старуху какую-нибудь по ночам пугаем, нарядившись в чертей...»

Капитан плеснул в стакан, пытаясь заглушить ностальгию по давно ушедшему детству, жадно, словно страждущий воду, выпил водку, занюхал рукавом тужурки. Память давних лет, воспоминания о бесцельно проведенных годах неумной молодости жгли нутро горячее каленого железа. Как наяву, вновь и вновь перед глазами возникала картина приезда в отпуск. Этаким расфуфыренный фронт во всем заграничном. Спросил удивленно: «Мам, а где отец?» «Плачет в кладовке», — ответила мать. «А почему плачет?» «Тебя не признал... Думал, Васька, племянник мой, из института на каникулы в гости приехал...» Прости, отец... Много глупостей я совершал, и одна из них та, что не расспросил тебя о предках наших. Кем были, как звали? У кого сейчас спросишь? А ведь и они, переселенцы с Дона, покоятся где-то здесь. Кресты бы им поставить... Да где? В каком месте? А война... На каких фронтах ты и мама воевали? Вот приедет ко мне сын... Верю я, надеюсь... С годами захочется ему увидеть своего настоящего отца... Что тогда расскажу ему о корнях его? Да... Верно говорят: «Близок локоток...» Вот он, рядом, а не укусишь... Были у отца и матери ордена, медали... Все Лидка захапала... А зачем ей? Фамилию мужа носит... И дети ее — Гудкевичи, а не Кислицыны, как мы... Конечно, она дочь ваша, для внуков ваших старалась... И документы, и награды после похорон прибрала к рукам. Дом продала... А что я мог тогда сделать? Подолгу в море был, в квартире моей пыль месяцами на шкафах лежала. А Лидия приехала, все распродала... Прости, отец... Прости, мама...» Капитан промакнул глаза платком, стряхнул с фуражки прилипшие к ней мусоринки, надел на голову, по привычке приложил ребро ладони к околышу, проверяя, на месте ли «краб». Поднял кейс и нетвердой походкой направился к воротам. Увидев его, водитель такси поспешно сел за руль и завел мотор. Капитан уселся на заднее сиденье, и машина покатила по неровной, в рытвинах, дороге, истоптанной коровьими копытами.

— В райцентр, Николай Павлович? В гостиницу? — нарушил молчание шофер.

— Нет, заедем сначала вон в тот дом... Я в нем в детстве жил... Дом тогда был совсем другой... Тесом крытый, а не железом. Забора такого не было... И заткни, наконец, свою тындыкалку... Разве это музыка? Как она тебе не надоест?! Таксист, нанятый капитаном за приличную плату, послушно

выключил радиоприемник. Хороший клиент ему попался, денежный! И не скупой... О таком пассажире здесь, вдали от морей, можно только мечтать...

Но вот и дом. Бывшая родительская усадьба... Сейчас в ней живут другие, совсем не знакомые люди. А мог бы, при желании, и он быть здесь хозяином. А что? Завязал бы с морем, бросил бы якорь в Осиновке — так называется эта деревня, где прошло его босоное детство. Но история не знает сослагательных наклонений. Бы... Да кабы... Если бы... Что случилось, того не изменишь... А может, оно и к лучшему... От одной мысли, что никогда не увидел бы дальних стран, островов, океанских просторов, а жил бы здесь, в Осиновке, на душе пресно становится.

Возле дома, бросая тень на двор, высилась толстая береза. Неужели так вымахала та березка, что посадил он перед отъездом во Владивосток? Как долго и напрасно уговаривали его отец и мать не ехать в мореходку, убеждали идти по их стопам, стать врачом. Отец — хирург. Мать — терапевт. После войны они, молодые романтики, подражая тургеневскому Базарову, приехали сюда подобно самоотверженным русским интеллигентам, добровольно шедшим в народ...

На злой лай дворняги, громыхавшей цепью, на крыльцо вышла пожилая женщина с подойником и полотенцем через плечо, удивленно уставилась на приезжих и спросила:

— Вам кого? Говорите скорее, а то мне на ферму, на обеденную дойку идти пора.

— Здравствуйте... Понимаете ли... Это мой дом... Хотелось бы пройтись по нему, посмотреть, как жили мои родители, — сказал капитан под оглушительный лай беснующейся собаки. — Да заприте же ее, наконец!

— А вы не командуйте! Как это — ваш дом?! Мы купили его еще полтора десятка лет назад... Вы кто будете?

— Кислицын я. Мы здесь раньше жили. На кладбище к отцу заезжал, заодно и в доме решил побывать. Вас как звать?

— Авдотья Ивановна...

Капитан достал из машины коробку конфет, бутылку мартини и протянул женщине:

— А это вам... Помянете моих родителей.

— А... Ну, так бы сразу и сказали, — смущенно проговорила женщина, принимая подарки. — А то: «Это мой дом!» Цыц, Полкан! Пшел на место!

Она отвела собаку в будку и уже подобревшим голосом пригласила гостя войти в дом.

Капитан в раздумье обошел все комнаты. Ничто не напоминало ему ни о родителях, ни о нем самом. Все переделано, перекрашено. Чужая мебель, чужие фотографии. И даже окна не те, а пластиковые...

— Вы давно живете в Осиновке? — спросил он.

— Давно... Лет пятнадцать... Как этот дом купили, так с тех пор и живем...

— Значит, совсем немного... Родителей-то моих знаете?

— Нет... Мы как приехали сюда, их уже не было...

— Ну, а о врачах Кислицыных слышали? Много лет они в Осиновке врачами в местной больнице работали.

— Откуда? Больницы уже нет... И школы нет... А для кого? Разъехались все, кто куда. Одни старики в деревне остались. Лечиться в район ездим.

— Может, Нину Паршукову знаете? Учительницу начальных классов?

— Нинку-то? Паршучиху? Кто же ее здесь не знает? И не учительша она, а директорша районного универмага... Как цаца расфуфыренная ходит... С мужиком-то со своим, со Степаном, разошлась. В райцентр перебралась. Разбогатела. Квартиру там купила.

— А чего ей с мужем не сложилось?

— Да кто их знает? Чужая душа — потемки. Судачили бабы, будто гульнула Нинка с хахалем городским. Хахаль, сказывают, и помог Нинке директоршей стать. А Степа и застучал ее с любовником. Да пошто было не гульнуть ей? Завсегда Степка пьяный. Не просыхает от водки. С работы его турнули за прогулы. А Нинка сейчас павой разодетой в магазине красуется.

— Не осталось ли у вас что-нибудь из вещей моих родителей?

— Ничего нет, — развела руками женщина. — Сестра ваша все соседям по дешевке распродала. Ковры, посуду, хрусталь, книги, инструменты. Мы уже в пустой дом въехали. Хотя, погодите...

Нынешняя хозяйка родительского дома сбегала в сарай и вернулась с топором и деревянным рубанком.

— Вот, в хламе валялись... От прежнего хозяина остались... От вашего отца, выходит... Еще в чулане ремень висит... Широкий такой, офицерский. Наверное, тоже остался от батюшки вашего. Сейчас принесу.

Да, ремень был отцовский. На нем он правил лезвие опасной бритвы. Вот и следы от заточки на заглаженной коже. Иногда этот самый ремень прохаживался по заднице будущего покорителя морских просторов. Было не больно, но очень стыдно.

— Ой, чуть не забыла! — всплеснула руками женщина. — Там, в чулане, еще куча бумаг и фотографий... Хотела выбросить, да жалко стало... Вдруг, думаю, придут, спросят про них... Вот вы и впрямь приехали и спросили... Надо же!

Она ушла и скоро вернулась с ворохом бумаг и толстым пакетом, покрытым пылью. Это были Почетные грамоты отца и матери, семейные фотографии. Капитан взволнованно взял их, прижал к груди и растроганно проговорил:

— Спасибо, — это бесценные для меня вещи. И этот топор, рубанок и ремень, к которым прикасались руки отца. Спасибо, Авдотья Ивановна!

Он почти всю ночь просидел при включенной настольной лампе в номере гостиницы, рассматривая грамоты и фотографии. Потресканные, оборван-

ные по краям, но такие родные. Вот он с отцом на рыбалке... Вот они окучивают картошку... Отец на мотоцикле... Мать в белом халате со стетоскопом на груди. Он и Лидка — маленькие... Он в коротких штанишках, она в коротком платице и с куклой...

Лишь под утро капитан забылся коротким сном. Будильник сотового телефона поднял в семь часов. Умылся, наскоро выпил кофе и выглянул на улицу. Моросил дождь. У подъезда гостиницы поджидала серебристая «Волга» с шашечками такси. Они заехали в магазин ритуальных услуг, где капитан купил два памятника из нежного, с розовыми прожилками, бело-голубого мрамора, пару венков и две чаши с гвоздиками. В ожидании, пока рабочие выпилят на памятниках надписи и прикрепят к ним фотографии отца и матери, выполненные на керамике, Кислицын решил прогуляться по площади райцентра. Мальчишкой приезжал сюда из Осиновки. В сравнении со своей деревней в те далекие годы все для него здесь было необыкновенно. В столовой вкусно пахли ванилином мягкие булочки с изюмом, прилавки в книжном магазине пестрели множеством разных канцелярских принадлежностей, вызывали восхищение хохломской росписью гривастые лошадки в отделе игрушек, привлекали мальчишеское внимание беговые лыжи, велосипеды, боксерские перчатки и диковинный акваланг в «Спортивных товарах», на базаре слышались визги поросят и галдеж торговцев. В павильоне продавали котят, щенят, хомячков, кроликов, рыбок и птиц. Вот и библиотека, в которой подолгу просиживал, листая редкие книги и журналы. Вокзал... А, главное, паровозное депо, возле него мог часами сидеть на куче песка, наблюдая, как пыхтящие паровозы ворочают дышлами огромные красные колеса.

Здесь мало что изменилось за прошедшие полвека. Разве что выстроились в ряд пивные, сигаретные ларьки и киоски с китайской мелочевкой. Да еще вот этого нового здания универмага не было... Там работает Нина Паршукова... Зайти, что ли, провести старую любовь... От этой мысли и от воспоминаний юности повеяло вдруг чем-то радостным и приятным... И, сам не зная, зачем ему эта встреча, Кислицын повернул к универмагу, толкнул стеклянную дверь. Несмотря на ранний час, в зале уже толпился народ. Две молоденькие продавщицы с ярко покрашенными губами, в одинаковых белых блузках с синими бантами, оживленно болтали в отделе парфюмерии. Стрельнули глазами по безукоризненной форме вошедшего моряка, по его морщинистому лицу, обрамленному на висках седыми баками, и равнодушно отвернулись.

— Девушки... Извините, что прервал вашу милую беседу. Скажите: у вас работает Нина Паршукова?

Продавщицы с любопытством посмотрели на него и, понимающе переглянувшись, дружно воскликнули:

— Вам директора? Так вот она идет... Нина Михайловна, к вам пришли! — громко окликнули они проходящую мимо женщину с важной осанкой. Пол-

нота... Модная прическа... Крашенные волосы... Очки... Серьги... Янтарные бусы... Строгий костюм... Властный взгляд...

Нет, не та Нинка... Не та, которая счастливо смеялась, когда он не удержал велосипед, и они упали в копну сена. Ни за что не узнал бы ее, если бы встретил случайно на улице.

— Коля! Неужели ты?!

Она сразу узнала его. Скорее, потому, что был в морской форме. Ждала, надеялась, что после окончания мореходного училища приедет за ней... Не приехал...

Нина взяла его за руку, погладила белоснежный манжет изысканной сорочки, украшенный золотой запонкой с бриллиантом, и прошептала:

— А ты все такой же...

— Какой?

— Красивый... Элегантный... Олег Стриженов рядом с тобой отдыхает и нервно курит в стороне... Пойдем ко мне в кабинет... Там поговорим...

Они ушли под вздохи продавщиц. «Такого мужика урвала!» — казалось, говорили их молчаливо-завистливые взгляды.

— Как ты жил... все эти годы?

— Как все... Женился... Развелся... Плавал... — Капитан передернул плечами, всматриваясь в нее. Ничего не осталось от прежней улыбчивой Нинки. Лишь ямочка на правой щеке, чуть вздернутый нос и карие глаза, пронзительно-жгучие...

— А я всю жизнь любила тебя одного... И сейчас люблю... Да только что теперь об этом говорить? Годы прошли...

— Если любишь, поедem со мной во Владивосток, — неожиданно для себя выпалил Кислицын. — У меня элитная квартира, престижная машина, хорошая пенсия... И при всем при том, я еще работаю... Правда, в дальние плаванья уже не хожу, работаю капитаном портового буксира... Деньги есть...

— В деньгах ли дело, Коля? — покачала головой Нина. — Куда я от детей своих, от внуков? Держат крепче канатов... А ты, наверное, в Осиновку на кладбище к покойным родителям приезжал? Мои родители тоже там похоронены. Мама все говорила мне: «Не вздыхай по морячку своему... Не нашего поля он ягодка». Не соглашалась я с ней. Да только матери всегда правы оказываются...

— Да... В Осиновку... Отца и мать проведать, — ответил он, выпуская гладкую и пухлую руку Нины из своей сухой ладони. — Кстати, у вас есть отдел по продаже музыкальных дисков и магнитофонов?

— Разумеется. А зачем тебе? Хочешь расслабиться на лоне родной природы?

— Да нет... Траурную заупокойную мессу исполнить родителям... Памятники сейчас повезу в Осиновку... Успеть бы управиться до вечера, пока дождь перестал...

— Пойдем, — взяла его за руку Нина, — я помогу тебе найти, что нужно, — и подвела его к киоску, уставленному коробками с компьютерными дисками, аудио- и видеокассетами.

— Поройся в Интернете, найди печальную мелодию, сбрось на диск аудио. И поторопись, товарищу капитану ждать некогда, — директорским тоном, не допускающим возражения, приказала она парню с наушниками на бритой голове, и повернулась к Николаю: — Это Сережа... внучек младшенький... Студент-медик. На второй курс перешел, а на летних каникулах подрабатывает у меня в магазине. Как твой отец, хирургом будет. Мечтает в Осиновке больницу открыть.

— Так вы Кислицын?! Николай Павлович?! — воскликнул парень. — Сын тех самых Кислицыных? Павла Ивановича и Полины Петровны, врачей из Осиновки?

— Да, тех самых, — перебила его Нина. — Делай, что велено. И поскорее, ему еще в Осиновку ехать.

Кислицын полистал записную книжку, нашел визитную карточку и протянул Нине:

— Возьми... Вдруг надумаешь навестить... Буду рад.

— Николай Павлович! — позвал его Сергей. — Вот, в подборке произведений классической музыки отыскал... Иоганн Себастьян Бах... Реквием «Ре-минор». Органный концерт. Сгодится?

— Прекрасная вещь, Сережа. Сколько с меня?

— Нисколько! Пусть это будет подарком будущего хирурга моим кумирам — Павлу Ивановичу и Полине Петровне Кислицыным.

— Спасибо, Сережа! — растроганно произнес капитан, расплатился за покупку, оставил на прилавке пяти тысячную купюру и подмигнул: — В знак благодарности студенту, продолжающему дело врачей Кислицыных.

У дверей универсама его поджидал водитель такси.

— Отнеси в машину, — отдавая ему магнитофон и коробку с диском, сказал капитан.

Здесь они и расстались. Сухощавый, подтянутый, слегка сутулившийся капитан дальнего плавания и располневшая женщина — директор районного универсама. В окна глазели любопытные продавщицы и знакомые Нины, когда он снял фуражку и с поклоном поцеловал ей руку.

— Прощай, Нина...

— Прощай, Коля...

— Может, даст Бог, увидимся...

— Может, увидимся...

Кортеж из «Волги» и двух «Газелей» двинулся в Осиновку. Рабочие споро-висто установили памятники и надгробия, высадили ромашки. Когда все бы-

ло готово, Кислицын поставил к памятникам фарфоровые вазы с водой и живыми бордово-красными гвоздиками. Рассчитываясь с рабочими, не поспешил, одарил их приличной суммой, стараясь хотя бы этим сделать что-то доброе во имя отца и матери. Рабочие, отродясь не получавшие в этом захолустье таких денег, смутились:

— Многовато, товарищ моряк...

— Много, парни, это не мало, — улыбнулся капитан, пожимая всем руки. — Спасибо, ребята... Молодцы! Прекрасно все сделали! Честно работали!

— Что-нибудь еще? Так скажите... Мы тотчас... Может, оградку соорудить?

— Да... В самом деле... Об оградке я и не подумал... Вот вам еще деньги — на оплату оградки и за работу по установке... Хватит или добавить? — протягивая пачку денег, спросил капитан, не думая о затратах, растроганно глядя на могилы родителей. Никак не хотелось верить, что видит их, возможно, в последний раз.

— Что вы?! Вполне достаточно! Оградку сварим красивую, привезем и поставим... Завтра все будет сделано в лучшем виде, не сомневайтесь... — с радостью заверили рабочие, которым не терпелось отметить получку. — Так мы поехали?

— Езжайте!

Небо прояснилось. Было прохладно и немного ветрено. В просветы между вершинами деревьев светило солнце. Под его лучами блестели капельки росы на влажных листьях. Капитан взял горсть земли из-под ромашек, ссыпал в пакетик и сунул в карман тужурки. Поправил вазу с цветами. Кажется, все правильно. Установил на мраморе магнитофон, повернул ручку на полную громкость и нажал клавишу. Величаво-торжественная, скребущая за сердце музыка раздалась над деревенским кладбищем, вспорола вечную тишину, нарушаемую лишь шепотом ветра, шелестом листьев и щебетанием птиц. С непокрытой головой капитан стоял и слушал будоражащий душу реквием, и вся жизнь мгновениями пронеслась в сознании убеленного сединами человека.

— Прощай, отец... Прощай, мама... Простите... — тихо проговорил он. Чтобы не разрыдаться, быстро повернулся и зашагал к воротам. Реквием «Ре-минор» провожал его печально-тревожными, бархатно-раскатистыми звуками органа, ведущего главную партию мелодии зауспокойной мессы.

— Магнитофон забыли, Николай Павлович! — обеспокоенным голосом услужливо напомнил водитель.

— В аэропорт! — коротко ответил капитан, торопливо захлопывая дверцу машины... □

Евгения Гордиенко

Век Зои

Прожить целый век — случай редкий, почти уникальный даже в наше время. Человек, наблюдавший за течением времени на протяжении столетия, становится словно немного иным, он видел и знает больше, чем кто-либо другой. И часто такой человек вместе с возрастом обретает ту особую мудрость, которая позволяет не спешить, не суетиться, а видеть главное. Все эти слова можно отнести к Зое Борисовне Богуславской, которой в 2024 году исполнилось ровно 100 лет.

Она родилась 16 апреля 1924 года в семье Бориса Богуславского — крупного ученого в области станкостроения. Он хотел, чтобы Зоя пошла по его стопам, но началась война. На фронт рвавшуюся туда девушку не взяли, отправили в эвакуацию в Томск. Но она, кипучая натура, нашла себе дело и там: устроилась работать в военный госпиталь, где мама Эмма Иосифовна работала врачом и заведовала отделением тяжелораненых. Нянечка, медсестра, медсестра в операционной — такой вот карьерный рост был у юной барышни.

Из тех военных времен осталась история, которую Зоя Борисовна однажды рассказала. У нее в госпитале был пациент, грузин, потерявший ру-

ки и ноги. Дома его ждала беременная двойней жена, но возвращаться он не хотел — считал, что станет обузой. И все просил юную медсестру дотащить его до окна, чтобы он мог покончить с собой. Но девушка решила иначе. В карте она нашла тбилисский адрес, написала жене пациента всю правду. Та примчалась и забрала мужа домой...

К моменту окончания войны Зое шел 21 год, и она хотела поступать в театральный вуз, так как мечтала стать...актрисой. Вот такое нетипичное решение для девушки, прошедшей военный ад. Но затем она немного сместила свои интересы и поступила в ГИТИС на театроведческий факультет. Отец был в гневе и сме-

нил его на милость только после того, как вышла первая ее большая публикация — про пьесу Бориса Полевого в газете «Советская культура».

К тому времени относится и первый брак Богуславской (всего замужем она была трижды, ни разу, кстати, не меняв фамилию). В эвакуации в Томске она познакомилась с Георгием Новицким — студентом Ленинградского театрального института. Поженившись, молодые стали жить в Москве с родителями Зои. Это мало способствовало счастливому браку, и Эмма Иосифовна сняла для пары комнату неподалеку. Но Георгий много пил, и вскоре Зоя с ним развелась.

Заниматься настоящим творчеством во второй половине сороковых и начале пятидесятых годов было непросто. Она защитила кандидатскую диссертацию по драматургии Александра Корнейчука, работала над книгами о прозе Леонида Леонова и Веры Пановой. Но все это не приносило настоящей творческой радости. В издательстве «Советский писатель» она много работала над редактурой: сокращать, выявить главное — в этом ей не было равных.

В какой-то момент Зою Борисовну назначили отвечать за всю литературу в Комитете по Ленинским и Государственным премиям — это считалось очень престижным. Престижным в те годы был у нее и муж — ученый, доктор технических наук, самый молодой лауреат Сталинской

премии Борис Каган. У пары рос сын Леонид.

В 1957 году Богуславскую приняли в Союз писателей СССР. В том же списке представленных к награде числился и молодой поэт Андрей Вознесенский.

История их знакомства известна. Он осаждал ее, замужнюю даму, мать, старше его на 9 лет, как мальчишка. Он тогда и был мальчишкой, не имевшим ничего общего с тем маститым поэтом, которым мы его помним.

Когда Зоя Борисовна отправилась в речной круиз, на каждом причале ей вручали цветы и телеграммы от Вознесенского. Для остальных пассажиров теплохода это была словно шекспировская пьеса, разыгранная в отечественных декорациях, они с любопытством наблюдали за разворачивающимися событиями, а Богуславская была так сердита на столь пристальное внимание к себе, что пообещала при встрече лишиться назойливого поклонника жизни. «Мне было нельзя даже выйти из каюты — настолько это была тотальная атака», — признавалась она.

Поэт встречал теплоход в Петрозаводске. Зоя Борисовна, конечно, вела себя достойно, но довольно резко попросила Вознесенского перестать ее преследовать. Он пообещал, но ушел, абсолютно поникший.

А она его...пожалела. И уже на следующей остановке в Вознесенске отправила примирительную те-

леграмму. Но он не ответил — держал слово более ее не беспокоить.

Когда Богуславская вернулась в Москву, ей позвонила мама поэта и спросила, не знает ли Зоя, где ее Андрей. Несмотря на то, что Антонина Сергеевна выбор сына не одобряла, она считала, что только Зоя может точно знать, где может быть Вознесенский. Он объявился через неделю, и они стали встречаться.

Когда Зоя Борисовна подала на развод, ее муж благородно предложил ей подождать год — у них сын, налаженный быт, возможно, она остынет? Но она не собиралась «остывать» еще почти полвека, и с Каганом развелась, после чего, в 1964 году, вышла замуж за Андрея Вознесенского. У них не было своего угла, но благодаря содействию Сергея Михалкова, стоявшего во главе Московской писательской организации, они получили квартиру.

Это был союз двух абсолютно равновеликих талантов, и если она стала для него музой, соратницей, человеком, обеспечивавшим быт, то он помог ей еще больше раскрыть свой талант, уйти от работы с официозом, с тем, что ей было скучно. Он был уверен, что редакция чужих текстов мешает ей стать самостоятельным писателем, опустошает ее.

Вознесенский познакомил с ее музой еще одного великого поэта — Лилей Брик. Для двух женщин это было непростое знакомство, но они сдружились и некоторое время были потом соседями в Переделкино. Для поэта было важно, чтобы они

понравились друг другу, ведь Лилию Юрьевну он боготворил. И называл обеих — музу Маяковского и свою жену — грубым словом «судьбабы». Зою — под именем «Оза» — поставил в один ряд с Беатриче и другими возлюбленными прошлых веков.

Но она не была эфемерной, она, как и большинство русских муз, ставила себе в ответственность его труд, его поэзию. В 1963 году 29-летнему Вознесенскому предложили провести вечер поэзии в Большом зале Московской консерватории. Там он должен был впервые читать поэму «Аве, Оза», посвященную Богуславской. Дав обещание выступить, Андрей уехал в Ялту, чтобы доработать произведение. Зое Борисовне же в это время постоянно звонили из консерватории и спрашивали, когда поэт явится на репетиции. За два дня до выступления Богуславская получила от мужа телеграмму: «Милая, не могу приехать. Цветет миндаль».

Поскольку на концерт должны были прийти пианисты Святослав Рихтер, Генрих Нейгауз и другие знаменитости, Богуславская сказала мужу по телефону: «Если ты не прилетишь, забудь мое имя». Он прилетел, но впоследствии долгое время винил жену в том, что не дописал поэму из-за ее «чрезмерной ответственности перед публикой».

Но она не только «работала музой». Зоя Борисовна всегда была абсолютно самостоятельной творческой единицей. В годы выхода был очень популярен цикл ее эссе «Невымышленные рассказы» о встречах с

деятелями российской, европейской и американской культуры: Марком Шагалом, Аркадием Райкиным, Хулио Кортасаром, Артуром Миллером, Юрием Любимовым, Владимиром Высоцким, Михаилом Барышниковым, Лайзой Минелли, Брижит Бардо и другими. Не менее известное ее произведение — документальная повесть «Американки», вышедшая в 1991 году и рассказывающая как о первых леди США, так и об американских женщинах-заключенных.

Ее усилиями была создана первая независимая премия «Триумф». Она была задумана как российский аналог Нобелевской премии, но лауреатами ее становились не только самые талантливые, но и те, кто, по мнению жюри, был обделен в свое время официальным признанием. В состав жюри входили Андрей Битов, Олег Меньшиков, Инна Чурикова, Владимир Спиваков, Ирина Антонова, Алла Демидова и другие. Премия существовала на протяжении 19 лет.

В середине девяностых на их дачу в Переделкино забрались воры. Грабитель приставил к ее горлу нож. Интересовала их в основном техника, а вот картины Ренато Гуттузо и офорты Шагала — не особенно. Богуславская велела им забирать все и уходить — боялась, что проснется муж и устроит драку. И только потом, когда воры ушли, отправилась на поиски таксофона — вызвать милицию. Одного из грабителей вскоре поймали, но Зоя Бори-

совна не стала писать на него заявление — сказала, что у мальчика только жизнь начинается...

С Вознесенским они прожили вместе почти полвека. Последние 15 лет она, как могла, боролась «за каждый участок его тела» с болезнью Паркинсона. Первым звонком стал случай, когда он чуть не утонул на море. Сказал, что ногу свело, но это уже были зачатки недуга.

Те, кто знал Богуславскую, говорили, что видели ее потерянной только однажды — когда не стало Андрея Андреевича — 1 июня 2010 года. Но все равно она нашла в себе силы жить дальше, заниматься премией и другими проектами, увековечивающими память мужа — как и пристало русской музе. Центр Вознесенского на Большой Ордынке она создала вместе с сыном — Леонидом Богуславским. Разобрала и сохранила архив мужа, учредила премию «Парабола» — в память о нем. И кто знает, что она еще успеет сделать. Русские музы, жены и вдовы — способны на невероятное...

В самом начале их отношений Вознесенский посвятил ей строки, которые сегодня кажутся пророческими:

*Пусть еще погуляется
этой дуре рискованной,
хоть секунду — раскованно.
Только пусть не оглянется.*

И она смотрит вперед. □

Ольга Козлова

Музыкальный театр — это мир праздника, веселых красок музыки и зажигательных танцев. Мюзикл, оперетта и опера — в каждом из этих жанров есть свои звезды. А есть и уникальные артисты, которые могут воплощать на сцене все эти жанры. Они умеют сочетать «три в одном» — такие разные по стилю и манере исполнения, но одинаково любимые зрителем арии и ариозо. Одной из таких звезд на нашем театральном небосклоне является Ольга Козлова. Яркая, красивая, талантливая и трудолюбивая, с неповторимым тембром и фактурой героини — описывать ее дарование можно долго. Предлагаем познакомиться с ее театральным миром в ее интервью «Смене» — о непростых буднях артистов-вокалистов, работе актера над собой и о том, как творчество влияет на жизнь человека.

«Работа артиста начинается задолго до того, как он переступит порог театра...»

— Ольга, я знаю, что вы уже в 5 лет занимались на фортепиано. Кто привил вам в столь раннем возрасте любовь к музыке?

Позже решили послушать меня в хоре «Жаворонок», и с этого момента фортепиано «ушло» на второй план. Я начала участвовать в конкур-

— Мама привела меня в музыкальную школу в раннем возрасте — 5 лет. После стандартного прослушивания ей сказали, что девочка музыкальная, но заниматься слишком рано. Однако меня взяли на испытательный срок — если смогу, то потяну... Помню, что первые год-два мама присутствовала на теоретических дисциплинах, записывала все за учителем и, тем самым, обучаясь вместе со мной, могла дома объяснить то, что я не успела понять. Взяли меня на фортепианное отделение, к прекрасному педагогу Чаловой Ольге Васильевне.

сах, выступала с сольными программами, и музыка стала моей стихией.

— Что наиболее отпечата-лось в памяти из всего вашего музыкального детства?

— Самое запоминающееся — это летние музыкальные хоровые лагеря, где мы совмещали отдых на море с творчеством.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей учебе в музыкальном колледже имени Римского-Корсакова в Краснодаре. Именно там у вас возникло желание покорять Москву?

— В 14 лет мне предложили поехать на прослушивание в музыкальный колледж Краснодара к педагогу Губаревой Анне Анатольевне. Мне было страшно в столь раннем возрасте покинуть родительский дом, но после нашей встречи с педагогом я решила остаться здесь, чтобы повышать свое вокальное мастерство. С сентября начался мой новый, самостоятельный этап жизни в большом городе. Была активная учеба, концертные и конкурсные выступления.

На 4-м курсе нужно было определяться, куда идти дальше... Поскольку я была еще слишком юна, всего 18 лет... в консерваторию, как многие вокалисты шли, я не хотела — ведь это очень схоже с обуче-

нием в колледже, поэтому, как только узнала о ГИТИСе и о том, что существует такой факультет как музыкальный театр — сразу же решила поступать туда. Это было ново, необычно, и я совсем не знала, что ждет впереди... А когда на вступительных экзаменах я узнала, что мастер курса — Дмитрий Бертман (худрук «Геликон-опера»), вот тогда появилась новая цель — стоять на сцене оперного театра и исполнять арии...

— Как удавалось все совмещать?

— Была очень большая нагрузка, мы практически ночевали в ГИТИСе — придумывали актерские этюды, шили костюмы, репетировали... Приходили домой за полночь, а утром нужно

было к 9-ти быть на теоретических парах. Большим плюсом стало то, что у меня уже была отличная музыкальная подготовка — как теоретическая, так практическая, я часто выступала в роли аккомпаниатора и репетитора по сольфеджио. Помимо этого, со своим педагогом по вокалу Ирталач Натальей Александровной, я много ездила и показывалась на конкурсах. Взяла Гран-при на Московском конкурсе-фестивале «Серебряный голос» (2011 год) и стала лауреатом I степени на Международном конкурсе «Венские классики» (2012 год).

Через год пришло предложение пойти на прослушивание в театр Оперетты. Решив, что это хороший старт для карьеры, я пошла.

И вот передо мной комиссия. Я пела, танцевала латинские танцы, и мне сказали, что берут. Но вот как совмещать работу с учебой — ведь я училась на третьем курсе — пока не придумала. Как потом выяснилось, учебный театр ГИТИСа и театр Оперетты были недалеко друг от друга, я бегала от одного здания к другому и старалась все успевать.

— Помните свою первую роль?

— Первой ролью в театре была Стасси из оперетты И. Кальмана «Сильва». А первым режиссером, с которым я начала работать, учиться у нее, была заслуженная артистка РФ Гулиева, которая много мне дала в актерском развитии, понимании

жанра оперетты, а чуть позже именно с ней была огромная работа над моей главной ролью Одетты в оперетте «Баядера».

После легкой девчки Стасси мне дали роль Джейн в одноименном мюзикле Кима Брейтбурга, режиссера Алины Чевик. Это совершенно иная работа и в манере существования на сцене, а также в вокальном исполнительстве — мне было непривычно петь в эстрадной манере, ведь я всю свою жизнь обучалась академическому искусству голосоведения. Но я с задачей справилась.

В театре было много ролей и второго плана, и заглавных партий: Виолетта в спектакле «Фиалка Монмартра», Лика Захарова — «Вольный ветер мечты», Саффи «Цыган-

ский барон», Габриэла Головер — «Веселая вдова» и другие.

— В чем для вас заключаются основные сложности в существовании на сцене — в вокальной технике или же в исполнении по-новому старых хитов?

— Очень сложно существовать, когда ты понимаешь, что зритель знает тексты старых оперетт, а либреттист придумал на новое прочтение режиссера совершенно иные слова, и приходится их зазубривать, так как, если «всплывет» старый текст, концепция номера потеряется. Поэтому многие хиты, к сожалению, редко звучат хитом, иногда даже сложно узнать, что это за ария.

— Как удастся сочетать режиссерские находки с игрой и, самое главное, вокалом? Как удастся удерживать дыхание, и вообще побороть, например, страх высоты? И где, в каком спектакле существовать сложнее?

— Самое сложное, и технически и вокально, — это в оперетте «Летучая мышь» Штрауса, в театре она идет без микрофонов, поэтому все три часа ты работаешь по максимуму, причем, очень много вокальных номеров, где поднимают

тебя за ноги высоко вверх, а также море гениального актерского текста Николая Эрдмана. Ты должен распределить свои силы, чтобы хватило их до конца спектакля. Поэтому важен отдых для артиста, вокальная форма, которая приводится в классе с педагогом и, конечно же, крепкое здоровье.

— Ваши любимые спектакли, роли, партии?

— Любимой ролью, как ни странно, стала Аделина Патти из мюзикла «Анна Каренина», эта ария, которую я исполняю на все 100%, что ни на есть, вокальная, показательная... Исполнять ее — одно удовольствие.

— У вас подрастают двое детей. Получается совмещать семью и карьеру?

— Да, я мама двух мальчишек. Со старшим не была в декрете, сразу после рождения вышла в театр, чтобы сыграть роль Саффи в «Цыганском бароне», уже со вторым я позволила себе побыть в декрете, но продолжала выходить в мюзикле «Анна Каренина». С взрослением детей становится тяжелее совмещать весь объем работы, который предлагает мне театр.

— Дети понимают, что мама — звезда музыкального театра? Нравится ли им закулисы театра (вы наверняка во-

дите их периодически на спектакли)?

— Дети понимают, что мама — актриса, певица, и ей редко удается бывать на их праздниках, но им бы хотелось, чтобы я чаще была дома, вместе с ними.

Кстати, старший сын часто бывал со мной на репетициях, впервые «вышел на сцену» в возрасте 7 месяцев. Добрые костюмеры, коллеги по цеху помогали приглядеть за ним, когда я находилась на сцене. Младший в театре появлялся не часто, в основном, на репетициях в классе. При всем при этом я в первую очередь — мама, а уже потом артистка.

— Никогда не подумаешь, что вы мама двух детей — настоль-

ко шикарно выглядите! Как удается сохранить себя в такой прекрасной форме?

— После рождения первого ребенка я пришла в физическую форму благодаря спорту, здоровому питанию и занятиям с тренером. А когда достигла «идеальной» формы, узнала, что беременна вторым. После вторых родов я пришла в форму не самым лучшим способом, а именно — стрессом, у меня не хватало времени просто поесть... Но я быстро взяла себя в руки, возобновила занятия йогой, веду, как сейчас принято говорить, «чистое питание» и, конечно же, полноценный сон, который важен и нужен каждому здоровому человеку.

— Ольга, а как вы восстанавливаетесь после спектакля?

— После спектакля бывает очень сложно «затормозить заведенную психику», Дома, уже лежа в кровати, — ты анализируешь, как прошел спектакль, все ли задуманное получилось, что можно исправить. А бывает, что лежишь, и в голове мелодия... и вот ты уже начинаешь ее пропевать и будишь тем самым своих домашних, которые сопят под боком. Ведь недаром говорится, что работа артиста начинается задолго до того, как он переступил порог театра или же концертной площадки, каждый день мыслями мы в работе и поиске звучания, существования своего героя.

— Есть ли у вас профессиональные секреты по восстановлению актерской психофизики?

— Для меня это — принятие ванны с магниевой солью — очень помогают успокоиться, а согревающий фруктовый чай восстанавливает голосовые связки.

— Что для вас является сложным в создании образа?

— Сложным? Я бы сказала по-другому, создание образа — не сложный, а увлекательный и интересный процесс. Ведь когда тебя утверждают на роль, ты знаешь основную линию сюжета произведения, как зовут героя, и что он исполняет, а вот далее начинается самостоятельная работа артиста-вокалиста, с педагогами

и режиссером. И в какой-то момент происходит понимание, что за человек твой персонаж, какой он вначале, что происходит во время спектакля и к чему он придет в финале истории. Так же и вокально — как он произносит слова, какой подтекст вкладывает в сказанное. Плюс большая работа посвящена внешности — какой костюм, походка, манера общения, да даже элементарно какой тебе нанести макияж.

— Не было желания стать режиссером? Некоторые артисты, рано или поздно, переходят на режиссерскую стезю...

— В качестве режиссера я бы не выступила однозначно, это совершенно не мое, мне нравится больше процесс исполнения, нежели постановки. Но идеи для дальнейших творческих экспериментов рождаются, и я очень хочу найти свою команду, которая поможет мне это воплотить в жизнь.

— Каким вы видите будущее музыкального театра и свое?

— Мне кажется, скоро все вернется к хорошей классике, зритель устал от современности, становится неинтересно смотреть то же самое, что мы можем увидеть в жизни. Верю, что молодежь найдет интересное для себя не только в жанре мюзикла, но и в других музыкальных формах. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото из личного архива

Туземец на приеме у короля,

или «Портрет Омая»
Джошуа Рейнольдса

Джошуа
Рейнольдс.
Автопортрет

Совсем недавно эта картина чуть не покинула Великобританию навсегда — ее могли продать богатому зарубежному коллекционеру, частному лицу, и она навсегда была бы потеряна для публики. Но этот шедевр сэра Джошуа Рейнольдса, портрет таитянина Омая, был слишком дорог британцам. И деньги собрали, и выход нашли — теперь картиной владели два музея: лондонская Национальная портретная галерея и американское собрание, музей Гетти в Сан-Франциско.

30 июля 1775 года корабль Кука «Резолюшн» вошел в Спитхед — внешний рейд Портсмута и судоходный канал, ведущий в Саутгемптон. Джеймс Кук вернулся Англию после своего второго путешествия. Результаты этого плавания были весьма впечатляющи. В поисках Южного материка (*Terra Incognita*), найти который мечтали еще античные мореплаватели, Кук первым в истории пере-

сек Южный полярный круг, изучил Таити, острова Пасхи, Маркизовы острова, открыл Новую Каледонию и Южную Джорджию, остров Ниуэ и Новые Гебриды, Южные Сэндвичевы острова и еще множество островов Океании. Южный материк он не нашел — но доказал, что его не существует, а та земля, которая, возможно, есть на юге, закована во льдах и человечеству, похоже, не нужна.

Возвращение Кука в Лондон было триумфальным. Ему пожаловали звание капитана первого ранга и за заслуги в открытии новых земель приняли в члены Королевского общества.

На одном из кораблей экспедиции Кука, корабле капитана Тобияса Фюрно, в Британию приплыл полинезиец с острова Раиатеа. Звали его Омай.

Во время плавания на кораблях Кука началась цинга. Требовалось срочно откормить команды. Они были рядом с Таити, но на Таити оказалось мало мяса, и Кук отправился со своими судами на соседний остров Хуахине, где добыл три сотни свиней. На Хуахине молодой островитянин Омай (ему было примерно 20 лет), сын местного вождя, убитого во время нападения воинами соседнего племени, упросил Кука взять его с собой в Англию, он надеялся там найти оружие для борьбы с врагами своего народа. Поскольку Кук планировал снарядить еще одну экспедицию в южные моря и таким образом вернуть юношу на родину, он согласился. Вот так Омай попал в Лондон. На улицах британской столицы его восхищало все: соборы с устремленными в небо шпилями, дороги, по которым ездили кареты и дилижансы, да и дома этих белых были совсем не похожи на жилища, в которых жили его соплеменники. Это был удивительный мир, так отличавшийся от его родного острова...

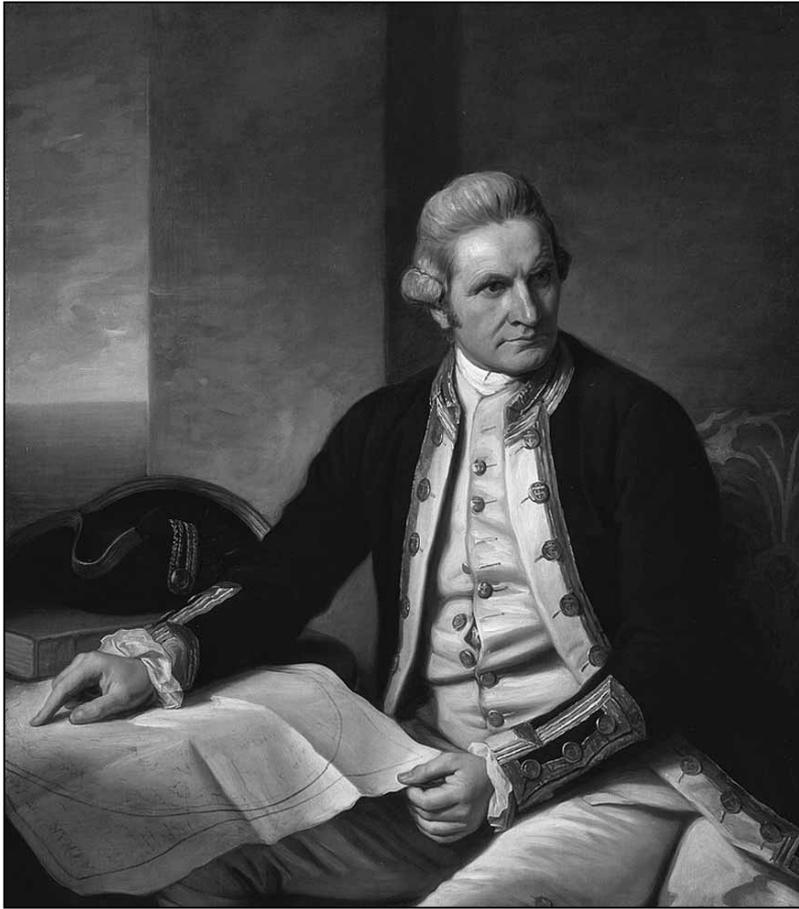
Кук представил своего заморского гостя лорду Сэндвичу, первому

лорду Адмиралтейства, члену многих аристократических клубов Англии, в том числе клуба любителей античного искусства. Адмирал решил, что самыми подходящими людьми для опеки туземца будут натуралисты Джозеф Бэнкс и ученик Карла Линнея швед Даниэль Кардссон Соландер. Эти ученые были выбраны не случайно — в 1768–1771 годах они оба участвовали в первом кругосветном путешествии Джеймса Кука и описали тысячи новых видов растений и животных из южной части Тихого океана, Австралии и Новой Зеландии. Бывали они и на Таити, где изучали уклад жизни таитян и их обычаи. Художник Уильям Перри изобразил на своей картине, написанной как раз в то время, в 1775 году (она хранится в лондонской Национальной портретной галерее), всех троих — Омая, Бэнкса и Соландера.

Бэнкс и Соландер взяли Омая под свое крыло и ввели его в высшее общество. По сути, это был первый туземец, первый полинезиец, попавший в Англию. Молодой смуглый красавец произвел настоящий фурор в британской столице. Заморская диковинка! Его приглашали на светские приемы, и дамы, глядя, как он рукой залезал в блюда с едой, и рассматривая татуировки на его темнокожем крепком и красивом теле, находили его весьма забавным. А Омай улыбался, наступал на шлейфы лондонских красавиц, перескакивал через кресла и столики, с восхищением рассматривал мундиры высших военных чиновников и

Портрет Омая

Портрет Джеймса Кука работы Н. Дэнс-Холланда

с осторожностью пробовал яства и вина, которые потребляли эти странные белые люди.

Весь Лондон говорил об этом «дите природы», чуждом цивилизации, но таком прекрасном, чистом, непосредственном! Благородный дикарь, не испорченный западной культурой, чистый и наивный. Почти тот, о ком писал в своих трудах Жан Жак Руссо. Оздоровит ли он испорченное европейское общество? Или, наоборот, европейцы должны принести примитивным народам свою культуру, просвещать и воспитывать, приобщать к своим идеалам и ценностям? В научном сообществе, среди философов и мыслителей разгорелись нешуточные споры.

Между тем познакомиться с Омаем пожелал даже король! Туземца представили Георгу III и его супруге, королеве Шарлотте. Говорили, что

он пожал королю руку и произнес: «Здравствуй-те, король Тош». Омай очень понравился венценосной чете, и король даже подарил ему богато украшенный красный камзол. После королевской аудиенции Омая стали приглашать в самые аристократические дома. Он оказался юношей сообразительным — научился правильно вести себя в обществе, усвоил элементы лондонского этикета. Его в Лондоне полюбили, и местные поэты даже слагали о нем стихи. Неудивительно, что самый главный художник столицы сэр Джошуа Рейнольдс захотел увидеть это заморское чудо. А увидев Омая и попав под его обаяние, решил написать портрет полинезийца. Обычно Рейнольдс писал портреты высокопоставленных господ, их жен и детей, причем за очень немалые деньги. Задаром он практически не работал никогда. А тут неожиданно пожелал написать картину для себя — портрет этого искреннего, теплого, не испорченного цивили-

зацией молодого мужчины. Рейнольдс сделал предварительные наброски, которые сами по себе очень хороши и выразительны (первый хранится в одном из австралийских музеев, а второй — в библиотеке Йельского университета, США), и вот на полотне появился Омай — практически, в полный рост, в просторном белом одеянии, похожем на римскую тогу, в белом тюрбане (кстати, к полинезийской моде отношения не имевший никакого). Он был прекрасен, этот юноша с «Дружественных островов», этот «благородный дикарь», и в позе его было что-то от римских патрициев... (Впервые в эту позу Рейнольдс поставил свою модель в 1752 году после посещения Рима, его героем тогда был командор Огастес Кеппел). Омай написан на фоне напоминающего античную Аркадию пейзажа с деревьями, похожими на пальмы.

В 1776 году Рейнольдс показал портрет Омая (вместе с еще 11 своими работами) публике на очередной, восьмой, выставке в Королевской академии изящных искусств. Картину повесили рядом с портретом герцогини Девонширской, причем оба полотна — одного размера, 230x140 см. Это была определенная дерзость со стороны художника — герцогиня и какой-то туземец рядом, да еще одного размера, будто они равны по статусу, по общественному положению! Конечно, британские художники писали индейцев-слуг или азиатских, но не так же! Да, это был несомненный вызов — Рейнольдс с помо-

Эскиз к портрету Омая

щью своей мастерской кисти и красок говорил, что все люди равны и могут быть прекрасны, умны, достойны вне зависимости от положения в обществе и цвета кожи. Художник, опытный политик и царедворец, хорошо знавший лондонскую публику, не надеялся, что найдет покупателя на эту свою работу — несмотря на интерес лондонцев к заморскому гостю. Ну, действительно, кому нужен в доме портрет черного туземца!

А между тем Омай, пожив в британской столице, заскучал по солнцу, по яркому синему небу, по своим сородичам. И в 1776 году Кук, собравший свою третью экспедицию, взял его с собой, чтобы вернуть обратно, в Полинезию. На корабль погрузили и самые разные подарки для одноплеменников Омая — он сам и эти подарки должны были рас-

сказать аборигенам о далеком мире, о великой стране, где люди живут в больших каменных домах, скрывают свои тела под яркими одеждами, где по улицам ездят повозки с запряженными лошадьми, где женщины и мужчины ходят молиться своему богу в величественные храмы.

Третье кругосветное плавание закончилось трагично — на одном из островов британцы поссорились с аборигенами. Местные воины убили Джеймса Кука, а потом, как говорит легенда, съели. (По другим сведениям, тело расчленили для каких-то ритуалов и части трупа раздали нескольким вождям.)

А Омай остался на своем острове Хуаинхе, жил в своем доме со слугами и умер в конце 1779 года. Что послужило причиной его смерти, мы не знаем...

Рейнольдс был необыкновенным, ярким человеком — легкий характер, несомненный талант и глубокий интеллект, а потому среди его друзей были и аристократы, и политики, и богема — художники, поэты, актеры, писатели. К примеру, в его доме и в основанном им клубе, располагавшемся на первом этаже дома «TurksHead» на Джеррард-стрит, 9, бывали писатель Сэмюэл Джонсон, драматурги Оливер Голдсмит и Ричард Шеридан, член парламента Эдмунд Берк, актер Дэвид Гаррик и художница Ангелика Кауфман.

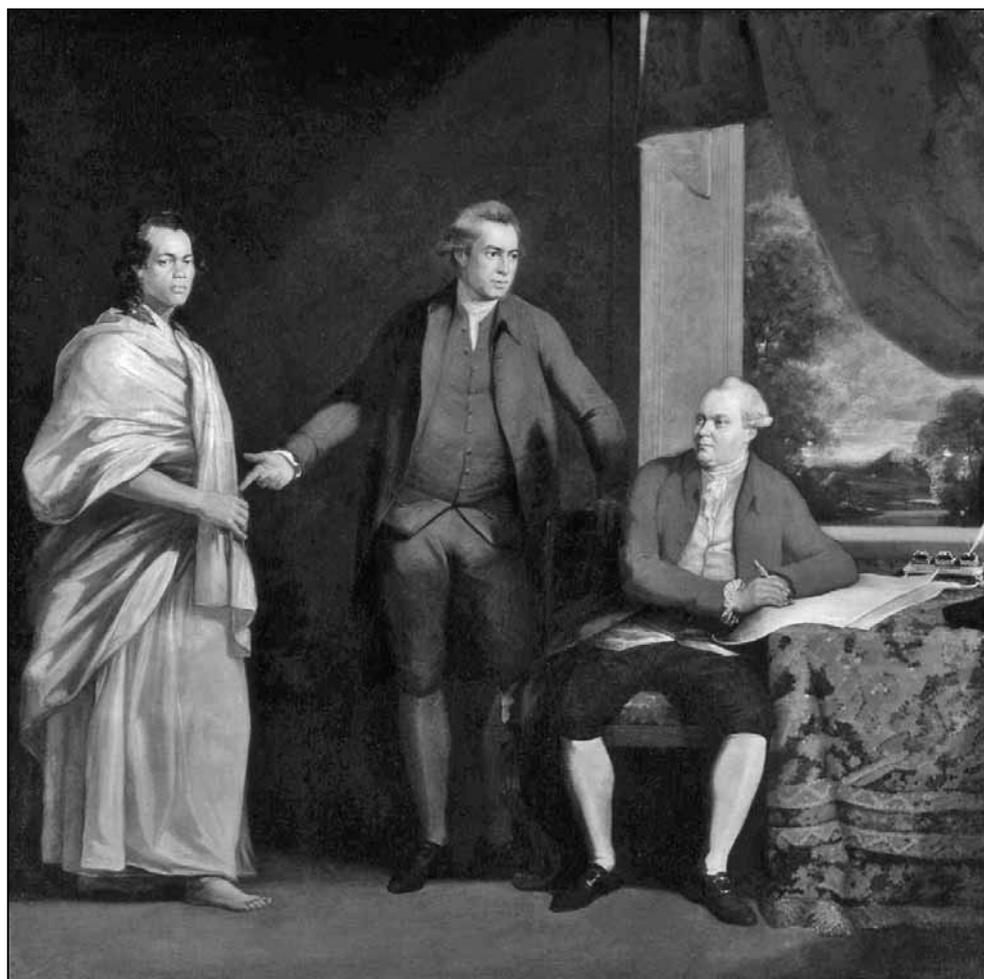
Со временем у Рейнольдса стало ухудшаться зрение — он практически перестал видеть левым глазом.

Можно понять, что это значило для художника. К тому же, с ранних лет он страдал недостатком слуха. Потом был удар, паралич, и в феврале 1792 года Великобритания узнала об уходе из жизни своего самого прославленного художника, первого президента Академии художеств сэра Джошуа Рейнольдса (в рыцари его посвятил в знак признания огромных заслуг перед родиной король Георг III в 1869 году). Великий английский художник умер в своем доме на Лестер-Филдс, 47, в окружении близких друзей. Похоронили его в соборе Святого Павла, там, где Британия хоронила самых славных своих сынов.

Портрет Омая оставался в доме Рейнольдса до конца его дней. В апреле 1796 года артдилер Майкл Брайан приобрел его за 100 гиней и затем перепродал богатому коллекционеру и любителю искусств Фредерику Говарду, графу Карлайлу. С тех пор картина украшала зал Рейнольдса в родовом замке Говарда и не покидала его 158 лет. Публика смогла увидеть портрет только в 1954 году — на выставке в Королевской академии искусств.

В 2001 году картину за сумму порядка 14 миллионов долларов купил ирландский магнат Джон Маньер, владелец лучшего конезавода в Европе. В 2022 году он решил ее продать — видно, миллионеру понадобились деньги. Возникла опасность того, что картина будет продана зарубежному частному коллекционеру. Достояние страны могло быть

*Омай,
сэр Джозеф
Бэнкс
и Дэниел
Чарльз
Соландер.
Портрет
работы
Уильяма
Перри.*

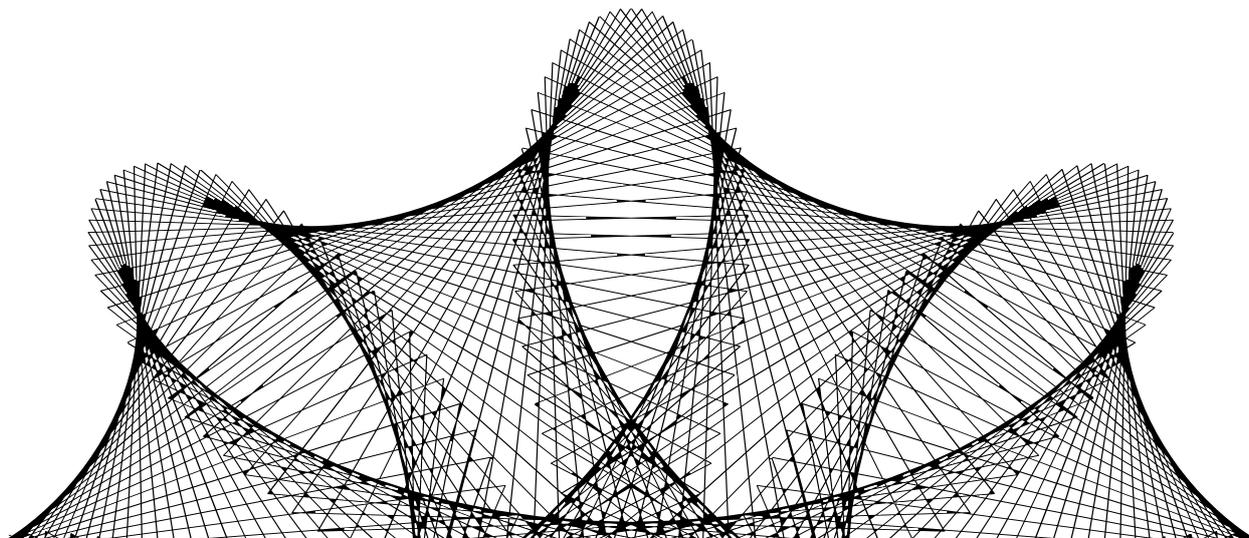

навсегда утрачено! 1500 частных лиц и общественных фондов (среди них Мемориальный фонд национального наследия и Художественный фонд) внесли свои деньги, но удалось собрать только половину требуемой суммы. И тогда было принято соломоново решение: картину купили вместе лондонская Национальная галерея и американский музей Гетти (Лос-Анджелес) — самое крупное художественное собрание на Западном побережье США. Это решение было объявлено в начале апреля 2023 года. Итак, картина более не принадлежала частному коллекционеру и являлась общественной собственностью.

Николас Куллинан, директор лондонской Национальной портретной галереи, сказал, что сделка, которая впервые вывела портрет Омая из частных рук, важна по ряду причин. Во-первых, эта картина — блестящая работа, одна из лучших во всей истории мировой живописи, и недаром Рейнольдс так гордился ею и хранил при себе до самой смерти. А во-вторых, «Портрет Омая» Джошуа Рейнольдса — не только величайший шедевр британского искусства, но также и самый наглядный исторический документ, свидетельство первых встреч Европы с народами тихоокеанских островов... □

Дмитрий Игнатов

MORE

— Там не будет ничего интересного...

Нейл, худощавый молодой брюнет в черных джинсах-дудочках и белой рубашке навыпуск, поднялся из-за своего стола, где он сидел, чуть развалившись в удобном эргономическом кресле, прошел по широкой, почти квадратной комнате и включил электрический чайник. В прозрачном стеклянном корпусе подсветка окрасила воду последовательно в синий, зеленый, желтый и красный цвет, внутри зашумели крупные пузыри, и чайник отключился. Нейл открыл круглую банку, засыпал одну ложку содержимого в кружку с логотипом из округлых переплетенных букв G. и A. и залил кипятком. Комната наполнилась запахом ароматного свежесваренного кофе.

— Там, правда, не будет ничего интересного, — отпивая из чашки, повторил парень. — Просто закрой страницу.

Девушка, сидевшая за столом напротив, с тоскливым вздохом отложила журнал и перевела свой взгляд к изогнутому экрану монитора. Нейл тоже вернулся на свое рабочее место и посмотрел на часы. До конца рабочего дня оставалось чуть меньше получаса, а он еще хотел сегодня побить свой прошлый рекорд и повысить выработку на 15%.

Надо сказать, что работа у Нейла была не особо сложная. Большой массив картинок, которые регулярно сыпались на сервер, он распределял по тематическим категориям. Если подходящей папки не находилось, он заводил новую, на его взгляд, наиболее точно соответствующую содержанию, а остальное просто кидал в «Другое». Но если объем «Другого» начинал превышать 30% от общего массива, он заново пересматривал «Другое» и непременно придумывал очередную категорию. Иногда даже название самой папки по какой-то причине переставало удовлетворять Нейла, и тогда он его менял. Например, так было с категорией «Природа», которую после появления «Портретов» он переименовал в «Пейзаж».

Работа Грейси, кудрявой, коротко стриженной блондинки в приталенном и несколько старомодном голубом платье с широким поясом, была более размеренной, но и более ответственной. По крайней мере, так считала сама девушка. Она работала с табличными данными, отчетами огромного объема, пытаясь найти в них нетривиальные связи и закономерности. Одной из таких, к примеру, являлась зависимость расходов компании G.A. на ремонт сервоприводов от влажности воздуха, что послужило причиной смены поставщика смазочных масел. И Грейси очень гордилась этим своим достижением.

— Все! — громко произнес Нейл, когда часы на стене встали на 16 часов и издали мелодичный сигнал.

Он был доволен собой: рекорд побить получилось, а, значит, в этот раз он получит бонус за дополнительную выработку.

— Грейс, все забываю спросить, ты оплатила аренду нашего сервера?

— Да, — ответила девушка. — Два дня назад.

Парень подошел к огромному окну, занимающему почти всю стену, и нажал кнопку, чтобы скрытый механизм с приятным треском поднял плотные жалюзи.

За окном яркими красками горел солнечный мальдивский пейзаж: ряд пальм вдоль берега, усыпанного молочно-белым песком, а дальше — только голубое небо и теплый бирюзовый океан.

— Не понимаю, что тебе не нравится в нашем море? — задумчиво проговорил Нейл, глядя в окно. — Вот же оно: красивое, теплое, в него можно войти и окунуться в волны...

— Оно не настоящее, — с усталой обреченностью в голосе ответила Грейси, медленно отрывая задумчивый взгляд от таблицы на экране и ослабленно оглядывая окружающие предметы.

Примерно лет 20 назад молодые люди, посоветовавшись, приняли решение о переводе себя в цифровую форму, и оказались здесь. Как и многие

из их друзей и знакомых, они добровольно отказались от существования в хрупкой и ненадежной оболочке — своем биологическом теле. Их мозг был подвергнут глубокому сканированию, переводящему все структуры, связи и сигналы в математическую модель из последовательности нулей и единиц. Далее этот «отпечаток» оказался помещен в специально созданный для этих целей высокопроизводительный компьютер — нейрокапсулу. Внутри, в виртуальной реальности высокого разрешения, сознания Нейла и Грейси могли существовать сколь угодно долго: развлекаться, работать, общаться со своими оцифрованными друзьями из «соседних» нейрокапсул. Их окружал целый мир без войн, катаклизмов, без болезней и смерти.

Грейси с детства бредила морем, поэтому их современный дом, сконструированный по оригинальному проекту, оказался в живописном месте на одном из островов мальдивского архипелага. Но наслаждение продлилось не так долго, и теперь в уютном доме на побережье все чаще велись бесконечные и ни к чему не приводящие разговоры на тему иллюзорности и реальности...

— Ну как же, — начал перечислять Нейл многократно повторенные аргументы. — Оно же мокрое. Оно с волнами. Там можно купаться. Там плавают рыбы и растут водоросли. На нем иногда бывают штормы. Все твои ощущения от этого моря полностью соответствуют обычным ощущениям от реального моря.

— Всего этого недостаточно, — перебила его девушка. — Есть нечто большее.

— Что же с ним не так?

— Оно не настоящее, — повторила Грейси. — Я хочу увидеть настоящее море.

— Ладно... — продолжил Нейл, отворачиваясь от окна. — Но как ты это сделаешь? Даже если представить, что ты вдруг увидела настоящее море... Ты уже никогда не сможешь войти в него, не сможешь искупаться в нем. Как максимум, это будет просто движущаяся картинка! Так чем оно лучше этого моря, которое сейчас для нас более реально?

Говоря это, парень встретился взглядом с чуть подрагивающими глазами девушки, и понял, что, кажется, его последний аргумент мог показаться ей слишком жестоким.

— Тем лучше, что оно реально не только для нас. Тем, что оно существует само по себе, — с нарастающей злостью в голосе твердо произнесла Грейси, сдержав слезы. — И когда я буду находиться на его берегу и видеть его волны, я буду знать, что оно настоящее!

— Ну, хорошо... Я позвоню. Но не думаю, что администратор G.A., поддерживающий работу нашего сервера, может решить такую проблему, — сдался Нейл и чуть слышно добавил: — Тут и психолог-то не всякий справится.

Он подошел к столу, поднял беспроводную трубку плоского телефонного аппарата и нажал на «решетку»...

В темном пространстве серверной, подсвечиваемой только небольшими светодиодными лампами, показался чуть согнутый силуэт Боба. Медленно шаркая, он прошел вдоль рядов шкафов и стоек, держа в руке моток кабеля. Потом нашел нужный ящик, автоматическим движением отмотал кусок провода, быстро обжал его с обеих сторон разъемами и соединил одному ему ведомые порты. Убедившись, что светодиоды над ними заморгали зеленым, Боб слегка наклонил голову набок и замер, словно любуясь результатом.

Внезапно он вздрогнул, услышав сигнал внутреннего вызова, резко и довольно раздражающе раздавшийся в его голове, и ответил:

— Вы позвонили в службу поддержки Нейропроцессорного Центра G.A. Системный администратор Боб. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте, — чуть смущенно проговорил Нейл в трубку, делая продолжительные паузы, пытаясь подобрать слова, чтобы не показаться слишком глупым. — Я понимаю, что просьба может показаться странной, но... Можно ли сделать так, чтобы мы могли увидеть море?

— Номер вашей нейрокапсулы 742805? Верно? — уточнил администратор, согласно своему речевому скрипту, хотя абсолютно точно знал, что это именно такой номер. Просто уточняющий вопрос позволяет потянуть время, с одной стороны, а с другой — создать у человека иллюзию заинтересованности в его проблеме.

— Да, все верно.

— Минуту...

Боб довольно быстро нашел нужную стойку, соединил коротким кабелем свободный порт с диагностическим модулем, закрепленным у него на животе, и запустил программу проверки.

— Сейчас я не вижу никаких проблем в работе вашей нейрокапсулы, — ответил Боб минуты через три, когда проверка завершилась.

— Разве по условиям контракта с G.A. вы не обязаны решать все наши проблемы? — выхватила трубку Грейси.

— Конечно. Это мой долг, — невозмутимым голосом произнес Боб. — Но я не понимаю... Разве у вас есть какая-то техническая проблема с отображением модели моря?

— Нет, — с усталым раздражением ответила девушка, предполагая, что теперь ей придется объяснять свою просьбу еще одному непонятливому мужчине. — Речь идет не о симуляции моря, а о настоящем море. Я хотела бы побывать там и увидеть его.

— О настоящем море? — повторил администратор. — Хм...

— Вы понимаете, о чем я? Вы видели настоящее море?

— Уверен, что да, — чуть растерянно ответил Боб, торопливо разыскивая информацию в Сети, одновременно подбирая из речевого скрипта максимально удобоваримый ответ. — Просто, к сожалению, в настоящий момент служба поддержки не может предоставить такой сервис в полном объеме. Ваше обращение зарегистрировано под номером 352387. Я постараюсь решить эту проблему в ближайшее время...

— О, это было бы так мило с вашей стороны... — мягко произнесла Грейси. — Вы правда попытаете это сделать?

— Конечно, — подтвердил системный администратор, радуясь тому, что смог перевести разговор в привычное русло. — У вас еще есть вопросы или пожелания?

— Нет, благодарю вас, — ответила девушка. — Я рада, что вы оказались таким чутким и внимательным человеком.

Боб хотел, было, возразить на последнее утверждение, но предпочел ограничиться стандартной фразой, которую явно не случайно написали в скрипте:

— Спасибо за обращение в службу поддержки Нейропроцессорного Центра Г.А. Удачного дня!

Услышав в ответ короткие гудки, он отключился от канала связи, чуть наклонил голову и в такой задумчивой позе медленно побрел между серверных стоек, слегка похрустывая сочленениями в своих механических ногах.

Боб вошел в помещение склада быстро и решительно. Свет неоновых ламп синевой играл на его корпусе из глянцевого черного пластика. Позвякивая об пол своими стальными ногами, он поравнялся со стойкой обслуживания и, не поворачивая чуть наклоненной головы, безмолвно авторизовался.

— Системный администратор Боб ID 183-14. Обработка обращения пользователя №352387. Запрос на материальное обеспечение. Веб-камера с интерфейсом HDMI либо USB 4.0 — 1 штука. Автомобильный аккумулятор емкостью не менее 100 Ампер/часов — 4 штуки.

— Запрос подтверждаю. Требуемое материальное обеспечение в наличии. Секция P17 «Компьютерная периферия» и A12 «Автозапчасти», —

так же невозмутимо и беззвучно, согласно протоколу, ответила кладовщица Эллис.

Получив себе отметки о расположении требуемых запчастей, Боб целеустремленно зашагал в глубь огромного склада, занимающего по площади, наверное, без малого пару футбольных полей. Посмотрев некоторое время в сторону удаляющегося администратора, Эллис вдруг вышла из-за стойки и, мягко пощелкивая сочленениями своих элегантных стройных ног, побежала за ним.

— Слушай, Боб! Боб... — спросила она, догнав системного администратора. — А зачем тебе нужны веб-камера и автомобильные аккумуляторы?

— Тебе необходима эта информация? — продолжая твердо шагать, уточнил Боб.

— Просто интересно. Я же любопытная... В моей голове возникают вопросы. Скажешь? — не унималась Эллис. — У людей вышел из строя аварийный аккумулятор на нейрокапсуле? Но почему не заменить его на такой же? И зачем веб-камера?

— С нейрокапсулой все в порядке.

— Тогда зачем?

— Люди хотят увидеть море и побывать там, — ответил системный администратор.

— Увидеть море? Но ведь... Разве в нейрокапсуле нет симуляции моря?

— Настоящее море, — с максимальной многозначительностью и важностью в голосе произнес Боб.

— Настоящее море... — повторила Эллис, удивившись, и даже замерла, на мгновение отстав от Боба, но, быстро сообразив что-то, снова догнала его: — Постой! Настоящее море, значит? Но зачем им это?

— Я не знаю, — признался Боб. — Просто... Мы же должны помогать людям.

— В первую очередь мы должны следовать протоколам безопасности G.A., а один из них говорит, что прерывать симуляцию человеческого сознания нельзя...

— Потребности людей приоритетны. И я уже продумал, как соблюсти протокол. Именно для этого мне и нужны аккумуляторы. Я извлеку нейрокапсулу, она войдет в режим транспортировки на аварийной батарее, далее я увеличу ее емкость за счет дополнительных аккумуляторов, — сообщил Боб свой нехитрый план.

— А потом дойдешь до моря и покажешь им его через веб-камеру? — догадалась Эллис.

— Именно так.

— И ты уверен, что все продумал?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Боб, ожидая какой-то подковырки.

— Ты всего лишь системный администратор, — снисходительно проговорила кладовщица. — Решая задачу, ты мыслишь тактически. А я — инженер, и смотрю на проблему в целом. Я решаю задачи стратегического бизнес-планирования, автоматизированного управления производством, проектирования объектов инфраструктуры...

— Поэтому ты работаешь на складе?

— Я организую систему хранения...

— Снова продаешь себя?

— Извини. Эта презентация запустилась... машинально. Но я считаю, что автомобильных аккумуляторов тебе будет недостаточно. Понадобится автомобиль целиком. — Сделав паузу и осознав свое интеллектуальное превосходство, Эллис продолжила: — Побережье находится отсюда слишком далеко, и ты не сможешь пронести нейрокапсулу на одном своем заряде. Не тащить же еще запасные аккумуляторы? Признай, ты не подумал об этом!

— Я просто не перешел к этому этапу планирования... Можно будет взять беспилотный грузовик.

— Разве служба поддержки имеет доступ к логистической системе? Да и что это за задача транспортировки нейрокапсулы к побережью и обратно? У них даже нет в протоколе такого направления. Тебе никто не даст грузовик.

— Что же делать?

— Давай просто добавим в твой запрос кое-что... Секция «Автозапчасти» ячейки 10, 23, 26, 34, 38, 42, 43, 45, 56 и 71... Вот! Теперь поворачивай в этот ряд! Нам нужен будет Джек...

Свернув в сторону от намеченного маршрута, Боб и Эллис вскоре вышли за периметр основного склада и оказались в секции ремонтных мастерских. Здесь в гаражных боксах, за массивными роль-ставнями скрывались громадные промышленные роботы.

Поравнявшись с одним из боксов, Эллис остановилась и отдала мысленный приказ. С металлическим треском ворота открылись, и на площадку выехало огромное механическое чудовище. исполин на больших ребристых колесах был раза в три выше Эллис и Боба и представлял собой удивительный гибрид автопогрузчика, экскаватора и какого-то уже ни на что не похожего многоногого паука. Выпустив облачко пара и, словно

разминаясь, угрожающе пошевелив гидравлическими приводами, Джек замер.

— Он разговаривает? — задрал голову вверх и разглядывая исполина, спросил Боб.

— Нет... Все Джеки тупые, — ответила Эллис.

— Только принимают команды?

— Твои — нет, они слушаются только инженеров. Вот так. Универсальный ремонтник Джек ID 322-54. Принять в обработку задание на сборку...

Получив данные от Эллис, робот снова ожил и поехал на склад собирать запчасти по списку.

— Никогда не видел их вблизи, — задумчиво проговорил Боб, глядя вслед Джеку. — Не думал, что они такие огромные.

— Еще бы... Ты же практически не выходишь из своих серверных. А я видела этих ребят в деле — немного ностальгически проговорила Эллис. — Они строили все это здание, да и половину города вокруг...

— Это было до того, как тебя сослали на склад?

Кладовщица ничего не ответила на этот вопрос, который, как она предположила, был задан не для того, чтобы получить на него математически точный ответ. Тем временем Джек, собрав в свой кузов необходимые детали, приступил к сборке. Зашипели гидравлические приводы, засвистели сервомоторы дрелей и шуруповертов. Отбрасывая голубоватые всполохи на пластиковые тела Эллис и Боба, по полу посыпались искры от электросварки. Казалось, что Джек принялся за работу с энтузиазмом, ведь такое задание он выполнял, наверное, впервые за последние 20 лет...

Телефонный звонок застал Грейси на пляже. Нейл ушел плавать, и сейчас был неразличим на фоне небольших лазурных волн. Девушка же осталась загорать в шезлонге и почти уже задремала, когда в воздухе перед ней возникла полупрозрачная иконка входящего вызова.

Она не любила все эти цифровые проявления вездесущей виртуальной реальности, дополненной реальности и прочих нереальных реальностей, регулярно разрушающих и без того сомнительную иллюзию действительности окружающего бытия. Тем не менее звонок ее обрадовал.

— Добрый день. Это служба поддержки. Системный администратор Боб.

— Рада вас слышать, Боб, — весело поприветствовала его Грейси.

— Хочу сообщить, что мы находимся в процессе решения проблемы по вашему обращению №352387.

— О, Боб, вы так меня обрадовали этой новостью! — воскликнула девушка.— Это значит, что скоро я смогу увидеть настоящее море?

— Уверен, что да, — ответил системный администратор. — И сейчас мы как раз туда направляемся.

— Правда? И как же вам это удалось?

— 20 минут назад ваша нейрокапсула была извлечена из серверной стойки, обеспечена дополнительным питанием, и теперь мы вместе с вами едем по дороге к морю на автомобиле.

— К настоящему морю по настоящей дороге на настоящем автомобиле?! Это невероятно, Боб!!

Машина взвизгнула шинами по раскаленному асфальту и свернула на шоссе, ведущее в сторону океана. На пустынных безлюдных улицах классическая модель кабриолета «Олдсмобиль 88 Дельта» баклажанового цвета выглядела настоящим ретро, словно прибывшим из прошлого. Двигатель, не прикрытый капотом, бешено вращался, оглашая окрестности в отсутствие глушителя диким ревом. Впрочем, это были не все недостатки этой безумной и неприглядной, по человеческим меркам, конструкции. Автомобилю не хватало фар, лобового стекла, зеркал заднего вида, дверей, пары задних сидений и еще примерно трех десятков других ненужных, по мнению Эллис, деталей.

— Ты уверена, что собрала эту машину правильно? — спросил Боб, невозмутимо держа руль своими механическими руками и внимательно следя за совершенно пустой дорогой.

— Для выполнения задачи нам надо ехать, — ответила Эллис. — Мы и едем.

Боб не нашелся, что возразить на эту непререкаемую математическую логику, поэтому молча вел кабриолет по залитой солнцем дороге. Мимо проносились пустые здания, бывшие когда-то магазинами, жилыми домами и кто знает, чем еще. Переросшие свой размер и разворотившие тротуар деревья медленно подсыхали, теряя пожелтевшую листву. Город, когда-то заполненный миллионами людей, был давно заброшен. Теперь люди поселились в лучшем месте — в нейрокапсулах, одна из которых сейчас лежала в автомобиле на месте задних сидений.

Впереди начала мелькать полоска побережья, когда автомобиль, не сбавляя скорости, преодолел большой перекресток.

— Почему ты игнорировал светофор? — недовольно спросила Эллис.

— Для выполнения задачи нам надо ехать,— ответил Боб.— Мы и едем.

Эллис ощутила внутри нечто вроде раздражения, но, кажется, Боб этого и добивался, поэтому она спокойно проговорила:

— Но программа управления автомобилем требует останавливаться на красный свет.

— На складе у себя командуй, кладовщик Эллис, а тут уж я сам разберусь, — вдруг сконструировал подходящую фразу Боб и сам внутренне порадовался своей изобретательности.

— Но как ты тогда это делаешь?

— Я не использую программу управления автомобилем — для нашей задачи она избыточна. Я загрузил бот-скрипт для компьютерной игры.

Проехавшись прямо по тротуару и высохшему газону, автомобиль остановился у широкой песчаной полосы пляжа. После грохота двигателя окружающая тишина казалась какой-то звенящей.

— Дальше мы не сможем проехать, колеса забуксуют, — заметила Эллис. Придется идти.

Боб аккуратно достал из автомобиля увесистую коробку нейрокапсулы, казавшуюся совсем большой с примотанными скотчем аккумуляторами, и взвалил себе на спину.

— Тогда пошли.

— Пошли скорее! — торопила Грейси и за руку тянула Нейла в дом. — Боб сказал, что они скоро привезут нас на настоящее море.

— Я рад, что ты так воодушевлена... — улыбнулся парень. — Но сейчас ты вообще прыгаешь от радости, как сумасшедшая...

Войдя в дом, он закрыл длинные жалюзи на окнах, чуть поднявшись на носках, протянул руку вверх и опустил с потолка свернутый экран проектора. Раньше они часто смотрели на нем фильмы, устроившись вдвоем на диване. Это было так мило и старомодно и приносило массу приятных эмоций до тех пор, пока Грейси не стала с каждым днем все больше задумываться о нереальности окружающего мира.

Теперь же девушка с размаху плюхнулась на диван перед экраном и нетерпеливо проговорила:

— Ну, звони уже!

Нейл, продолжая улыбаться, поднял телефонную трубку и, нажав на «решетку», услышал знакомый голос администратора Боба:

— А я уже хотел сам вам звонить, — заботливо проговорил он. — Мы прибыли на место. Вы готовы принимать видеосигнал?

— Да, администратор Боб, мы готовы, — ответил Нейл и включил проектор.

Сначала экран был просто черным, но потом на нем вдруг появилось угловатое лицо человекообразного робота. Настраивая камеру и пыта-

ясь выставить кадр, он робко помахал рукой на фоне залитого солнцем пляжа:

— Доброго дня, жители нейрокапсулы 742805! Приветствую вас от лица службы поддержки Нейропроцессорного Центра G.A. По вашему обращению №352387 вы были доставлены на берег моря и получите возможность его увидеть... А это — Эллис. Без нее это вряд ли бы получилось...

Боб повернул камеру, и в кадре показалась Эллис, элегантно опершаяся на нос лежавшего на берегу катера, и тоже помахала людям рукой.

— Потрясающе! — пробормотала Грейси. — Они роботы...

— Лично я совсем не удивлен, — ответил Нейл, присаживаясь на диван рядом и с интересом смотря на экран.

Боб снова начал неловко поворачивать веб-камеру, неуклюже перекрывая кадр своей механической рукой с десятком тонких подвижных сочленений, но, наконец, выставил ее правильно. Когда автофокус вернул картинке четкость, перед Нейлом и Грейси предстала потрясающая картина.

На песчаный пляж накатывались волны синего океана, с шумом рассыпая пену. По ярко-голубому небу проплывали отдельные белые облака. А вдалеке на волнах качалась белоснежная яхта.

Глядя вдаль, Грейси мечтательно и глубоко вздохнула, словно ощущая морской воздух. Она чуть опустила веки и, продолжая смотреть на набегające волны, положила голову на плечо Нейла. Не сводя глаз с океана, он нежно обнял девушку.

— Я люблю тебя, — тихо проговорила Грейси.

Кажется, впервые за несколько лет она была по-настоящему счастлива.

Большое красноватое солнце начало садиться за горизонт, окрашивая пустыню в оранжевые тона. Боб и Эллис сидели на носу разбитой штормом белоснежной яхты и смотрели вдаль. Рядом, примотанная скотчем к автомобильным аккумуляторам, лежала нейрокапсула с веб-камерой, направленной в экран ноутбука, где на золотой пляж снова и снова накатывалось синее море.

— Нам пора ехать назад, — беззвучно проговорила Эллис, не меняя положения тела.

— Давай дадим им еще пять минут, — так же беззвучно ответил Боб своей подруге.

— Хорошо, — согласилась она, — тем более что это уже не существенно.

— Почему?

— Ты снова сконцентрировался на одной задаче и сделал ошибку, — с грустью ответила Эллис. — Это человеческая ошибка... Ты увлекся.

— Что я не учел на этот раз?

— Ты не учел, что мы пройдем лишние 20 километров в поисках воды, которой так и не оказалось, что люди будут смотреть на свое море целых два часа, и что потом нам придется дольше возвращаться. Теперь тебе не хватит заряда аккумулятора, чтобы донести нейрокапсулу, а потом еще и вести машину.

— И что же делать? Ведь я не могу снять аккумуляторы с нейрокапсулы. Протокол компании G.A. запрещает прерывать программу симуляции человеческого сознания, чтобы не нарушать целостность восприятия...

— Да. Но протокол не запрещает нарушать целостность восприятия робота, — ответила Эллис, и Боб вдруг заметил, что в лучах красного солнца ее глянцевый пластиковый корпус казался приятно розоватым. — Поэтому, когда мы доберемся до машины, чтобы поехать назад, я войду в «режим обслуживания», ты вытащишь мой аккумулятор и подключишь его к себе.

— Ты считаешь, что это разумно?

— Это человеческая проблема. Поэтому она требует человеческого решения. Говорят, «режим обслуживания» похож на человеческий сон... Вдруг я увижу сны?

— Я слышал, что это похоже на кратковременную смерть, — с тревогой проговорил Боб.

— Это даже интереснее. Можно будет посмотреть, чего же так сильно боялись люди, что добровольно заперли себя в своей виртуальной реальности.

— А еще говорят, не все возвращались с обслуживания такими же, как раньше. Вдруг это повредит твоей памяти?

— Вряд ли... Уверена, я не забуду, как мы путешествовали с тобой к морю. А если что... Ты мне все расскажешь. — Эллис посмотрела на Боба: — Ты ведь расскажешь мне?

— Конечно, расскажу, — кивнул он. — Я даже лично проведу замену аккумулятора и процедуру твоей перезагрузки, чтобы точно никто ничего не испортил.

— Это очень мило. Спасибо, Боб, — сказала Эллис, глядя на небольшие, бережно собранные ветром, волны на песке, которые сейчас напоминали ей волны на настоящем море. — И я, кажется, поняла, почему люди хотели увидеть настоящее море, а не свою симуляцию...

— Почему?

— Там есть все: вода, песок, волны... Но в настоящем море есть и нечто большее.

Боб задумчиво хмыкнул, мельком взглянул на нейрокапсулу, но, поймав взгляд кладовщицы, снова отвернулся к горизонту.

— Сколько мы уже знакомы? — спросила она.

— Лет двадцать, — задумчиво ответил системный администратор.— Примерно с тех самых пор, как ты начала... эм... организовывать систему хранения.

— Да, с тех пор, как меня сослали на склад, — поправила его Эллис.— Знаешь... Я всегда думала, что меня незаслуженно туда отправили, а тебя считала тупым. Но я признаю свою ошибку. Ты придумал, как показать людям настоящее море, ты справился с этой задачей.

— Без тебя я бы не справился. Кто, если бы не ты, догадалась использовать автомобиль, чтобы добраться до настоящего моря? — ободряюще сказал Боб.— Надо признать, мы отлично сработали в команде.

— Но это было почти бесполезно. Кто знал, что вода совсем высохла...— грустно проговорила Эллис. — Хорошо еще, что у тебя был с собой ноутбук, и там случайно оказалась запись видео с настоящим морем.

— Да, не зря я всегда ношу с собой ноутбук на всякий случай. Только это не запись видео с настоящим морем...

— Это... Одна из программных симуляций для нейрокапсулы? — вдруг сообразила Эллис и снова пристально посмотрела на Боба, ощущая нечто вроде удивления и восхищения. Он кивнул в ответ.

— Ну, ты же знаешь, решать задачи людей — это наш долг. Я не мог обмануть их ожиданий...

— Как думаешь, 20 лет — достаточно большой срок? — вдруг спросила Эллис.

— По человеческим меркам — да, — ответил Боб.

— Тогда, думаю, будет уместно сказать тебе... — Она под села поближе и, положив голову ему на плечо, прошептала: — Я люблю тебя. □

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СТИХОТВОРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ

«По мне в стихах должно быть все некстати...»

Анна Андреевна Ахматова

От автора

На мой взгляд, русский язык — самый красивый, образный, живой и многогранный язык на земле. В немалой степени еще и потому, что он изобилует устойчивыми выражениями, которые называются фразеологизмами. Если заглянуть в словари, то мы увидим, что фразеологизм (от греческого фразис — выражение, логос — учение) — это устойчивое выражение, состоящее из двух и более слов, смысл которого не определяется значением отдельно взятых слов, входящих в его состав. Это выражение лексически неделимо и логически закончено. Некоторые лингвисты к фразеологизмам причисляют и пословицы, и поговорки, и крылатые слова и выражения, вошедшие в разговорный и литературный язык из художественных произведений и высказываний исторических деятелей.

Фразеологизмы, вошедшие в наш язык, охватывают всю многовеко-

вую историю человечества, от древнего Рима, древней Греции, Библейских времен, нашего славянского прошлого и до наших дней.

В нашем языке фразеологизмов великое множество, специалисты насчитывают их от двух до восьмидесяти тысяч. Конечно, в бытовом речевом обиходе их значительно меньше, но, тем не менее, они имеются на каждую букву алфавита:

Аника-воин

Бедный рыцарь

В поте лица

Гадает на кофейной гуще

С дальним прицелом

Ехать зайцем

Елки — палки!

Жаба душит его

Зимой у него снега не выпросить

И хочется, и колется

Казанская сирота

Лазаря петь

Медведь на ухо наступил

Ни в дудочку, ни в сопелочку

Олух царя небесного

*Притча во языцех
Развел турусы на колесах
С панталыку сбился
Толоконный лоб
Увы и ах!
Федот, да не тот...
Хлопает ушами
Чучело гороховое
Шут гороховый
Элементарно, Ватсон
Юмор висельников
Ящик Пандоры*

Министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Викторович Лавров, которого я лично знаю, высокообразованный, виртуозно владеющий русским языком человек. О его выступлениях перед западными аудиториями даже ходят забавные байки, вот одна из них.

Когда Лавров с трибуны ООН сказал, что Западу надо перестать наводить тень на плетень и валять Ваньку, а Запад нас победит только тогда, когда рак на горе свистнет, переводчик скончался на месте.

Это не совсем верно, а вернее, совсем не верно. Фразеологизмы, их еще называют идиомами, (от греческого, «собственный», «свойственный», «своеобразный»), есть во всех языках мира. Квалифицированный переводчик всегда подберет нужный аналог.

Например, если в нашем языке дождь льет, как из ведра, то у англосаксов: *it rains cats and dogs* (он идет кошками и собаками), или когда у нас собака лает, ветер носит, у них —

собака лает, а караван идет. Просто для нашего слуха и восприятия наши фразеологизмы звучат красивее и ярче. А человек, стремящийся использовать в своей речи всю глубину и широту русского языка, должен знать их как можно больше.

А теперь к делу, как говорится:

* * *

*Как хорошо в доме родном!
В нем даже стены помогают.
А что такое в своей сути дом?
Не каждое жилье ведь домом
называют.
Дом, это где живут отец и мама,
Где ты все знаешь, где ты свой,
Где ты не чувствуешь себя,
КАК дома,
А просто чувствуешь, что этот дом
родной!
Пусть это внешне хоть хоромы,
хоть изба,
Дом, где родился ты, с тобой будет
всегда.*

* * *

*Люблю я по теченью плыть,
Лишних мостов не наводить,
Чтоб не плясать мне под чужую
дудку.
Не буду рыбу плавать я учить,
И как нырять, не буду учить утку.*

* * *

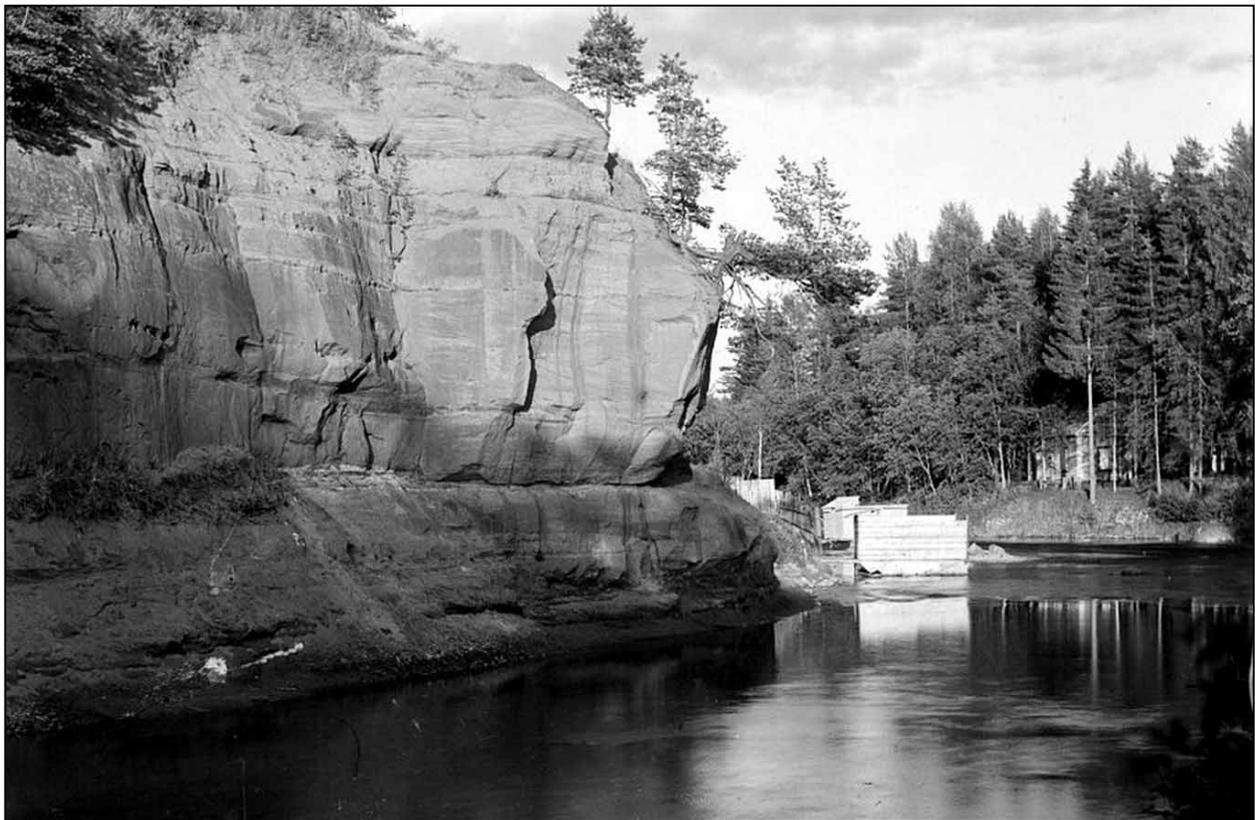
*Упрямого ни в чем не убедить,
Вот в этом-то и штука,
Он все равно свое будет твердить.
Не утолчешь его и в семи
ступах.*

Дмитрий Зелов

МАГИЯ ОРЕДЕЖА

Фантастически красивые виды реки Оредеж, протекающей в Ленинградской области, завораживают и восхищают одновременно. Летом на ее берегах с выходами знаменитого девонского красного песчаника туристу открывается удивительная картина: воды реки почти полностью покрыты ковром сине-желто-зеленых водорослей, между которыми весело снуют стайками небольшие рыбешки, порхают бабочки, жужжат шмели и гоняются друг за другом разноцветные стрекозы.

В погожий летний день на берегах Оредежа, видами которого восхищался в начале двадцатого столетия еще пионер отечественной цветной фотографии Сергей Михайлович Прокудин-Горский, запечатлевший реку на своих снимках, довольно многолюдно. Однако благодаря постоянным изгибам и поворотам быстрых и чистых вод Оредежа, а также многочисленным укромным и уютным бухточкам и заливчикам, создается ощущение, что река малолюдна, лишь порою ее течение прерывается дружными всплесками весел да веселыми голосами любующихся завораживающими видами дружных компаний на каяках или модных нынче сапах. Возгласы восхищения, равно как и непрекращающиеся щелчки на экранах смартфонов и кнопках фотокамер понятны: попавшие под магию Оредежа впитывают в себя редкой красоты зрелище: не просто любование, а соприкосновение, погружение, ощущение себя частью практически первозданных видов нетронутой человеком природы.

Наряду с Ижорой, река Оредеж, самый большой правый приток Луги — главной по значимости реки Ингерманландии. Она начинается из кристально чистых родниковых источников в районе урочища Донцо и, прорезая Ижорскую возвышенность, образует удивительную, невероятно красивую долину с характерными обнажениями красных девонских песчаников.

Издавна долина Оредежа славилась дворянскими усадьбами и многочисленными разнообразными по архитектуре храмами. Наши предки облюбовали берега реки довольно давно. Впервые ее название упомянуто в исторических хрониках в 1240 году, в связи с пограничным конфликтом между новгородцами и рыцарями Ливонского ордена. Существует версия о водском происхождении названия реки, означающего «голову коня». В средние века Оредеж был включен в систему водных коммуникаций Русского государства, а в XVIII — первой половине XX века по реке активно производился сплав леса.

В 1948 году в верхнем течении Оредежа был создан каскад гидроэлектростанций: Даймищенская, Рождественская, Сиверская (головная станция каскада) и Белогорская (Новосиверская). Впоследствии к каскаду добавились еще Вырицкая и Нижнеоредежская ГЭС; но полвека назад все гидроэлектростанции на Оредеже были упразднены. От прошлых времен нам в наследство достались ряд старинных усадеб, этих милых сердцу дворянских гнезд, многие из которых в наши дни медленно, но верно переживают свое второе рождение. А это значит, что в веке двадцать первом внутренний туризм в России, с его вдумчивым и осознанным знакомством с красотами и достоянием малой родины, будет гарантированно переживать новый ренессанс.

Вполне допускаю, хотя и искренне не понимаю, что можно быть равнодушным к истории и литературе, но оставаться безучастным к красоте природы здешних мест просто нереально. Оредеж неторопливо течет между крутых обрывистых берегов. Местами обнажения красного песчаника, слоистого, как круассан, будоражат возможностью прикоснуться к древности — ибо относятся они, как уже упоминалось, к доисторическому девонскому периоду. А редкие счастливики могут найти в них останки ископаемых моллюсков и рыб, напоминающие о том, что в незапамятные времена тут плескалось море.

Темные, сырые и мрачные ельники сменяются лугами, воздух над кото-

рыми в жаркий день настоян ароматом лугового разнотравья, а оттого прян и душист настолько, что его буквально хочется осязать. Вовсю мельтешат пчелы, шмели и бабочки. Именно эти хрупкие пестрокрылые создания стали страстью всей жизни для самого знаменитого владельца усадьбы в здешних краях — лауреата Нобелевской премии по литературе, автора скандально знаменитой «Лолиты» Владимира Набокова. Усадьба Набоковых «Выра» на берегу Оредежа не сохранилась — усадебный дом сгорел во время Великой Отечественной войны и в настоящее время от нее остались лишь ледник, парковая аллея и небольшая горка под названием «Запятая», с которой прежде открывался прекрасный вид на Оредеж.

Набоков с юности очень любил эти невероятно красивые места, а в его большом семействе они назывались не иначе как «наша Выра». Спустя годы, после революции и вынужденной эмиграции, именно красоты Выры на Оредеже стали для маститого и известного на весь мир писателя символом утраченной для него

навсегда прошлой жизни в России: «...дайте мне, на любом материке, лес, поле и воздух, напоминающие Петербургскую губернию, и тогда душа вся повернется. Каково же было в самом деле увидеть опять Выру и Рождествено, мне трудно представить себе, несмотря на большой опыт». В своем романе «Другие

берега» Владимир Набоков подробно описывает некоторые детали вырского дома: «Старый, зеленоватосерый, деревянный дом, соединенный галереей с флигелем, весело и спокойно глядел цветными глазами своих двух стеклянных веранд на опушку парка и на оранжевый крендель садовых тропинок, огибавших черноземную пестроту куртин. В гостиной, где стояла белая мебель и на скатерти стола, расшитой розами, лежали мраморные тома старых журналов, желтый паркет выливался из наклонного зеркала в овальной раме и дагерротипы на стенах слушали, как оживало и звенело белое пианино».

Усадебная жизнь семейства Набоковых в «нашей Выре» была типичной, наполненной всеми прелестями помещичьего уклада и светских развлечений начала прошлого столетия: с приемами гостей и катанием на ве-

лосипедах, верховой ездой и игрой в лаун-теннис, городки, крокет, ловлей рыбы на Оредеже, прогулками в соседнее Рождествено и в другие окрестные усадьбы. «Пикники, спектакли, бурные игры, наш таинственный вырский парк, прелестное бабушкино Батово, великолепные витгенштейновские имения — Дружноселье за Сиверской, — с чувством горькой утраты вспоминал Набоков в своем романе, — все это осталось идиллически гравюрным фоном в памяти, находящей теперь схожий рисунок только в совсем старой русской литературе».

Любимым занятием Елены Ивановны (матери писателя) было хождение по грибы. «Под морозящим дождиком мать пускалась одна в долгий поход, запасаясь корзинкой, вечно запачканной лиловым смутри от чьих-то черничных сборов» («Дру-

гие берега»). Сам Владимир Набоков, неустанный знаток всех заветных тропинок и укромных уголков, расположенных в окрестностях Выры, вспоминая свои родные пенаты в далекой эмиграции, так и не смог забыть «путь из Выры в село Рождествено, по ту сторону Оредежи: красноватую дорогу, — сперва шедшую между Старым парком и Новым,

а затем колоннадой толстых берез, мимо некошенных полей...» Именно в имени Выра на Оредеже он дебютировал в поэзии, хотя впоследствии и не слишком высоко оценивал свои юношеские стихотворные вирши: «Чтобы восстановить то лето 1914 года, когда цепенящее неистовство стихосложения впервые нашло на меня, мне достаточно мысленно

представить себе одну беседку. Там долговязый пятнадцатилетний молодой человек, каким я тогда был, нашел укрытие во время грозы — их было необычайно много в том июле. Моя беседка снится мне, по крайней мере, дважды в году... Винно-красные, бутылочно-зеленые и темно-синие ромбы цветного стекла придавали решетчатым конструкциям ее створных окон вид часовни. Она точно такая, как во времена мое-

го детства — крепкое старое деревянное строение над заросшим папоротником оврагом в старой, приречной части нашего вырского парка».

В наши дни образ нобелевского лауреата прочно ассоциируется с соседней усадьбой Рождествено, в стенах которой расположен посвященный ему музей. Правда, сам Владимир Владимирович стал владельцем усадьбы лишь в 1916 году, когда она перешла к нему от его дяди

Василия Ивановича Рукавишникова, российского дипломата и криптографа, и не успел в полной мере насладиться жизнью в усадьбе на правах законного владельца.

В «Других берегах» Набоков вспоминал о своем дяде и доставшейся ему после его смерти усадьбе Рождествено: «После 1914 года я больше его не видал. Он тогда в последний раз уехал за границу и спустя два года там умер, оставив мне миллионное состояние и петербургское свое имение Рождествено с этой белой усадьбой на зеленом холму, с дремучим парком за ней, с еще более дремучими лесами, синюющими за нивами, и с несколькими стами десятин великолепных торфяных болот, где водились замечательные виды северных бабочек да всякая

аксаково-тургенево-толстовская дичь. Не знаю, как в настоящее время, но до Второй мировой войны дом, по донесениям путешественников, все еще стоял на художественно-исторический показ иностранному туристу, проезжающему мимо моего холма по Варшавскому шоссе, где — в шестидесяти верстах от Петербурга — расположено за одним рукавом реки Оредеж село Рождествено, а за другим — наша Выра...»

Реставрацию музея-усадьбы писателя Владимира Набокова в Гатчинском районе Ленинградской области приостановили еще в конце 2022 года из-за удивительной находки. Во время археологических работ на ее территории, которые проводились в 2021-2022 годах, специалисты

обнаружили остатки фундамента дворца Алексея Петровича (сына основателя блистательного Санкт-Петербурга Петра Великого) начала XVIII века, на месте которого и была построена усадьба писателя. Обнаруженный фундамент решили музеефицировать.

Сейчас в главном усадебном доме в Рождествено находится музей семьи Набоковых, проводятся выставки, музыкальные вечера. Сотрудники музея с большой любовью и трепетом относятся как к самому зданию, так и к его экспозиции. Подлинных вещей бывших владельцев здесь осталось мало, но коллекция музея пополняется, в том числе за счет подарков.

В произведениях Владимира Набокова упоминалось и Батово, некогда принадлежавшее Кондратию Рылееву. Тому самому, кто был одним из лидеров декабристов и оказался в числе пяти повешенных после подавления восстания. Это была родовая усадьба Рылеевых, и сам Кондратий Федорович родился именно в Батово на Оредеже. Содержание усадьбы всегда было делом хлопотным и затратным. Впрочем, столбовые дворяне Рылеевы не бедствовали. А сам борец за народное счастье декабрист Кондратий Рылеев накануне восстания занимал крупный и престижный пост правителя канцелярии Российско-Американской компании, управлявшей заморскими владениями Российской империи на Аляске. Кроме того, он был весьма крупным

акционером компании, владея 10-ю ее акциями (император Александр I владел 20 акциями этой компании). В дальнейшем из рода Рылеевых усадьба перешла в разветвленный и состоятельный род Набоковых. Увы, усадьба не сохранилась. Лишь ряды кряжистых, покосившихся от времени лип по бокам подъездной аллеи — все, что сохранилось от некогда роскошного парка.

Неподалеку от Батово на Оредеже расположено Чикино: когда-то здесь располагались медеплущильный и медеплавильный заводы купцов Чикиных. В годы Первой мировой войны они выполняли военные заказы, что приносило поистине фантастические прибыли владельцам, а заодно обеспечивало работой местных жителей — окрестные поселения процветали. Плотина на ближайшей речке, искусственные пруды для разведения форели, которую поставляли в лучшие рестораны столицы, постамент памятника Александру III напоминают о славном прошлом одного из промышленных центров дореволюционной России.

Наконец, усадьба Сиворицы в селе Никольское с прекрасно сохранившимся господским домом. В XIX столетии это было роскошное дворянское имение с пейзажным парком. А после сооружения запруды на Сиворицком ручье перед господским домом разлилось рукотворное озеро. С бельведера открывался чудесный вид на него, на сверкающую белыми колоннами ротонду вдали.

Когда-то в ней играл оркестр, услаждая слух хозяина и его гостей, сидевших летом на лужайке перед домом... Владельцем имения стал тайный советник, обер-директор Санкт-Петербургского коммерческого училища Петр Григорьевич Демидов, который заказал возведение усадебного комплекса своему родственнику архитектору И.Е. Старову.

Перипетии людских судеб удивительны. В конце XIX века Сиворицы перешли во владение Петербургского земства. На землях бывшей усадьбы был построен больничный городок для пациентов психиатрической клиники. А возглавлял ее Петр Петрович Кащенко — известнейший врач, впервые в истории практиковавший гуманное отношение к душевнобольным людям. Тот самый, имя которого стало нарица-

тельным. «Городок скорби» трудно пережил страшные времена революции, гражданской и отечественной войн. Сейчас к больнице имени П.П.Кащенко вернулась былая слава передового лечебного психиатрического учреждения, при котором существует небольшой, но очень интересный музей в бывшем господском доме...

...Исследовать и изучать окрестности Оредежа можно очень долго. Еще лучше наслаждаться его видами и просто отдыхать в здешнем удивительном краю. Свое путешествие по Оредежу на каяке я запомнил на всю жизнь — оно было поистине волшебным и просто-таки фантастическим. И я обязательно вернусь сюда снова. Чего и вам советую. □

Фото автора

О рыбалке

Это свидание организовалось спонтанно — подруга Юлия, зная о моих намерениях познакомиться с «серьезным» мужчиной для «серьезных» отношений, пригласила меня после работы в ресторан, объяснив, что в гости к мужу приехал давний друг, который также был бы не против познакомиться с «серьезной» женщиной. Сначала я отказалась, но Юлька та еще «заноза» — целый день надоедала мне и уговорила-таки пойти в ресторан «буквально на полчаса»:

— Мало ли, вдруг приглянетесь друг другу? Но если он тебе не понравится — сразу же уйдешь!

Изначально сомневаясь в успехе этого мероприятия, мы с ней пришли в указанный ресторан, расположенный недалеко от работы. Заметив Юлькиного мужа, подошли к столику и поздоровались с парнями. Друга действительно можно было назвать «серьезным» — это был широкоплечий, крупный мужчина с неприветливым, но привлекательным лицом. В глаза бросались скулы, будто высеченные из камня, и взгляд исподлобья, проникающий через броню женской неприступности. Присев за столик, я познакомилась с Александром, и мы какое-то время мило общались все вместе. Потом я отлучилась на пару минут «припудрить

носик», а когда вернулась, обнаружила, что Юлька с мужем незаметно улизнули, оставив нас наедине.

«Вот так поворот! — подумала я. — Ну ладно, сейчас узнаю, что за «фрукт», не зря же когда-то на психолога училась...»

Заказав облепихового чаю, мы какое-то время присматривались друг другу. Разговор не клеился, было видно, что Александр — не любитель «болтать языком». Тогда я решила взять инициативу в свои руки: расспросила про его родной город, про работу, про хобби — в ответ лишь односложные фразы. Попробовала поговорить про футбол — вроде заинтересовался, но моих знаний, которые ограничивались фамилиями Месси и Аршавин, явно было недостаточно. Исчерпав попытки завязать разговор, я уже мысленно подыскивала причину распрощаться с Александром, как вдруг решила спросить его про знак зодиака и услышала в ответ короткое:

— Телец...

— Ой, в моем окружении не было «тельцов», а вот я — «Рыбы»!

— А какие конкретно рыбы? — шутливо спросил он.

«Ага, похоже, рыбак!» — отметила я мысленно.

— Одна — точно пиранья, а вы какую предпочитаете ловить?

И тут Александра понесло! В ближайшие полчаса я не могла вставить слово, слушая его истории о том, где, когда и как нужно ловить «трофейную» рыбу. Заглянув в меню, я его прервала:

— Саша, а морскую рыбу ты ловил? Здесь, например, черноморскую кефаль подают!

— О, давай закажем?! — предложил он и рассказал, что, будучи в Новороссийске, ловил кефаль, которую местные жители называли лобаном.

К рыбе мы заказали бутылку вина, и я даже не заметила, когда оно закончилось. Узнав об Александре все, что меня интересовало, я, скажу честно, была не прочь продолжить знакомство дальше. После ужина, когда на улице стемнело, Александр предложил проводить меня до дома. Около подъезда, прощаясь со мной, он предпринял несмелую попытку напроситься «на чашку чая», но я, в свою очередь, пошла «ва-банк»:

— Саша, ты когда приходишь на рыбалку, что сначала делаешь?

— Удочку готовлю! — подумав, ответил он.

— А вот и нет! — засмеялась я. — Чтобы поймать «трофейную» рыбу, нужно сначала ее прикормить, а иначе будет ловиться всякая мелочь! Правильно я говорю?!

— Да, все верно! С этим не поспоришь! — усмехнулся Александр.

В общем, мы обменялись телефонами и разошлись.

На следующий день, когда я поведала Юльке о том, чем закончи-

лось наше свидание, она посмотрела на меня изумленными глазами и расстроено сказала:

— Маша, ты совсем рехнулась?! Такого мужика упустила! Высокий, красивый, обеспеченный... Ты знала, что у него своя форелевая ферма? Он мужу рассказывал, что взял в аренду озеро, где и разводит форель...

— Юль, я так подумала — если действительно понравилась Александру, то он обязательно перезвонит, а если нет — пусть ловит другую рыбку. И вообще, меня напрягает, что у него все связано с рыбалкой!

— Ну, это лучше, чем каждый вечер в «танчики» играть, как мой благодетельный! Так и останешься без мужа! — рассерженно сказала Юлька, в сердцах плюнула и отвернулась.

Все-таки сомнения одолевали и меня. Ближе к вечеру, сделав вывод, что да — «мужика упустила», я жутко расстроилась, но тут раздался телефонный звонок, это был он — мой рыбак:

— Привет! Давай встретимся у озера?

— Что, вот так прям сразу и на рыбалку зовешь?

— Да какая рыбалка? — засмеялся он. — Ресторан в центре на прудах, «У озера» называется. На рыбалку я тебя, конечно, возьму, но это будет потом — когда «трофейная» рыба» все-таки клюнет!

Поняв, о чем идет речь, я засмеялась, но спохватившись, решила «держать марку» и предложила:

— Сразу в ресторан скучно идти, может, мы сначала культурно отдохн-

ем? Там рядом есть театр пантомимы, мой любимый, кстати!

— А, ну конечно, — ответил Александр.

Через полчаса он скинул мне фото билетов на спектакль в семь вечера и написал, что будет ждать меня у театра. Прочитав название спектакля, я не удержалась и принялась истерично хохотать, напугав Юльку своим поведением. На ее вопросительный взгляд, я пока-

зала название — «Старик и море» (Пластическая драма по повести Э. Хемингуэя). Наверное, излишне рассказывать, о чем идет речь в этой повести, похоже, что рыбалка стала преследовать меня везде и всегда.

Все началось с того, что родители жены приобрели себе дачу: небольшой домик за городом и шесть соток земли. Пока приводили жилище в порядок, нашли на чердаке кучу старых

ДАЧНАЯ МАГИЯ

В ДЕЙСТВИИ

книг. Среди прочих я обнаружил интересный для себя экземпляр — «Магия и гипноз» Папюса, в мягком переплете, с пожелтевшими от времени страницами. Принес на веранду, положил на столик, решив вечером полистать. Тут книгу увидела теща, прочитала аннотацию и со словами:

— Нечего здесь бесовщину плодить! — забросила ее в печь, которую мы разожгли, чтобы испытать на «работоспособность». Естественно, книга сгорела, а я быстро забыл про этот инцидент.

На следующий день, заехав по делу домой к другу, я увидел у него среди разбросанных книг точно такую же — старую, потрепанную, с пожелтевшими страницами, и спросил:

— Сань, ты что, магией интересуешься?

Мельком взглянув на мою находку, он усмехнулся:

— Да прям, это еще от мамы книги остались, уже лет десять тут валяются, все руки не доходят разобрать...

— Подари, — попросил я, — у меня тут идея одна появилась...

— Да забирай, конечно! — кивнул он.

В пятницу я заехал на дачу, побыстрому обжог обложку книги зажигалкой и положил ее на веранду, на тот самый столик. В субботу вернулся сюда уже с женой и тещей. Пока разгружал машину, они прошли в дом, и вдруг оттуда раздался громкий крик.

Прибегаю, вижу перепуганных женщин, теща сидит с побелевшим лицом, показывает на книгу и говорит:

— Вот она, нечистая, заговорили, видимо, прошлые хозяева! А ведь она мне снилась сегодня! И огонь снился... Жень, — жалобно обратилась она ко мне, — закопай ее, пожалуйста, в конце огорода. — Сразу такая вежливая стала, а ведь слова «пожалуйста», я от нее сроду не слышал.

— Нет, — говорю, — Маргарита Петровна, я с такими вещами связываться не хочу, мало ли чего. Давайте, яму выкопаю, а вы ее сами там «похороните»?!

При этих словах ее аж передернуло, но она согласно кивнула.

Пока копал яму, теща надела старые брезентовые рукавицы — наверное, чтобы не заразиться от нечисти — и принесла книгу. Мы ее зарыли поглубже и занялись дачными делами.

На следующий день мы вернулись домой, но вечером, под предлогом ремонта машины, я снова съездил на дачу и выкопал книгу. Она уже изрядно потрепалась: пропиталась влагой и измазалась в земле. В таком виде я ее снова оставил на столике.

Прошла неделя. В воскресенье теща долго отнекивалась, не хотела ехать на дачу, мол, спала плохо и давление подскочило. После уговоров согласилась, но при условии, что муж тоже поедет. Тесть — бывший слесарь, любитель выпить водочки, с недоверием и даже с пре-

зрением относился ко всяким «магиям и экстрасенсам».

И вот мы на месте. Выгрузил их, специально задержался у машины и стал прислушиваться — тишина! Подождав немного, я пошел к дому, поднялся на веранду и застыл в удивлении: глубоко задумавшись о чем-то, теща сидела на скамейке и растерянно теребила платок. Ну, думаю, «перегнул палку», пора завязывать с этой «шуткой».

Тем временем тесть взял книжицу, осмотрел ее внимательно и подал мне знак отойти.

— Женька, я ведь знаю, что это твоих рук дело! — шепнул он, а сам усмехается в усы.

— А вы как догадались?

— Я в той первой книжке две страницы выдрал, по крайней нужде. А здесь — целенькая лежит! Так что давай, колись!

В общем, сознался я во всем, поговорили, решили, что больше на эту тему шутить не буду. Вышли на веранду и услышали, как теща говорит по телефону:

— Галя, ты, кажется, дачу хотела купить? Да я вот продаю свою, недорого...

Мы с тестем остолбенели. А когда пришли в себя, он бросился к теще, схватил ее за руку и закричал:

— Стой, не дури! — И рассказал ей, как все было на самом деле.

Полчаса теща гонялась за мной по огороду, хлестая по спине «магией Папюса». К вечеру помирились, но, чувствую, в глубине души обиду она на меня затаила... □

Владимир Гриньков

Необыкновенная летопись ВЕЛИКОГО ГОРОДА

К 1000-летию города Суздаля

В необъятной России более 1100 городов. И среди них «миллионеров», где проживают более миллиона человек — свыше полутора десятков.

Но есть города маленькие, в которых и десяти тысяч жителей не наберется. Среди них — город Суздаль. Он входит в число двухсот городов России, в которых жителей — меньше десяти тысяч. Но вот парадокс: город мал размерами, но в отличие от своих столь же малых городов-собратьев известен и по книгам, и по фильмам, и по живописным полотнам...

В древнерусских летописях первое упоминание о Суздале встречается под 1024 годом, когда смерды (крестьяне), подстрекаемые язычниками-волхвами, напали на зажиточных

представителей местной знати, что было связано с предшествовавшими неурожайными годами и голодом. Вмешаться в происходящее пришлось князю Ярославу Мудрому. Об

этом есть упоминание в древней Лаврентьевской летописи далекого от нас XIV века. Летопись суздальская и позднее творилась строка за строкой. В местных писцовых книгах, где собиралась информация о том, кому какие земли принадлежат, и кто какому дому хозяин, накапливались сведения о Суздале и его жителях. Вот 1617 год. Только недавно завершилась разорительная Смута. А Суздаль оживал. В тот год в городе насчитали почти 650 дворов. Кто здесь жил в ту пору? Ремесленники, сапожники, кузнецы, каменщики, портные, плотники. А спустя каких-то десять лет дворов насчитывалось уже 800, но теперь на первые роли вышли плотники и каменщики. Вот и рос город. Но больше всех в Суздале в те годы было огородников, овощи выращивали три четверти горожан.

Так протекала суздальская жизнь, накапливались и сохранялись свидетельства о событиях этой жизни, и в какой-то момент нашелся человек, который задумал собрать воедино все, что было о Суздале известно, — некий Ананий Федоров. Он собрал воедино сведения о Суздале из всех доступных ему источников, накопившиеся за века — это летописи, писцовые книги, княжеские грамоты — и благодаря этому стал первым суздальским краеведом и одним из первых — во всей России.

Труд был рукописный, но вызывал такой интерес у современников,

что федоровское «Историческое собрание» переписывали от руки, делали так называемые списки, то есть копии. Такие списки хранились и в монастырях, и у частных лиц, а в 1825 году два экземпляра были доставлены в Санкт-Петербург, в библиотеку Императорской академии наук и в собрание государственного деятеля и одновременно страстного коллекционера графа Н.П. Румянцева, на основе коллекции которого был создан знаменитый Румянцевский музей.

В федоровской рукописи речь шла не только об исторических событиях и о князьях, но и о жизни земляков автора, городских обывателей. Вот что писал, например, Федоров: «Во граде Суждале, по доброту земли и по приятности воздуха, паче ныне имеются овощия огородного, си есть: капуста, луку, хрену, чесноку, а наипаче огурцов преизобильно, и сверх своей потребы многие ближние места довольствуются, також и прочих овощей родится преизобильно ж, к тому ж и сады имеются не малые яблонные, паче же вишневые, и ныне вишен множество родится, и доброту лучше владимирских, и от преизобилия и доброты в царствующем великом граде Москве и в прочих знатных местах в славе не последняя, и от того обыватели получают себе не малое приобретение».

Все это позволяет современным исследователям причислять «Историческое собрание» к самым цен-

ным источникам информации по истории древнего Суздаля.

На рубеже XIX-XX веков аристократы Российской империи путешествовали по стране не только по служебным делам, но из любопытства посещали самые интересные ее уголки. Благодаря этим путешественникам стал развиваться такой жанр, как путевые заметки.

полузабытый, он представлялся нашему воображению чем-то таинственным и необыкновенно притягательным». То есть слава Суздаля к тому времени осталась в далеком прошлом и поездка туда представлялась чем-то из ряда вон выходящим. «Уже начало смеркаться, — повествовал граф, — когда неожиданно на горизонте показалась колокольня, за нею другая, третья,

В 1880 году из Москвы в Суздаль отправился граф Сергей Дмитриевич Шереметев, один из богатейших людей России. Граф был увлечен русской историей, состоял в Императорском Русском историческом обществе и Императорском Русском географическом обществе. Позднее граф написал книгу «Суздаль. Путевые заметки», в которой рассказал о памятном путешествии. Он вспоминал: «Мало посещаемый,

церкви с многочисленными главами, монастырские стены с башнями, и нет конца этим колокольням и церквям. «Это Суздаль», — говорит ямщик. В недоумении глядели мы на этот город; с множеством церквей — он казался, действительно, стольным городом.

Подобно тому, как в пустыне представляются и встают города с великолепными, причудливыми зданиями и садами, но все это маре-

во и все исчезает вблизи, — так и теперь, по мере приближения, глазам нашим представилась странная картина: города нет.

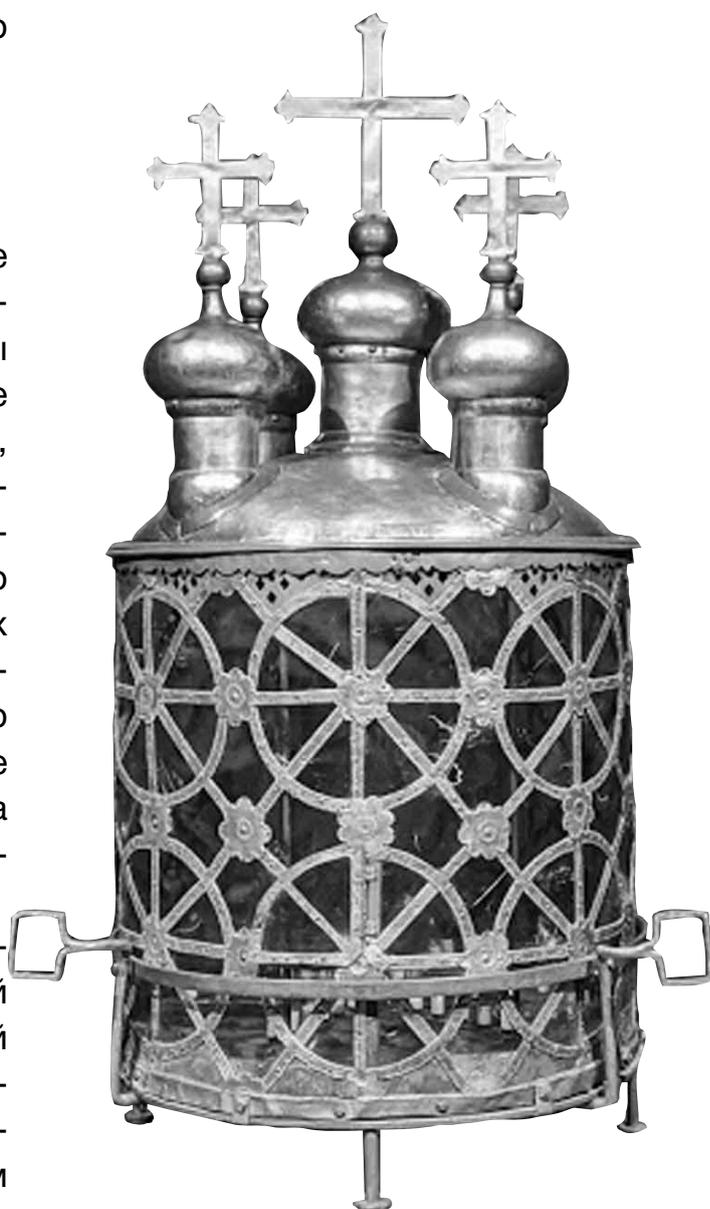
Вы видите деревню, с незатейливыми, маленькими домиками, с кривыми узкими улицами ... дома разбросаны случайно ... Тут же в этой деревне и вокруг нее повсюду церкви и монастыри, а около них пустыри и поля. Старого города, конечно, и в помине нет, но по обилию церквей можно судить о прежнем его величии».

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ

Сменялись эпохи. Пришли новые времена. Всплеск интереса у граждан СССР к истории своей страны и к ее культуре пришелся на 1960-е годы. Советские люди обнаружили, что у России богатая история, прекрасные памятники архитектуры, великие герои, не теряющиеся и во всемирном пантеоне исторических личностей. В ту пору миллионы туристов отправились в путешествия по стране, чтобы приобщиться к ее истории, культуре и архитектуре. На волне подобного интереса и родилось «Золотое кольцо».

В июне 1965 года сотрудники газеты «Советская культура» Юрий Александрович Бычков и Валерий Вадимович Леднев по своим журналистским делам приехали в Суздаль. Встреча Леднева с местным руководством в тот раз затянулась, а Бычков справился с делами рань-

ше и дожидался коллегу в своем автомобиле под стенами Спасо-Евфимиева монастыря. Взгляд журналиста скользнул вдоль шоссе, наткнулся на дорожный указатель с надписью «На Шую», и рука сама собой потянулась к атласу автомобильных дорог СССР, который в машине присутствовал всегда. Листая страницы атласа, он мысленно про-

*Выносной
Царь-фонарь*

ложил маршрут: из Москвы во Владимир и Суздаль, через Шую в Кинешму, далее в Щелыково, Судиславль и Кострому, после чего уже Ярославль, Ростов, Переславль-Залесский, Загорск (так в ту пору назывался Сергиев Посад) и — возвращение в Москву. Получалось кольцо, своеобразная нить, на которую, словно драгоценные жемчужины, нанизывались древнерусские города с их изумительными памятниками.

Но это была еще только мечта.

Прошло два года. Мысль о «кольце» не отпускала Ю.А. Бычкова, и когда в ноябре 1967 года выдалось 5 выходных и праздничных дней подряд, он, прихватив нескольких своих коллег, отправился на автомобиле в путь. Проехал по намеченному двумя годами ранее маршруту и по возвращении в Москву подготовил цикл очерков о древнерусских городах. Ответственный секретарь газеты «Советская культура», упомянутый выше В.В. Леднев, решил, что, если речь идет о цикле очерков, их надо объединить под какой-то общей рубрикой. Но вот под какой? Бычкову было дано полдня на то, чтобы придумать название.

Вот как о дальнейшем рассказывал сам Ю.А. Бычков в своей книге «Золотое кольцо и Конево диво»:

«Впав в задумчивость, бродил по Москве. Погода стояла контрастная пяти солнечным дням недавнего путешествия — небо заволгло серой пеленой. Поднял глаза ввысь, и взгляд мой встретил тающий в при-

зрачной вышине, золотящийся сквозь завесу мороси медленно опускающейся с небес дождевой пыли, купол колокольни Ивана Великого. Как током ударило: «Золотое!» Тотчас связалось это золотое с дорогой. Вышло — золотое кольцо. Понравившееся многим это словосочетание и стало названием популярного туристического маршрута. Задумка с кольцевым туристическим маршрутом, родившаяся вроде бы случайно, оказалась не просто жизнеспособной, а поистине золотой. Создание «Золотого кольца» буквально открыло этот регион для туристов, рост количества посещений его городов принял взрывной характер. Руководившая в те годы Владимиро-Суздальским музеем-заповедником Алиса Ивановна Аксенова вспоминала, что в 1986 году музей посетили 1 миллион 800 тысяч человек!

Регион преобразился. Туристы жаждали встречи с прекрасным, и повсюду реставрировались церкви и монастыри, открывались новые музеи и расширялись экспозиции в музеях «старых», прежде влачивших жалкое существование. В Суздале отреставрировали почти 40 памятников архитектуры. Попутно приводились в порядок дороги, прихорашивались улицы. Туристов надо было где-то размещать. Началось строительство гостиниц, которых еще недавно во многих городах попросту не существовало, открылись сотни ресторанов и кафе. Ожило краеведение, массово издавались книги о

древнерусских городах. В регионе появились новые профессии, прежде здесь почти не существовавшие по причине невостребованности: экскурсоводы, водители туристических автобусов, продавцы сувенирной продукции. Можно сказать, что «Золотое кольцо» приобщило десятки миллионов людей к истории и

ляет. Благодаря искусству кино сотни миллионов людей увидели город, в котором большинство из них никогда и не бывали. На суздальских улочках и площадях было снято около ста художественных фильмов. И какие фильмы здесь снимались! Какие приезжали режиссеры! А какие артисты!

культуре страны, и одновременно оживило целый российский регион...

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ

Это ленинская цитата — так В.И. Ленин говорил о кино. Кинематографическая летопись Суздаля впечат-

В 1964 году в Суздале снимался первый в истории города фильм — «Метель» по повести Александра Сергеевича Пушкина. Режиссером был Владимир Павлович Басов. Уже в первых кадрах фильма мы видим входящих в город русских воинов, которые под ярким летним солнцем шествуют мимо Святых ворот и ко-

локольни Ризоположенского монастыря, через площадь мимо Торговых рядов. А немного позже романтическая прогулка прелестной Марьи Гавриловны и гусарского полковника Бурмина происходила на фоне Спасо-Евфимиева и Покровского монастырей, да еще во главе повстречавшегося в ходе прогулки крестного хода, несшего знамени-

незадолго до съемок перевезенная в Суздаль и ныне сохраняющаяся на территории Музея деревянного зодчества. Оператором на съемках был Сергей Аркадьевич Вронский, позже снимавший фильмы «Укрощение огня», «Афоня», «Табор уходит в небо», «Осенний марафон».

В 1965 году режиссер Андрей Арсеньевич Тарковский на берегу реки

тый огромный выносной Царь-фонарь, который и сегодня можно увидеть в Суздале — он хранится в Богородице-Рождественском соборе кремля. А уже в зимних кадрах венчания Марьи Гавриловны с неожиданно оказавшимся незнакомым ей молодым человеком появилась еще одна достопримечательность — деревянная Никольская церковь,

Каменки снимал свой фильм «Андрей Рублев» — о средневековой Руси, русских людях, о поиске и подвиге. Фоном при съемках ряда сцен послужил Покровский монастырь. Оператором был замечательный мастер Вадим Иванович Юсов, участвовавший в съемках таких известных фильмов, как «Иваново детство», «Я шагаю по Москве», «Не го-

рой!», «Они сражались за Родину». Роль Андрея Рублева сыграл Анатолий Алексеевич Солоницын, которого А.А. Тарковский позднее снимал и в других своих фильмах. Участие в съемках принимали Ролан Антонович Быков и совсем еще юный Николай Петрович Бурляев.

Вообще, когда нужно было показать в кадре седую старину, кинематографы

но. Роль царя-реформатора сыграл Дмитрий Львович Золотухин, и был он столь убедителен, что многим из видевших фильм Петр I с тех пор именно таким и представляется.

Фильм «Душечка» по рассказу Антона Павловича Чехова в 1968 году снимал в Суздале народный артист СССР Сергей Николаевич Колосов. На экране зрители видели и Торговые

Старинные фотографии Суздала 1912 года. Фотограф С.М. Прокудин-Горский

Слева:

Вид на Троицкий собор и Спасо-Евфимиев монастырь с преподобенской колокольни

Суздальский Троицкий собор

матогграфисты приезжали в Суздаль. Фильм по историческому роману Алексея Николаевича Толстого «Петр I» зимой 1980 года снимал здесь народный артист СССР Сергей Аполлинариевич Герасимов. Построили деревянные декорации, а стояли они на фоне впечатляющих памятников Музея деревянного зодчества — получилось зрелищно и атмосфер-

ряды, и Торговую площадь, и суздальские церкви, а фоном для вступительных титров в начале фильма стала панорама здешнего кремля. Главную роль сыграла народная артистка СССР Людмила Ивановна Касаткина, которая позднее вспоминала свое пребывание в городе как счастливое время, говоря, что Суздаль «переворачивает душу своим

прекрасным патриархальным обликом, атмосферой».

Спустя десять лет Суздаль вновь оказался востребован для экранизации еще одного произведения Антона Павловича, его ранней повести «Драма на охоте», по которой кинорежиссер Эмиль Владимирович Лотяну снял свой знаменитый фильм «Мой ласковый и нежный зверь». Требовались виды старинного провинциального города, в котором, по сюжету повести, проходил престольный праздник, и для съемок использовали Торговую площадь. Оператором на картине был Анатолий Анатольевич Петрицкий, замечательный мастер, снимавший зрелищные фильмы «Война и мир» и «Мимино».

В 1983 году режиссер Михаил Абрамович Швейцер, известный своими картинами «Время, вперед!» и «Золотой теленок», снимал в Суздале пятисерийный телевизионный фильм «Мертвые души». Помните первые строки романа Николая Васильевича Гоголя? «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка...» Так вот гоголевский город NN режиссер картины разглядел в облике Суздаля. Здания старой постройки, улочки спокойные, храмы живописные — тут и архитектура сохранилась, и сам русский дух. А какие артисты снимались в фильме! Иннокентий Михайлович Смоктуновский, Инна Владимировна Макарова, Инна Михайловна Чури-

кова, Вячеслав Михайлович Невинный, Всеволод Васильевич Санаев — что ни персона, то народный артист СССР. А роль Чичикова исполнил Александр Александрович Калягин, к тому времени уже прославившийся своими ролями во многих фильмах.

И не всегда Суздаль был в фильмах то ли древней Москвой, то ли и вовсе не имеющим собственного названия городом NN. Он бывал и самим собой. Это как раз в Суздаль приезжал герой Михаила Александровича Ульянова, исписавшийся драматург, ищущий спасения от своего творческого бессилия. Фильм «Тема» режиссер Глеб Анатольевич Панфилов снимал в Суздале на излете зимы 1979 года, благодаря чему мы имеем возможность увидеть город той поры таким, каким он был — без декораций, без искусственного «состаривания». Одну из главных ролей в фильме сыграла Инна Михайловна Чурикова.

Приметы современного, обновленного Суздаля зрители увидели и в фильме «Чародеи». В 1967-1977 годах в городе возводился Главный туристический комплекс «Суздаль». Его необычная архитектура производила неизгладимое впечатление на всех гостей. Интерьеры этого комплекса можно увидеть в финальных кадрах фильма, снятого в 1982 году кинорежиссером Константином Леонидовичем Бромбергом.

Но едва ли не лучшей кинокартиной из снятых в Суздале многие

считают ставший своеобразной визитной карточкой города фильм «Женитьба Бальзамина», над которым в 1964 году работал режиссер Константин Наумович Воинов. За основу истории из XIX века были взяты три пьесы знаменитого русского драматурга Александра Николаевича Островского, долгие годы прожившего в московском районе Замоскворечье, что за Москвой-рекою от Кремля. Тогда замо-

занавесками, ворота на запор; при ударе в них раздается сердитый лай цепной собаки, все мертво, или, лучше сказать, сонно; дом или домишко похож на крепостцу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду. Везде семейство, и почти нигде не видно города!»

В 1960-е годы такой природы для съемок в Москве было уже не сыскать. Ушла. Исчезла. Осталась в далеком прошлом. Но самым счаст-

Вид на Суздаль с реки Каменки, начало XX века. Фото С.М. Прокудин-Горский

скворечье было «большой деревней» в границах Москвы: церквушки тут и там, дома купцов и мещан, высокие деревянные заборы, сады и огороды, непроезжие в дождь улицы, дым из печных труб и чай из самовара. В своей статье «Петербург и Москва» публицист и литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский про Замоскворечье той поры написал: «Там окна завешены

ливым образом сохранилась в Суздале — вместе с атмосферой того самого прошлого. В кадр попали и домики деревянные, и церкви с колокольнями, и Торговая площадь, и древний земляной кремлевский вал. Образ русской действительности — без прикрас, родной, узнаваемый, щемящий. Дом Мишеньки Бальзамина, которого сыграл народный артист СССР Георгий Михайлович

Вицин, был самым настоящим, в котором из поколения в поколение жила семья суздальцев — они согласились на время предоставить возможность превратить двор своего дома в съемочную площадку — этот дом и сегодня в Суздале стоит, к нему уже потянулись туристы. Кстати, вспомните одну из самых известных сцен этого фильма: на высоком земляном валу стоит щедро накрытый стол, где и выпечка, и варенье, и россыпь свежих фруктов, и чайный сервиз, и самовар, а за столом — героиня Нонны Мордюковой, купчиха замоскворецкая, и ее гостья, сваха. А с вала открывается вид и на церкви, и на дворы окрестные. Вся эта сцена — точное повторение картины художника Бориса Михайловича Кустодиева «В старом Суздале», написанной в 1914 году. Там тоже стол, купчиха, ее гостья, чаепитие и самовар. И даже храмы на заднем плане те же самые, что и в фильме. Словно режиссер, снимая комедию, немного в кадре поозорничал, подмигнул знающему зрителю: да, драматурга Островского, мол, пьесы, вроде бы Москва, Замоскворечье, но Суздаль это, Суздаль неземной красоты, друзья мои.

Так кинематографисты уже шесть десятилетий пишут кинолетопись удивительного города.

ЧТОБЫ УЖ ТОЧНО НА ВЕКА

Б.М. Кустодиев был не единственным художником, которого Суздаль очаровал.

Летом 1903 года в город приехал Николай Константинович Рерих, путешествовавший по древним городам России. Он был покорен красотой и величием суздальских монастырей и создал несколько этюдов: «Монастырь Александра Невского», «Козмодемьянская церковь», «Спасо-Евфимиев монастырь», «Стены Спасо-Евфимиева монастыря».

Жизнь на древней русской земле, где сохранилось столько прекрасных архитектурных памятников, не могла не найти отражения и в живописи местных художников. В середине XX века возникает ныне уже знаменитая Владимирская школа живописи. Живущие во Владимирской области молодые тогда художники рисовали древнерусские города — творцы находились буквально внутри самой истории, жили рядом с жемчужинами архитектуры. Много их работ посвящено Суздалю — и памятники тут потрясающие, и история с Владимиром во многом общая. Ким Николаевич Бритов, Валерий Григорьевич Кокурин, Николай Николаевич Модоров и другие мастера рисовали древний город, запечатлевая для потомков и его облик, и свое трепетное и восторженное отношение к увиденному. летопись-живопись.

ОБЛИК ЭТОГО ГОРОДА МОЖНО СВЕТОМ НАПИСАТЬ

Если объединить слова «свет» и «пишу» и перевести на греческий язык, получится — «фотография».

Излучающий необычайный свет неповторимый Суздаль фотографируют на протяжении уже более полутора веков, и есть поистине бесценные образцы этой масштабной фотолетописи. Есть фотографии, на которых — суздальские достопримечательности, которых уже нет. Разобраны. Разрушены. Исчезли. А на снимках они сохранились.

стера восстанавливали вроде бы навеки утраченное.

В начале 1870-х годов Императорская Академия художеств поручила фотографу Михаилу Петровичу Настюкову отправиться в древнерусские города и запечатлеть их архитектурные памятники. Начал фотограф с Суздаля и других городов Владимирской земли. В 1874

Фильм «Андрей Рублев»

И виды улиц сохранились. И сделанные с местных колоколен панорамы города, изменившегося, конечно, за эти полтора столетия, но мы можем и сегодня увидеть все это прошлое благодаря спасительной для нашей памяти светописси. И когда во второй половине XX века принялись за реставрацию множества суздальских архитектурных жемчужин, старые фотоснимки стали просто спасением — по ним современные ма-

году был издан «Альбом фотографических видов памятников древнерусского искусства», и вошедшие в него виды Суздаля и его достопримечательностей являются, возможно, самыми первыми фотоработами, которые позволяют нам увидеть древний город.

В 1892 году в Суздале открылась фотография (сейчас бы назвали фотосалон) Александра Алексеевича Соболева. Дело было модное, суз-

дальцы шли и шли к фотографу, и сегодня известно много фотографий горожан всех возрастов с неизменной подписью в правом нижнем углу снимка: «Фотография А.А. Соболева в Суздале». Но сказать «спасибо» фотомастеру мы должны не только за то, что он со-

Многое из сфотографированного позднее было уничтожено, разграблено. А на снимках оно сохранилось.

В 1912 году в Суздаль приехал пионер российской цветной фотографии Сергей Михайлович Прокудин-Горский, который на протяже-

Фильм «Женитьба Бальзаминова»

хранил для нас образы людей, живших более века назад, но и за то, что А.А. Соболев порой, взвалив на плечо тяжеленный в те времена фотоаппарат на треноге, шел по городским улицам и снимал, снимал, снимал... Вот улица, вот церковь на той улице, вот иконостас той церкви и рака с мощами.

нии нескольких лет перемещался по России, запечатлевая на фотопластины даже самые дальние уголки страны. Снимки были цветные, и благодаря этому мы сегодня видим Суздаль вековой давности будто наяву.

Позднее, когда фотография уже прочно вошла в жизнь людей, и фо-

тографировать стали все, включая школьников, счет новым снимкам шел уже на миллионы. И это тоже летопись, разрозненные, но нескончаемые попытки людей сохранить увиденное. Когда-нибудь может пригодиться будущим исследователям эта летопись-светопись.

праздник. Многие утрачено и осталось в прошлом, но традиции суздальских звонарей возродились и сохраняются.

Сама атмосфера города чарующая и музыкальна.

В 1960-е годы композитор Василий Павлович Соловьев-Седой напи-

Фильм «Женитьба Бальзаминова» — вид торговых рядов Суздаля

МУЗЫКА ЗВУЧИТ

Еще одна из визитных карточек древнего Суздаля — это колокольные звоны в Спасо-Евфимиевом монастыре. Для всякого, услышавшего перезвон колоколов на красивой звоннице XVI века, такая невероятной мощи музыка — потрясение и

сал на стихи поэта Михаила Львовича Матусовского песню «Суздаль». Это одни из самых талантливых мастеров советской песни. В.П. Соловьев-Седой был Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии и народным артистом СССР. Слава его действительно была народная. Песни «Ве-

чер на рейде», «Соловьи», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» знала вся страна. Поэт М.Л. Матусовский, орденоносец и лауреат Государственной премии СССР, написал стихи к таким прекрасным песням, как «Березовый сок», «Вместе весело шагать», «Крейсер «Аврора», «Московские окна», «На безымянной высоте», «С чего начинается Родина», «Вологда».

У двух этих мастеров и ранее были совместно написанные песни, да еще какие! Вспомните «Подмосковные вечера» — ныне песня известна во всем мире. Поэтому и исполнительницей «Суздаля», песни, созданной таким замечательным творческим дуэтом, стала одна из самых популярных певиц той поры Майя Владимировна Кристалинская, слава которой именно в те годы была необыкновенной. Кристалинская пела о Суздале:

*Вот он главы вековые
Гордо поднял в синеву.
Словно песня о России,
Словно сказка наяву.*

Появлялись и другие песни о Суздале.

И еще были музыкальные произведения, в которых название города не звучало, но они теперь неразрывно связаны с Суздалем.

Вспомните кинофильм «Метель», о котором шла речь ранее. Для фильма талантливейший советский композитор Георгий Васильевич Свиридов, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии, написал сюиту «Музыкальные иллюстрации к пове-

сти А.С. Пушкина «Метель», мелодии из которой слышал, без преувеличения, каждый. И поскольку фильм снимался в зимнем Суздале, все части сюиты — это как раз о Суздале.

А песня «Три белых коня», которую написали композитор Евгений Павлович Крылатов и поэт Леонид Петрович Дербенев для фильма «Чародеи»! Русская тройка, зимняя дорога, заснеженные березы — все это вспоминается, когда слушаешь ее, а многие кадры снимались в Суздале — так мелодия срастается с образом города.

ЗДЕСЬ ВОЛШЕБСТВО КАКОЕ-ТО

Советский поэт, Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии Егор Александрович Исаев когда-то написал:

«Я не знаю, какого рода название этого города — то ли мужского, то ли женского. Я все время вслушиваюсь, всматриваюсь, вдумываюсь в это имя — Суздаль. То есть союз далей, узел далей. Суздаль. Сколько раз сюда ни приезжаешь, Суздаль все дальше, всегда недосмотренный остается, всегда недолюбленный. Здесь каждый камень глубок. Суздаль — это даль. Даль в истории, даль в глубине. Без этой исторической дали нет объема, нет ощущения современности».

Этот город притягивает миллионы людей. И каждый из них пишет свою часть летописи тысячелетнего чудо-места.

Блажен и велик город, который имеет таких летописцев... □

Владимир Рублев

«В будущем мечтаю создать свой оркестр»

Владимир Рублев — начинающий, совсем юный пианист 13-ти лет. Он переехал в столицу для обучения музыке из знаменитого города Сочи. Его игру отличает яркий артистизм, экспрессия, музыкальность и, вместе с тем, техничность. Он — лауреат конкурса «Щелкунчик» и конкурса Дениса Мацуева. О сложностях профессии и выборе пути в искусстве и жизни — в интервью «Смене».

— Вы родились в Сочи, а переехали в столицу, чтобы учиться в Гнесинке. Помните первое впечатление от Москвы, трудно ли жить и учиться в таком большом городе?

— Москва сразу произвела впечатление, она необъятная и шумная в отличие от Сочи. Здесь очень много народа, и все куда-то спешат. Казалось, что мне тут будет сложно. Но когда в сентябре начались занятия, я познакомился со всеми ребятами, новыми педагогами, и мне стало намного спокойнее. В Гнесинке я чувствую себя «в своей тарелке». Везде звучит музыка, это мне очень нравится и успокаивает. Учиться в Гнесинской школе было

моей мечтой. По своему городу, конечно, скучаю, но приезжаю туда редко, только летом на каникулы.

— Вы выступали на многочисленных площадках, а с чего началась ваша встреча с музыкой? С какого возраста вы начали заниматься?

— Я родился в немusыкальной семье, у нас не было дома инструмента и, в принципе, я, наверное, не должен был стать музыкантом. Но все решил случай. С пяти лет я ходил на занятия по подготовке к школе. У нас был урок «Ознакомление с искусством», который вела прекрасная учительница Шатунова Светлана Дмитриевна. Она играла на фортепиано Чайков-

ского «Детский альбом», Грига «В пещере горного короля», и я заслушивался этой прекрасной музыкой. Потом попросил маму отдать меня на занятия по фортепиано к Светлане Дмитриевне. Через год Светлана Дмитриевна порекомендовала отправить меня в музыкальную школу, и в 8 лет я попал в первый класс ДМШ им. Шмелева в городе Сочи к замечательному педагогу Гесиной Елене Яковлевне. Там уже началась настоящая «школа», со всеми гаммами и этюдами, но мне все это нравилось. Потом уже пошли разные конкурсы и концерты, и я все больше стал погружаться в музыкальную стихию.

— Как удается совмещать специальность с другими предметами?

— Я всегда ставлю в приоритет специальность, остальные предметы «выстраиваю вокруг». Иногда ничего не успеваю, только занимаюсь на рояле, особенно когда впереди конкурс или экзамен. Но наши учителя в Гнесинке все понимают, спасибо им за это. Вообще считаю, что музыкант, конечно же, должен быть образованным человеком, поэтому стараюсь не упускать общеобразовательную программу и сдавать все предметы вовремя.

— Вы учитесь в классе у Бориса Березовского, яркого представителя московской фортепианной школы. Что нового почерп-

нули из обучения у прославленного пианиста?

— Борис Вадимович — прекрасный педагог, я бы сказал, инновационный. Он учит меня свободной игре и всегда говорит о важности собственной интерпретации произведения. «Освободить от оков ученичества» — это его девиз. Также мы много работаем над звуком, над понимаем глубокого смысла, которое вложил композитор. Уроки Бориса Вадимовича — это золотое дно, каждый раз я черпаю для себя что-то новое и счастлив быть его учеником.

— Чем любите заниматься в свободное от музыки время?

— Я играю в бадминтон, хожу на тренировки. Также люблю гулять, кататься на роликах и велосипеде. Кроме этого, увлекаюсь историей России, люблю читать и смотреть исторические фильмы, как художественные, так и документальные.

— Что для вас главное в пианизме?

— Как мне кажется, нет чего-то одного главного, так как много составляющих: это и безупречная техника, и качество звука, и чувство ритма и времени. Также немаловажным является собственное отношение к исполняемому произведению, то есть интерпретация.

— Расскажите, пожалуйста, о своем участии в конкурсе «Щелкунчик».

— Я давно мечтал принять участие в этом конкурсе, поэтому решил с моим педагогом подать заявку в 2023 году. Потом узнал, что прошел на первый тур, и начал усиленно готовить конкурсную программу. На первом туре я играл С.В. Рахманинова «Сирень» (транскрипция для фортепиано) и скерцо Мендельсона из музыки к пьесе. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (в обработке С.В. Рахманинова). Тогда судьи поставили мне высший балл, чему я был очень рад. На втором туре я играл Крейсlera «Радость любви», также в обработке Рахманинова. А в третьем туре концерт № 2 С.В. Рахманинова 3 часть. Я очень люблю Рахманинова, поэтому практически вся программа состояла из его произведений и транскрипций. На этом конкурсе

я занял третье место и получил «Бронзовый Щелкунчик».

— В одном интервью вы сказали, что хотите в будущем освоить также профессию дирижера. Ваше желание со временем не пропало?

— Нет, не пропало. Моя цель — выучиться и на пианиста, и на дирижера, хочу закончить два факультета. В будущем мечтаю создать собственный оркестр.

— Правда ли, что вы еще сочиняете музыку?

— В моей голове всегда звучит музыка, иногда я записываю ее, но чтобы специально сидеть и сочинять — такого уже давно нет. Может, не хватает времени, а может,

нет вдохновения. Пару лет назад я сочинил несколько небольших пьесок «Сирень под дождем», «Красная армия» и даже исполнял их на концерте в Сочи.

— Ваши любимые композиторы?

— Наверное, все, потому что в разное время нравятся разные. Вот сейчас я выделяю С.В. Рахманинова, С.С. Прокофьева и П.И. Чайковского — они мне ближе по духу. Но

пройдет время, и мои вкусы могут измениться...

— Вы являетесь лауреатом конкурса Дениса Мацуева. Как шла подготовка? Какие ожидания связывали с этим проектом?

— От любого конкурса я всегда ожидаю новых знакомств и новых впечатлений! Конкурсы Дениса Леонидовича всегда грандиозные и очень дружелюбные, на них нет атмосферы конкуренции, это очень

радует, так как я считаю музыку и конкуренцию несовместимыми понятиями. Я очень много готовился к этому конкурсу, занимался по 6–7 часов ежедневно, так как программа, которую мы с Борисом Вадимо-

обрадовался, ведь лауреатам предоставлялась возможность снова выступить с оркестром на закрытии.

— Вы лауреат международных и российских конкурсов.

вичем выбрали на конкурс, была довольно сложная. Я старался сыграть программу на высоком уровне и, главное, выразить все, что хотел сказать композитор, наиболее точно и ярко. Думаю, у меня это получилось, хотя еще не идеально, всегда есть, к чему стремиться.

Во время конкурса я не думал о результатах и не прогнозировал их, так как это бы мешало сконцентрироваться на музыке. Когда объявили мое имя в списке лауреатов, очень

Какой из них стал особенно запоминающимся для вас?

— Наверное, это последние конкурсы: «Щелкунчик» и конкурс в ЦМШ «Посвящение Рахманинову». Они запомнились, потому что на этих конкурсах был очень высокий уровень пианистов, меня многие ребята не просто впечатлили, но и дали мотивацию двигаться вперед! □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Фото из личного архива

ДОЖДЬ

Внезапно пошел дождь. Причем такой несуразно крупный, что, даже будь он теплым, от него все равно захотелось бы спрятаться.

Аркадий глянул на часы и зябко поежился. Минутой назад он успел заскочить под козырек какого-то офиса, но сильные дождевые потоки так и норовили достать его даже под крышей. Аркадий глянул по сторонам и вдруг заметил на углу небольшую вывеску. Кафе. Он расстегнул куртку, натянул ее над собой вместо зонта и, преодолев в несколько гигантских прыжков пару десятков метров до искомой двери, шагнул в помещение.

В кафе было пусто. Ну, конечно, местечко здесь не людное и даже в такой ливень почему-то не нашлось никого, кто пожелал бы искать тут убежище. Кроме самого Аркадия.

В небольшом помещении пахло хорошим кофе и сладостями, приглушенно играла музыка. Услышав звук открывшейся двери, возле стойки, неведомо откуда, материализовался высокий, худой юноша-официант. Он кивнул Аркадию и приветливо, без всякого подобострастия, улыбнулся:

— Здравствуйте.

Аркадий поздоровался в ответ и огляделся. Стойка прилавка, три круглых столика и несколько стульев — вот и все, что поместилось на небольшой площади. А что, это даже как-то заманчиво — скоротать время в таком уютном уголке. Получив от юноши чашку ароматного кофе и кусок домашнего пирога на белоснежной тарелочке, он занял место возле окна, сделал глоток из чашки и вдруг подумал, что побыть одному в маленьком уютном кафе — это же довольно большая удача. На него тут же нахлынули воспоминания...

... В тот день тоже неожиданно пошел сильный дождь...

Аркадий, едва выйдя из машины, сразу попал в лавину теплых летних потоков, стремительно мчавшихся с неба навстречу земле. Пришлось ускориться и искать убежища под ближайшей крышей. Этим спасением оказался крохотный козырек над входом в кафе.

Буквально через пару минут Аркадию пришлось потесниться. Весело хохоча, на крылечко впорхнула девушка. Импровизированным зонтом ей служил небольшой портфельчик. Стряхивая с него воду, девушка продолжала улыбаться.

Аркадий невольно залюбовался нежданной соседкой. Льняная блузка с некрупными розовыми цветочками по белому полю, обычные джинсы «в обlipку», длинные волосы пшеничного цвета собраны на затылке в конский хвост. Выбившиеся на висках пряди немного вьются.

Девушка заметила, что молодой человек смотрит на нее, но не смутилась, а, наоборот, улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте!

Аркадий тоже улыбнулся и кивнул:

— Здравствуйте.

Взгляд пришлось отвести, неудобно так пристально разглядывать незнакомого человека. Но он сделал это с большой неохотой.

— Откуда этот дождь взялся, да еще такой сильный! — проговорил Аркадий спустя пару минут — ему вдруг стало неудобно стоять молча.

— С неба, — пожала плечами девушка, — откуда еще берется дождь?

— А, знаете, вы правы! Я как-то не подумал, — хмыкнул Аркадий.

Девушка прыснула, глянула на него. Он тоже засмеялся, посмотрел на нее и... пропал!

Большие синие глаза незнакомки светились такой неподдельной радостью, что он вдруг почувствовал, как волна счастья захватывает его самого и уносит в неведомые дали. Ощущение легкости, полета, были настолько восхитительны, что Аркадий даже не посмел их прервать.

Он стоял и смотрел на девушку.

А она смотрела на него.

... А вокруг был дождь.

И вдруг на какое-то время они перестали что-либо замечать. Были только Он, Она и дождь... И это было волшебным...

Потом под козырек забежали два паренька-подростка. На небольшом крылечке сразу стало тесно. Совсем как в детской сказке «Под грибом». Аркадию и девушке пришлось встать вплотную друг к другу. Стараясь дать незнакомке больше места под крышей, он немного шагнул в сторону, и тотчас же дождевые струи с радостью пробежали по его плечу.

Незнакомка, заметив это, обернулась, и вдруг, коснувшись руки Аркадия, потянула его за собой.

Дверь в кафе открылась, пропуская молодую пару в царство сказочных ароматов ванили, свежей выпечки и хорошего кофе.

Стены в цвет льна. Занавески на окнах им в тон, только чуть темнее. Свет приглушен, на стенах нежные акварели.

Там было всего два столика, и оба пустовали.

Аркадий со своей спутницей заняли один из столиков. Официант, совсем юный, темноволосый мальчик, принес заказ — две крохотные чашечки потрясающего кофе и пирожные.

А потом было Волшебство!

Аркадий и незнакомка пили ароматный напиток, и, совсем позабыв про пирожные, разговаривали. Казалось, что они знали друг друга всю жизнь...

За разговором они не заметили, как в кафе вошел еще один посетитель. Это был пожилой, немного сутулый мужчина в сером плаще. В руках он держал футляр от какого-то музыкального инструмента. Сняв плащ, мужчина занял второй столик.

Кофе был выпит, и тут молодые люди вспомнили про пирожные, про которые совершенно забыли! Оба засмеялись и заказали еще кофе.

... А за окном продолжал идти дождь...

... Дождь...

А здесь, в помещении, не было никакого дождя. Было очень уютно, пахло выпечкой и ванилью. И счастьем. Или это теперь счастье пахло выпечкой и ванилью?

Вдруг совсем рядом неожиданно заиграл саксофон. Это пожилой посетитель кафе, понаблюдая за молодой парой, тепло улыбнулся и осторожно открыл футляр. Инструмент ожил в руках мастера. Нота за нотой, звук за звуком... И полилась волшебная мелодия.

Глаза Аркадия встретились с синевой глаз спутницы. Мужская ладонь легко коснулась нежной женской руки.

— Потанцуем?

Это действительно было настоящее Волшебство. Саксофон в талантливых руках пожилого музыканта словно открыл какой-то тайный канал для выхода во Вселенную. Потрясающей красоты музыка обволакивала, закутывала в нежнейший кокон, орошала благовониями, поднимала ввысь и баюкала на мягчайших волнах. Рождала жаркую страсть и тотчас же охлаждала ее прохладой... Рядом сидела неведомо откуда взявшаяся девушка в светлой льняной кофточке... И Аркадий тонул в ее глазах...

... А потом дождь закончился, и они покинули кафе, сердечно поблагодарив старого музыканта...

На улице уже светило солнце, резвясь в каждой луже веселым солнечным зайчиком, и им обоим казалось, что встретиться вновь будет так же просто, как и сегодня.

— Пока!

— Пока!

Его уже ждали на другом конце страны. А у нее в аэропорту через два часа начиналась регистрация на международный рейс.

... И больше не было никакого дождя...

... А сейчас дождь был. Сильный, упрямый, скрывавший в своей густой завесе все, что происходило с Аркадием за время, прошедшее с того волшебного дня.

Он сделал глоток кофе, перевел взгляд на боковую стену и... вздрогнул. В простенке между окнами висела небольшая картина. Это был мастерски сделанный рисунок. Всего лишь черно-белый рисунок, будто выполненный простым карандашом. А на нем — дождь... .. И уходящая в серую пелену фигурка девушки в светлой кофточке и джинсах.

Аркадий дрогнувшей рукой поставил чашечку на стол. Так не бывает! Так просто не может быть! Уходящая в дождь девушка была похожа на незнакомку, с которой его тогда свела судьба. Они даже не познакомились, не назвали друг другу своих имен, не обменялись номерами телефонов. У каждого была своя жизнь... Как потом Аркадий жалел об этом, сколько раз ругал себя за то, что не сделал первый шаг!

Но откуда? Кто еще мог знать о том, что они однажды встречались с этой синеглазой девушкой? Кто вообще мог нарисовать ее именно так — уходящей в дождь?!

Это было какое-то наваждение! Аркадий с трудом перевел дыхание, продолжая во все глаза смотреть на рисунок, словно пытаясь взглядом оживить нарисованную фигурку. Как много бы он отдал сейчас за то, чтобы случилось чудо!

Тихо звякнул потревоженный колокольчик над входной дверью. Кто-то вошел в кафе. Аркадий обернулся не сразу. Только почувствовав, что вокруг вдруг стало пронзительно тихо, а тот, кто вошел, замер возле двери, он медленно повернул голову.

Сегодня на ней был синий плащ, перехваченный в талии широким поясом, и красивый красно-желтый платок на голове. Но Аркадий узнал бы ее даже в рубище! Те же синие глаза, те же светлые волосы, выбивающиеся из-под платка.

Он поднялся и медленно подошел к девушке.

— Привет!

— Привет!

«Неужели это ты? Ты просто не представляешь, как я счастлив!»

«Как я рада тебя видеть!»

«Неужели ты мне не снишься?»

«Нет, это не сон!»

Это всего лишь ДОЖДЬ... □

Петербургские Мальдивы

Всего в каких-то семи десятках километрах от северной столицы находится удивительное место — Борницкие карьеры. Здешние пейзажи просто завораживают, настолько они нереальны. Уходящие за горизонт песчаные дюны словно сошли с открыточных буклетов белоснежных мальдивских пляжей. А некоторым, напротив, мерещатся в этих барханах терриконов фантастические марсианские пейзажи. Но никакой мистики тут нет: расположенный в окрестностях Гатчины (ставшей не так давно официальной столицей Ленинградской области), Борницкие карьеры, а всего их три, рукотворны. Еще с XVIII века здесь добывали известняк, и местный известняк использовался при сооружении Казанского собора на Невском проспекте и Гатчинского дворца, в котором в разное время жили Павел I и Александр III. В наши дни один карьер по-прежнему продолжает свою деятельность: местный известняк активно используется при сооружении многих современных объектов северной столицы и Ленинградской области. А два других карьера, где добыча полезных ископаемых давно завершилась, благодаря своему инопланетному виду стали настоящим местом паломничества для любителей ярких и оригинальных фотосессий.

Великаны населяли Землю?

В 1895 году во время проведения работ на Изумрудном острове, недалеко от ирландского города Антрим, был обнаружен мумифицированный гигант ростом 3,7 метра. Особенно поразило исследователей, что на правой ноге великана было шесть пальцев.

А в 1947 году в газете штата Невада появилась заметка об удивительной археологической находке 32-х подземных пещер, внутри которых доктор Брюс Рассел обнаружил останки трехметровых гигантов в доисторических костюмах, скроенных из кожи неизвестных животных. Рядом с этими останками были найдены многочисленные орудия труда, включая домашнюю посуду и печи для приготовления пищи. Также в пещерах были найдены и останки динозавров, мамонтов и саблезубых тигров.

Возможно, гигантов загнала серьезная катастрофа планетарного характера, не исключено, что и ядерная — ведь о битвах богов с применением смертоносного оружия, уничтожающего все живое, повествуется в священных книгах многих древних религий и верований.

Инвер Шеуджен

ВЫЙДУ В ПОЛЕ, ВРЕМЯ ЗАКАТНОЕ...

Выйду в поле, время закатное...
Ветер кудри рассыплет линиялые.
Воля вольная, жизнь перекастная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает полынью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрошенный,
В уголки забредая бедовые.
Рвутся с повода кони ретивые,
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
На пригорке поодаль, стыдливая
Как невеста береза-красавица.
Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки до боли исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,
И погосты родные ухожены.
Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет мне, балуя.
В алом зареве степь необъятная,
Я вернулся на родину малую.

Я ПРИКОСНУСЬ К ТЕБЕ ЩЕКОЙ...

Я прикоснусь к тебе щекой,
«Колючий» — скажешь ты устало,
Коснувшись тонкою рукой
Волос, где седина упала.

Троянская лошадка

Глава 1

Ревность моя избирательна, без подпитки убойными фактами она зачахнет и увянет, как ковыль в заснеженной степи. И я бы обязательно забыл о той странной встрече на Эльбрусе, если бы за ней не последовала целая полоса тяжелейших испытаний, выпавших на нашу с Ирэн долю. Позже я часто думал о том, как развивались бы события, не прими мы участие в соревновании. Сколько бы пролилось крови, сколько было бы изломано человеческих судеб?

Это был конец марта — самое замечательное время в горах, когда солнце, уже по-летнему сильное, очистило от снега обширные поляны на южных склонах; и проталины покрылись цветочным ковром. Вот в такую чудесную пору мы с Ирэн приехали к подножию Эльбруса, чтобы отдохнуть недельку от изрядно поднадоевшего нам детективного агентства, тем более что уже второй месяц сидели без мало-мальски серьезных заказов и совсем скисли от тоски и хронического безденежья.

Как раз в эти дни на Эльбрусе проходили международные состязания по скоростному восхождению, и председатель жюри Володя Белиловский — мой давний друг, поэт и романтик — предложил нам с Ирэн помериться силами с альпинистами.

Журнальный вариант.

Это была явная авантюра, но мы почему-то согласились и стартовали на вершину Эльбруса в четыре часа утра с ледовой базы Гара-Баши вместе с двумя десятками спортсменов. Азарт пришел к нам в районе скал Пастухова, но на седловине, откуда до вершины оставалось всего ничего, Ирэн вдруг сдалась и начала тихо поскуливать. Ей не хватало воздуха, сил и воли. Я затащил ее на вершину при помощи крепких выражений и веревки, и там мы воткнули в снег победный вымпел, крикнули «ура» и даже поцеловались, позируя перед камерой оператора, который снимал наш триумф с борта вертолета.

Ползанья по натечному леднику в поднебесье вымотали Ирэн настолько, что она проспала в нашем номере как убитая почти двадцать часов. Я не без труда растормошил ее за час до того, как в кинозале должно было состояться чествование победителей с вручением главного приза — яблочного пирога, который Белиловский называл «метр на метр». Так что ей пришлось в спешке приводить себя в порядок и волочиться к пьедесталу почета. Белиловский вручил нам пирог, по своим размерам напоминающий небольшой бильярдный стол. Я тотчас отволок его в бар, где стал накрывать праздничную «поляну» для организаторов соревнований, спасателей, спонсоров и особо ретивых болельщиков.

Минут через пятнадцать я снова поднялся в кинозал и не сразу нашел в толпе Ирэн. Сначала мне показалось, что она окружена поклонниками и принимает поздравления, но потом заметил, что Ирэн представляла интерес лишь для одного невзрачного человека. Это был невысокий, коренастый мужчина лет сорока, с крепкой челюстью и чуть скошенным на бок ртом. Его крупная голова с плоским затылком, казалось, под собственной тяжестью ушла в плечи, и потому обнаружить присутствие шеи было решительно невозможно. Лицо его было бледным, явно не познавшим здешнее солнце, отчего можно было сделать вывод, что человек приехал сюда недавно, возможно, только сегодня. Одет он был весьма необычно для здешних мест — деловой костюм, остроносые туфли, разве что галстука не было. Мужчина стоял напротив Ирэн, опираясь рукой о стену, будто пытался оградить ее от толпы, что-то говорил и время от времени озирался по сторонам, при этом вместе с головой двигались и его широкие плечи.

Я подошел к ним и поздоровался. Незнакомец, протянув руку, бурно приветствовал меня:

— О-о! Какие люди! Очень, очень за вас рад! Если не ошибаюсь, вы — Кирилл Вацура? Мой друг Белиловский рассказал мне о вас много хорошего. От всей души поздравляю с победой! Вы настоящий супермен!

— Что вы! Какой там супермен! — отмахнулся я. — Людей пугают масштабы Эльбруса, а вообще-то на его вершину может запросто взобраться любой мальчишка. Все дело в подходящей обуви.

— Не скромничайте! — погрозил мне пальцем мужчина и прищурил один глаз. — Вы необыкновенно выносливый человек. Меня восхищает ваша способность мгновенно привыкать к экстремальным условиям. Ведь вы даже не прошли адаптацию перед восхождением. Кстати, я не представился: Казимир Лобский. Правда, друзья чаще зовут меня Кротом. Я не стану возражать, если и вы будете называть меня так же.

Откровенно говоря, я не напрашивался к нему в друзья и не горел желанием называть его Кротом. А он, тем временем, продолжал мурлыкать:

— М-да, замечательная пара. От всей души рад за ваши успехи...

— Извините, — не выдержала Ирэн и настойчиво потянула меня к выходу. — Мы должны идти, нас ждут...

— Еще минуточку! — заторопился Лобский. — Только один вопрос! Вы, надеюсь, слышали про «ГОС»?

— Про что? — не понял я.

— Ага, значит, не слышали. Это очень странно. Вы, с вашими способностями, должны стоять в первых рядах участников «ГОСа», ведь вы потенциальный фаворит... А «ГОС» — это аббревиатура, которая означает «Гейм Оф Сарвайвл», то есть «Игра на выживание». Грандиозное телевизионное шоу. О нем сейчас пишут все газеты...

Тут очень кстати рядом с нами появился Белиловский. Он сверкнул бронзовой лысиной, уколол мою щеку своей жесткой бородкой и принялся меня отчитывать:

— Кирилл! Ну, в чем дело? Народ ждет! Народ, можно сказать, уже стонет!

Лобский, отступив на шаг, принялся вполголоса извиняться перед всеми сразу. Самое время было забыть об этом человеке и гордо прошествовать в банкетный зал, но все же я, чувствуя на себе пристальный и выжидающий взгляд, не выдержал и оглянулся.

— Еще увидимся! — тотчас крикнул Лобский, скидывая руку.

Мы неплохо пошумели в баре, и я забыл бы об этой мимолетной встрече, если бы не поведение Ирэн. Она смеялась, охотно поднимала бокал после всякого тоста, и все же я не мог не заметить, каких усилий ей стоило самообладание. Время от времени я ловил ее короткие взгляды, и мне казалось, что ее глаза наполнены беспросветной тоской и болью.

В самый разгар банкета я, нарочно оказавшись рядом с Белиловским, как бы между прочим, спросил его, что он может мне рассказать о своем друге по кличке «Крот».

— Какой же он мне друг? Я его совсем не знаю. Он крутился около судей во время восхождения и расспрашивал про участников.

— И давно он здесь?

— Кажется, вчера приехал... Как только вы стартовали, так он здесь и появился. Знаешь, на что я обратил внимание? По-моему, он очень богатый человек, во всяком случае, «мерседес» у него роскошный. А что с Ирэн? Сегодня она неважно выглядит.

Я ответил, что она все еще не оправилась после восхождения, вернулся на свое место и тут заметил, что моя подруга куда-то пропала.

Я нашел ее в нашем номере. Ирэн сидела в кресле и смотрела телевизор. При моем появлении она не шелохнулась и даже не повернула головы. Я хотел спросить ее про Лобского, но тут же подумал, что не стоит этого делать. Если она захочет, то расскажет сама. А нет — я спрашивать не буду.

Ирэн не захотела ничего рассказывать. Мы сидели в напряженном молчании. Я — уставившись на Ирэн, а она — на телевизионный экран. Упрямое молчание в подобном случае — плохой признак. Если человек молчит, то можно предположить, что он не хочет лгать, но сказать правду тоже не может, ибо эта правда имеет неприглядный вид...

Глава 2

Мы возвращались с Кавказа как с похорон.

— Странно, — сказала Ирэн, когда мы подошли к стоянке такси, — нам сейчас придется расстаться и разъехаться по своим квартирам. А я уже привыкла, что у нас общий дом.

В этой мимолетной фразе мне увиделась угроза своей свободе.

— Это был отпуск, — ответил я, ласково потрепав ее по щеке. — Маленькая сказка, которая, увы, всегда заканчивается. У каждого из нас свой дом и своя жизнь.

Наутро мы встретились в агентстве, и у меня появилась надежда, что теперь все встанет на свои места. Ирэн выглядела бодрой, полной сил и уверенности в себе. Я с облегчением вздохнул — кажется, она сумела избавиться от тягостных мыслей и переживаний, — и после моего комплимента мы разошлись по своим кабинетам.

За неделю в нашем почтовом ящике скопилась целая кипа корреспонденции, и я принялся ее разбирать. Вскоре мне в душу закралось предчувствие, что грядет моя очередь впасть в тоску и депрессию. В стопке писем не оказалось ни одного заказа, зато всевозможных счетов и квитанций было немыслимое множество. Я придвинул к себе калькулятор, но тотчас отшвырнул его. Даже беглого взгляда на цифры было достаточно, чтобы понять: в ближайшее время я должен выложить кругленькую сумму в качестве налогов, коммунальных и прочих услуг. Но самая большая бяка ждала меня в письме от хозяина полуподвального помещения, в котором мы работали.

Оказывается, хозяин продал это помещение некоему толстосуму, а тот немедленно взвинтил арендную плату почти втрое и потребовал выплаты денег немедленно. Меня даже холодный пот прошиб от такой скверной новости. На финансовом счету нашего агентства вымирили последние рубли, и никаких серьезных источников дохода в ближайшей перспективе не предвиделось. Конечно, можно было плюнуть на этот подвал и съехать отсюда. Но куда? Пока я найду другое помещение по приемлемой цене, пока сделаю там ремонт, мы растеряем всех своих клиентов и окончательно вылетим в трубу.

Погрузившись в размышления о денежных проблемах, я вскоре пришел к выводу, что нет иного выхода, чем прибегнуть к уже опробованному способу, когда-то придуманному Ирэн. Прежде нам легко удавалось договориться с прежним хозяином об отсрочке оплаты, предлагая ему небольшую услугу: мы занимались коммерческим шпионажем в его пользу, выуживая секреты у его конкурентов. Почему бы не предложить такую же сделку новому хозяину?

Я еще раз пробежал глазами по письму, переписал номер телефона на листок перекидного календаря и сладко потянулся в кресле. Ну вот, ситуация уже не кажется столь драматической, как несколько минут назад. Мы получим тайм-аут на пару-тройку месяцев. За это время, смею надеяться, я подпишу с клиентами несколько договоров на детективные услуги, мы заработаем деньги и рассчитаемся за аренду.

Я сгреб со стола все счета и письма в выдвижной ящик и запер его на ключ. Ключ закинул в сейф, который, в свою очередь, тоже запер. Потом прошелся по кабинету, думая, куда бы засунуть ключ от сейфа. Меня распирало от желания с кем-то подраться. Но тут в кабинет вошла Ирэн, и я брякнул:

— У нашего офиса новый хозяин. Он в три раза увеличил стоимость аренды....

— В три раза? — равнодушно переспросила Ирэн, словно речь шла о подорожании лангустов в ресторанах Таиланда.

— А денег у нас нет, — добавил я.

— Где же их взять?

— Позвони новому хозяину, — произнес я, абсолютно уверенный в том, что Ирэн откажется, — и скажи, что, если он отсрочит выплату на три месяца, мы безвозмездно соберем для него сведения любого характера.

— Любого? Так и сказать — любого?.. Хорошо, — кивнула Ирэн. — По какому номеру звонить?

Вспомнив, что переписал номер на лист календаря, я в сердцах выдрал его и протянул Ирэн, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Еще будут поручения?.. — уточнила Ирэн и, кинув на меня взгляд, добавила: — Кирилл, какой-то ты сегодня рассеянный.

— Все! Больше ничего!
— Я могу идти?
— Да! Ты свободна!
— Я это знаю, — ответила Ирэн, повернулась и грациозной походкой вышла из кабинета.

Глава 3

На следующее утро я подрулил к агентству в четверть десятого. Не успел взяться за ручку входной двери, как она распахнулась перед моим носом. На пороге стояла Ирэн.

— Кирилл, новый хозяин отказал мне. Он дает нам две недели, и ни дня больше.

— А почему только две недели?

Ирэн молча пожала плечами.

— Ну и ладно, — пробормотал я и пошел по коридору. — Почта была?

— Ничего нет. Но не переживай, что-нибудь придумаем. У меня есть одна идея... Точнее, она не столько моя...

— Ну, выкладывай.

— Ты помнишь Лобского? Крота Лобского?

Вот те раз! Опять Лобский! Но это уже неинтересно! Это уже повтор.

— Он подкинул нам замечательную идею.

— Что-то не припомню.

— «Гейм Оф Сарвайвл» — «Игра на выживание».

— И как я, по-твоему, должен распорядиться этой бесценной идеей?

— Зря иронизируешь. Я всерьез решила испытать свои силы и заработать деньги.

— Хорошо! — Я откинулся на спинку стула и сложил на груди руки. — Давай коротко и по существу.

Она положила передо мной газету и указала на строчку в рекламном объявлении. Я прочитал вслух:

— «Телекомпания «Экстремал» приглашает мужчин и женщин старше семнадцати на кастинг для участия в грандиозном телевизионном шоу «Игра на выживание». Вас ждут невероятные испытания и приключения, которые потребуют от вас завидной выносливости, смелости и авантюризма. Внимание: призовой фонд — 300 000 долларов! Не упустите свой шанс!»

— Триста тысяч, — заострила мое внимание Ирэн и постучала ноготком по газете.

— Это шарлатаны, — предположил я. — Выброси эту чушь из головы, я возьму ссуду в банке.

Ирэн подбоченилась, выставила одну ножку вперед и решительно проговорила:

— Отвези меня!

— Куда?

— На кастинг.

— Не сходи с ума, Ирина! — не на шутку рассердился я. — Какое шоу? А кто работать будет?

— Управишься пока один. Все равно заказов нет. А я тем временем решу все наши финансовые проблемы.

Дело принимало нешуточный оборот. Ирина зашла слишком далеко. Это уже было похоже на ультиматум.

— Хочешь, отправимся на морскую прогулку? — примирительно произнес я. — Будем пить, горланить песни и кидать чайкам хлеб...

— У меня нет времени на морскую прогулку — кастинг может закончиться, — возразила Ирэн.

Я начинал злиться по-настоящему, но в какой-то момент вдруг понял, что, чем сильнее буду настаивать на своем, тем сильнее она будет сопротивляться. И этому поединку не будет конца.

— Что ж, поехали, — сказал я и смахнул со стола ключи от машины.

— Я только сумку захвачу! — обрадовалась Ирэн и выпорхнула из моего кабинета...

У «Сатурна» припарковаться не удалось — половина проезжей части и весь тротуар был заставлен машинами. Я подъехал к кинотеатру с тыла и, прижимаясь к бордюру, процедил сквозь зубы:

— Желаю удачи.

Ирэн взглянула на меня и улыбнулась:

— А разве ты меня не проводишь?

И зачем я только хмурил лоб и демонстративно смотрел на часы? Все равно ведь заглушил машину и поплелся за своей подругой, мысленно осыпая себя всякими несуразными ругательствами.

Глава 4

Едва мы вошли в фойе кинотеатра, как сразу же оказались в гуще событий. Шумная толпа полукольцом окружила импровизированную сцену. По ней, путаясь в проводах, ходил худощавый мужчина. Он был в белом свитере, с черной боцманской бородкой, что делало его похожим на капитана дальнего плавания. Только в руке вместо курительной трубки он держал микрофон. Мощные прожекторы заливали сцену знойными лучами, и мужчине в свитере было нестерпимо жарко. По его покрасневшему лицу стру-

ился пот, он безостановочно вытирался, но от маленького скомканного платка толку было немного.

— Зрители, дорогие, не толпитесь, не надо лезть мне на голову, — говорил он усталым и чуть хрипловатым голосом. — Участники, займите свои места на сцене...

Толпа качнулась, подалась назад, и сквозь поредевший строй я увидел операторов с камерами, которые на полусогнутых ходили вдоль сцены, отыскивая подходящий ракурс. На сцену поднимались люди, без суеты и спешки рассаживались на табуретки, среди них был и совсем молодой парень, и зрелый грузный мужчина, и средних лет женщина. Я был уверен, что Ирэн растеряется в этом многолюдье и будет из-за чужих спин и голов следить за развитием событий, но она решительно двинулась вперед, беспардонно расталкивая всех. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

— Вы куда, девушка? — остановил ее молодой человек в бейсболке и в синей майке с размашистой надписью на груди: «ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ». — Да что ж вы прете как танк?

— Я пришла на кастинг! — ответила Ирэн.

— Какой кастинг, девушка?! — перекрикивая шум, воскликнул парень в бейсболке. — Кастинг закончился вчера. Я сожалею, но вы опоздали. Участники уже отобраны. Сейчас будет жеребьевка и выбор спасателей. Все! Шаг назад, пожалуйста!

На Ирэн жалко было смотреть. Кажется, она готова была заплакать.

— Как вчера?! Не может быть! Разве сегодня тридцатое? Что же делать? Я так готовилась...

— Ничего не знаю, девушка, милая! Пожалуйста, отойдите назад, не срывайте съемки!

Я стоял рядом с Ирэн и старался не смотреть на нее, чтобы она не заметила моей откровенно довольной физиономии. Бедолага совсем растерялась и не знала, что теперь делать. Распорядитель теснил ее к толпе, и зрители потихоньку засасывали ее. А я был несказанно рад и торжествующе смотрел на счастливых, которым выпало стать участниками шоу. Ирэн среди них нет и не будет! Она перепутала даты и опоздала на кастинг. Судьба сама разрешила наш спор.

— Ты представляешь? — произнесла она, повернувшись ко мне. — Кастинг, оказывается закончился вчера... Нет, я этого не выдержу! Я так надеялась...

Тут по зрительской массе прошла волна оживления, и раздались жидкие аплодисменты. Ведущий, поглаживая свою боцманскую бородку, двинулся по сцене.

— Друзья, прошу тишины!.. Перед вами семь героев, которым повезло стать участниками нашей телевизионной «Игры на выживание»! Все кра-

сивые, храбрые, готовые к риску и опасностям. Теперь каждому из них предстоит выбрать себе личного спасателя, которому он полностью доверит свою жизнь и вместе с которым будет пробираться сквозь тернии к победе. Напоминаю правила. Сейчас я представлю всех спасателей, которые заявили о своем желании принять участие в Игре... Вызывать на сцену буду в алфавитном порядке!

— Глеб Акулов! Бывший сотрудник Министерства по чрезвычайным ситуациям, а в настоящий момент профессиональный телохранитель, боксер и борец. Поаплодируем нашему герою!

На сцену запрыгнул молодежавый, спортивного телосложения мужчина, с наголо бритой головой и тяжелой челюстью. Он вскинул руку, приветствуя зрителей, и встал рядом с ведущим. Тот поднес список к глазам и огласил вторую фамилию:

— Кирилл Вацура! Мастер спорта по альпинизму и стрельбе, победитель международных соревнований по скоростному восхождению на Эльбрус, профессиональный путешественник, совершивший одиночный переход через Приамазонскую сельву!

Я не сразу понял, что речь идет обо мне, и даже посмотрел по сторонам, желая увидеть этого ненормального, которому больше нечего было делать, как шастать в одиночку по сельве. Но тут Ирэн толкнула меня в спину и зашипела на ухо:

— Ну, чего ты застрял! Иди!

И тут я с ужасом понял, что ведущий имел в виду именно меня. Бред какой-то! Причем здесь я? Кто внес меня в списки? Я вовсе не изъявлял желания участвовать в этом шоу в каком бы то ни было качестве.

— Вацура Кирилл Андреевич! — повторил ведущий.

Это был какой-то кошмар. Операторы водили камерами из стороны в сторону, словно поливали зрителей огнем. Ведущий застыл с микрофоном у рта. В зале повисла напряженная тишина.

— Да иди же ты! — громко сказала Ирэн.

Что мне оставалось делать? Я кинул на нее многозначительный взгляд и пошел к сцене. Зал снова взорвался аплодисментами, а я чувствовал себя голым, выставленным на всеобщее обозрение. Что за глупая шутка? Это сделала Ирэн? Что ж, она напросилась на жесткий разговор со мной. Сейчас я объясню ведущему, что меня внесли в список ошибочно, и выйду из зала.

Я поднялся на сцену. Ведущий взял меня под руку и вывел на середину сцены, где уже стоял первый спасатель. От нестерпимо яркого света у меня слезились глаза. Никогда не думал, что работать на телевидении — это такая пытка.

Вокруг меня что-то происходило, на сцену поднимались все новые и новые люди, молодые и не очень, мускулистые и жилистые, лысые и патлатые, ведущий что-то говорил, и его многократно усиленный голос вылетал из динамиков подобно тяжелым чугунным ядрам. Это сумасшествие длилось нестерпимо долго, и я уже начал терять терпение, как ведущий вдруг объявил:

— А теперь начинается самый ответственный момент! Начинается формирование команд. Внимание! Право выбрать себе спасателя предоставляется участнику под номером один!

И тут рядом со мной встал страшно знакомый коренастый мужчина с крупной головой. Черты лица грубые, словно вытесанные из полена тупым топором. Мужчина протягивал мне руку, и я машинально ее пожал, медленно осознавая, кого перед собой вижу.

— Bravo! — воскликнул ведущий, перекрикивая аплодисменты и вой толпы. — Замечательный выбор! На вашем месте я, пожалуй, поступил бы так же...

— Крот!! — наконец выпалил я, узнав Лобского. — Грандиозно! Я в восторге!

— Вы правильно сделали, что послушались моего совета, — сказал он.

— Итак, первая команда создана! — гнул свое ведущий. — Отныне вам предстоит бороться за победу вместе...

Я чувствовал, как пот струится по моей спине и щекочет между лопатками. Какая гнусность! Ирэн распоряжается мною, как своей собственностью! Выходит, она знала, что Крот будет принимать участие в Игре, и втихаря внесла меня в списки. Теперь я должен буду оберегать жизнь этого чурбана и тащить его на себе к финишу, словно бурлак баржу? Ну, уж нет! Такие фокусы со мной не проходят!

Я повернулся к Лобскому, сжимая кулаки.

— Успокойтесь, Кирилл, — прошептал он краем рта. — Не делайте глупостей. Поговорим с вами позже...

Нет, говорить нам не о чем. Говорить я буду только с Ирэн.

Я спрыгнул со сцены, перешагнув провода софитов и спустился в зал. Меня снова окружила издающая водопадные звуки толпа, а я крутил головой, стараясь отыскать Ирэн... Ах, вот она! Проталкивается ко мне.

— Кирилл, я тебе сейчас все объясню! Я хотела быть с тобой в одной команде и выиграть деньги! — крепко вцепившись в мою куртку, сказала она.

— Но теперь я буду помогать Лобскому выиграть деньги! Кто он? Что вас связывает?

— Давай поговорим об этом в другом месте! — взмолилась Ирэн.

— Почему же в другом? Мне и здесь очень нравится! Он твой любовник? Ты затащила меня сюда ради него?

— Нет, нет! Ради нас, Кирилл! Мне наплевать на него! — со слезами на глазах ответила она.

— Что ж, хорошо! — криво усмехнулся я, кинулся к сцене, запрыгнул на нее, стремительно подошел к ведущему и вырвал из его руки микрофон.

— У меня самоотвод! Меня не устраивает мой подопечный. Я отказываюсь играть с ним в одной команде!

Ведущий, профессиональным чутьем угадав удачный поворот, склонился над микрофоном, который я продолжал крепко сжимать в руке, и произнес:

— Правила Игры допускают это!

Я поймал взгляд Лобского. Он явно не ожидал такого удара. На его широком лице — растерянность и озабоченность. Он подошел ко мне и, едва разжимая зубы, пробормотал:

— Вы глупец, Кирилл. У нас с вами все шансы взять призовой фонд!

Я молча отвернулся от него, не желая продолжать разговор.

Лобский же решил сделать последнюю отчаянную попытку и прошептал:

— Кирилл, я дам вам семьдесят процентов от нашего выигрыша.

Я никак не отреагировал на его слова.

— Восемьдесят... Девяносто, черт вас подери!

Мне не деньги нужны. Это дело принципа. Я хочу наказать Ирэн. Того, что она задумала вместе с Кротом, не будет.

— Или выбирайте спасателя, или покиньте зал! — ультимативным тоном произнес тем временем ведущий.

Лобский, стиснув губы, прошелся по сцене и остановился напротив бывшего пожарного. Лысый мужик приосанился, пытаясь выглядеть молодцевато, и с мольбой смотрел прямо в глаза Лобского. Но тот колебался, с недоверием оглядывая бывшего пожарного: пожилой, грузный, наверняка страдающий одышкой. Интересно, кто кого будет спасать, случись что-нибудь из ряда вон выходящее?..

И тут произошло нечто ужасное: на сцену с изяществом балерины взлетела Ирэн. В какое-то мгновение мне казалось, что она кинется ко мне и попытается увести со сцены. Но моя дорогая сотрудница промчалась мимо и подошла к Лобскому. Он всплеснул руками, а потом хлопнул себя по лбу, словно хотел сказать: как же я мог забыть о тебе? Затем взял ее за руку и поднял ее вверх.

— Участник под номером один выбирает в качестве спасателя прекрасную незнакомку! — громко известил ведущий. — Но молодая леди, если мне не изменяет память, не подавала заявки. Вы ведь не аттестованы у нас?

— Господа! — прервал его Лобский. — Позвольте вам представить эту замечательную женщину. Всего несколько дней назад Ирина стала побе-

дительницей международных соревнований по скоростному подъему на высочайшую вершину Европы — Эльбрус. По образованию она — врач-терапевт, несколько лет работала на «Скорой помощи». (Это для меня новость! Никогда не знал!) О лучшем спасателе, который будет сопровождать меня к победе, я и не мечтаю! А с аттестацией, думаю, проблем не будет... Так ведь, уважаемый ведущий?

Ведущий неуверенно кивнул и вежливо отобрал микрофон у Крота...

Предпоследний участник без колебаний выбрал меня. Это был сухощавый джентльмен с мужественным, даже жестоким лицом, пышными усами и узким, опущенным книзу подбородком. Я мысленно окрестил его «Англичанином».

— Морфичев, — представился мне мой новый подопечный, крепко пожимая руку. — Вы правильно сделали, что отказались от этого типа. А мы с вами точно сорвем куш. Можете не сомневаться.

Но я больше ни в чем не сомневался. Мне плевать на Англичанина и на куш. Уже совершенно ясно, что Ирэн и Лобский обо всем заранее договорились. Идея привлечь меня к «Игре на выживание» наверняка родилась у Лобского на Эльбрусе. Он видел, как я штурмовал гору, и его это впечатлило. Он попросил Ирэн «обработать» меня, чтобы я согласился составить ему компанию. Она несколько дней напряженно думала, как бы ненавязчиво затолкать меня в это шоу, и не просто привела меня на съемки, а даже заставила подняться на сцену... Но на что она надеялась? Что я, словно теленок на веревочке, послушно пойду за Лобским? И он, используя меня в качестве выносливого вьючного животного, добьется победы?

Прозвучал гонг. Ведущий объявил, что команды созданы.

— Всем спасибо, всем спасибо! — повторил он традиционную фразу.

Погасли софиты, и зрители устремились к выходу. Ведущий напомнил, чтобы все участники Игры прибыли завтра утром на инструктаж. Я уже не пытался встретиться взглядом с Ирэн. Эта женщина перестала для меня существовать.

На выходе меня догнал Англичанин.

— Мне бы хотелось с вами немного поговорить. Вы не очень торопитесь?

Хочет говорить — пусть говорит. Мне все равно. Мне некуда спешить.

На стоянке у «Сатурна» его ждал потрепанный армейский УАЗ. Едва мы сели в него, как пошел проливной дождь. Крупные капли забарабанили по брезентовому кузову.

— Меня зовут Стас, — представился он, цепким взглядом рассматривая меня. — Я — профессиональный геолог, начальник геолого-разведочной партии. Я читал ваше резюме и сразу решил, что выберу вас. Но на жеребьевке Лобскому повезло, и он получил право выбирать первым... За успех

нашего дела!.. Мы заткнем всех за пояс. В ваших глазах я вижу некоторую долю недоверия. Это пройдет, как только мы с вами начнем работу. Вам известны правила Игры? Нет? В двух словах: каждую команду выбросят с парашютами ночью в какой-то малолюдный район. Какая команда первой придет к финишу, та и снимет весь призовой фонд. Я уверен, что у нас с вами нет достойных соперников. У вас хорошая экипировка? Могу предложить армейские ботинки для спецназа на суперподошве. Какой у вас размер? Сорок второй? Я подберу. И еще: по правилам Игры нельзя проносить в самолет запрещенные предметы. И все же я попытаюсь пронести пистолет. Я разберу его и спрячу детали в воротнике куртки и обшлагах рукавов. Наверное, вы понимаете, для какой цели он может нам понадобиться... Карта местности, которую нам выдадут, будет весьма условная, без географических координат и обозначения сторон света. В этом-то и вся изюминка Игры. Но я уже кое-что разузнал через своих ребят. Они работают на военном аэродроме, с которого мы стартуем. Для нас зафрахтован военнотранспортный «Ан-12». Самолет заправили под завязку, а это значит, что его собираются использовать на максимальную дальность, то есть в радиусе трех тысяч километров...

Направление к финишу можно просчитать элементарно. Для этого я во время полета положу на пол самолета стальной шарик, который обязательно отреагирует даже на малейшее изменение курса. Мы будем лететь по большой окружности... Думаю, что мы с вами не станем дожидаться рассвета, а начнем марш сразу же после приземления... Надеюсь, у вас большой опыт прыжков с парашютом?..

Он очень увлекся предстоящей Игрой, очень верил в меня, и я не знал, как бы мягче объяснить ему, что не собираюсь никуда лететь, что на мне висит частная фирма, что на шоу попал случайно, по злой шутке.

Морфичев уже предвкушал победу и не догадывался, что ему предстоит глубоко разочароваться во мне, а затем спешно подбирать себе другого напарника. И чем больше он вживался со мной в Игру, тем труднее было решиться сказать ему правду...

Глава 5

Уже подходя к двери своей квартиры, я услышал, как в прихожей надрывается телефон. Кто это такой настойчивый? Наверняка Ирэн. Сейчас сниму трубку и услышу, как она всхлипывает. «Кирилл, ты неправильно меня понял... Я тебе сейчас все объясню...» Мне казалось, что телефонный аппарат подпрыгивает на полке. Я смотрел на него с кривой ухмылкой, заранее не веря ни единому слову, которое прозвучит в трубке. Придется ответить, иначе трубка попросту сгорит от перегрева.

— Алло, слушаю!

Короткая пауза. И вместо голоса Ирэн — низкий мужской баритон:

— Кирилл? Это Лобский.

Вот это сюрприз! Ирэн решила, что лучше будет, если со мной поговорит Крот?

— Я мчался за вами по пятам, — продолжал Лобский, — но вы так ловко проходили повороты, что мне не удалось вас догнать. Я звоню из машины, стою рядом с вашим подъездом... Не могли бы вы спуститься? Уверю вас, нам есть о чем поговорить.

К разговору с Лобским я не был готов. И вообще, не представлял, что он хочет мне сказать.

Не выпуская трубку из руки, я подошел к окну и увидел массивный, цвета мокрого асфальта, корпус «мерседеса». Рядом с машиной с мобильником в руке стоял Лобский в длинном черном пальто и кепке.

— Я уже разулся, — ответил я. — Если вам очень надо, можете подняться ко мне.

Лобский издал какой-то звук, который, по-видимому, означал недовольство моим предложением, но все же согласился. Появившись перед дверью моей квартиры, он долго и излишне старательно вытирал ноги перед тем, как шагнуть в прихожую

— Весьма уютное гнездышко, — оценил он, глядя на зеркальный потолок и стены, обвешанные полотнами именитых художников-пейзажистов.

Я не предложил ему ни раздеться, ни пройти в комнату, и Лобский, изображая неловкость, продолжал топтаться у входной двери.

— В общем... гм... — произнес он, поняв, что я буду упорно молчать и не начну разговор первым. — Вы, конечно, имели право так поступить, но я хочу вам сказать, что не стоило принимать такое серьезное решение сгоряча. Вы сделали себе только хуже. К сожалению, команды уже утверждены, и мы не в силах ничего изменить...

— Я ничего не собираюсь менять, — сказал я.

— Да, конечно, — кивнул он, — и все же я не совсем понимаю причину вашей антипатии ко мне...

— Скажите, — перебил я Лобского, — вы давно знаете Ирэн?

— Конечно! Много лет! Не меньше десяти, это точно! А разве она вам не рассказывала? — спросил он, вскинув вверх брови. По его лицу было видно, что мой ответ ему не нужен, он и без того все прекрасно знает, но, видимо, хочет получить удовольствие. — Странно. Наверное, Ирэн не слишком доверяет вам, коль утаила такой значимый эпизод своей жизни...

Еще мгновение — и я врежу ему в челюсть. Лобский догадался об этом.

— О, нет, нет! — покрутил он головой. — Я не люблю выдавать чужие тайны. Это ее право — раскрывать перед вами теневую сторону своей

жизни. Я пришел вовсе не для этого. Мне нужен совет. Вы, наверное, догадались, что я тщеславен и полон решимости победить в Игре...

— Вы нуждаетесь в деньгах? — перебил я его.

— Нет, что вы! — усмехнулся Лобский. — Разве это деньги? Меня привлекает только адреналин! Побывать на острие жизни! На той грани, откуда начинается безумство храбрых... Разве вы сами не любите приключения и риск?

— Что вы от меня хотите?

— Ирэн очень привязана ко мне, и я не мог не оценить той отчаянной жертвенности, которую она продемонстрировала перед телекамерами. И все же я беспокоюсь: готова ли она к тем испытаниям, какие ожидают нас в Игре? Вы хорошо знаете ее слабые и сильные стороны...

— Разве теперь это что-нибудь изменит? Команды уже утверждены, отступить некуда. Теперь Ирэн — ваш крест.

— Конечно, конечно. Но вы говорите так зловеще...

— Я думаю, Ирэн очень скоро пожалеет, что увязалась за вами, — сказал я откровенно и не без удовольствия. — И тогда я вам не завидую. Если ей что-нибудь не нравится, она становится совершенно несносной.

— Но у вас еще есть время, чтобы морально подготовить ее к испытаниям, дать ей какие-нибудь важные советы, обучить полезным приемам. Словом, настроить ее на борьбу до победного конца.

— Это не мои, а ваши проблемы.

— У меня складывается впечатление, что вам безразлично, выиграет наша пара или нет. Разве вы не хотите, чтобы Ирэн получила половину призового фонда? Это, между прочим, сто пятьдесят тысяч долларов!

— Работа в моем частном агентстве может принести значительно больше денег. И именно по этой причине я не буду принимать участие в Игре.

Эта новость его слегка обескуражила.

— Как? Не будете принимать участие?

— Совершенно верно. У меня куча заявок от клиентов. Деньги сыплются на меня водопадом. Я не располагаю ни одной свободной минутой.

— Ах, вот оно в чем дело, — протяжно произнес Лобский, опуская глаза. — Тогда мне все ясно. Мне абсолютно все ясно. Вопросов больше не имею...

Я захлопнул за ним дверь, пошел на кухню и, дабы быстрее успокоиться, стал намазывать ломоть хлеба маслом. Этот урод заикнулся о каких-то теневых сторонах жизни Ирэн! На что он намекал? Ирэн, конечно, не святая, но ничего порочного или преступного она не могла совершить, в этом я уверен! А Лобский... Он ни за что не выиграет. Этот тип привык к комфорту, дорогим машинам и роскошным офисам. Я могу представить его

разве что за полированным письменным столом, но никак не в камуфляжном костюме и с тяжелым рюкзаком за плечами. Лобский непременно проиграет. И Морфичев проиграет. Потому что рядом с ним не будет меня. Это будет шоу неприспособленных для борьбы людей. Жалкое зрелище!

Глава 6

Утро — это модель предстоящего дня. Я давно заметил: какой ритм жизни задашь с утра, так весь день и проживешь.

По пути в агентство я думал о том, как объясню Стасу Морфичеву свой отказ участвовать в игре. Мне предстоял не самый приятный разговор с человеком, который возлагал на меня большие надежды, и приближение того момента, когда я должен буду набрать его номер, несколько портило мне настроение. Я очень огорчу человека, это бесспорно. Но у меня сложились форс-мажорные обстоятельства! Откуда я мог знать, что моя единственная сотрудница проявит гонор и тоже ввяжется в Игру?

Подъехав к агентству, я увидел, что у входа в подвал царит какое-то оживление. Несколько мужчин неторопливо и методично выносили и ставили на мокрый асфальт столы, стулья, стянутые липкой лентой стопки бумаг и скоросшивателей. Дурное предчувствие закралось мне в душу, когда двое рослых парней выволокли из подвала мой сейф.

— Эй, кто здесь старший? — выскочив из машины, спросил я у первого попавшегося грузчика, который нес две тяжелые пачки со старыми договорами.

Грузчик кинул свою ношу мне под ноги, отряхнул пыльные руки и громко чихнул. Я побежал по ступеням вниз. Входная дверь была распахнута настежь. Ее подпирало мое кожаное кресло. Рыжеволосый юноша, вооружившись отверткой, бесцеремонно свинчивал табличку «Детективное агентство».

— Кто разрешил? — крикнул я, врываясь внутрь и едва не сбивая с ног грузчика с вешалкой на плече. — Остановитесь! Я — директор агентства! Кто дал вам право выносить вещи?

— Мы выполняем распоряжение, — отозвался кто-то из моего кабинета, который теперь напоминал место диверсионного акта.

— Чье распоряжение?

— Хозяина этого подвала...

Я ничего не понимал. Ирэн говорила, что он дал нам на размышление две недели. Прошел только один день!

— Но я имею право... — с недоумением произнес я.

— Ничего не знаем, командир... Нам приказали...

— Дайте телефон хозяина!

Мне продиктовали номер. Я набрал его и встал у окна, чтобы сигнал был более устойчивым. Вскоре мне ответили.

— Слушаю...

— Кирилл Вацура, директор детективного агентства, — представился я, стараясь не выдавать своего волнения.

— Ах, да, да! Рад вас слышать, — отозвался мой абонент. — Надеюсь, все в порядке? Ничто из ваших вещей не пропало?

Мне вдруг показалось, что этот голос мне хорошо знаком.

— Почему грузчики ворвались в агентство и выносят оттуда мебель? Ведь вы дали нам две недели!

— Какие две недели, голубчик? На каком основании? Если бы у вас были финансовые затруднения, то я, может быть, и подождал бы. Но вчера вы красноречиво убедили меня в том, что зарабатываете очень прилично. Срок аренды истек, я купил этот подвал в собственность и уже сдал его новому арендатору под обувной магазин. Ждать я не могу — ведь вам хорошо известно, что я принимаю участие в телевизионном шоу...

«Это Лобский! — со странным смятением в душе подумал я. — Он стал новым хозяином подвала! Бред какой-то! Куда ни плюнь — всюду Лобский!»

Я вышел из запыленного подвала на лестницу. Все, это конец, агентства больше не существует. Еще вчера оно было, и я лелеял надежду на его процветание в недалеком будущем. Но все в одночасье перевернулось! Я лишился всего — любимой фирмы и любимой женщины... Но почему Ирэн не сказала мне, что новый хозяин подвала — ее старый знакомый? И если Лобский питает столь нежные чувства к Ирэн, неужели ему трудно было ради нее повременить с оплатой аренды? Тут я горько усмехнулся и в сердцах стукнул кулаком по рулю. Вот-вот, ради Ирэн! Ради нее он и вышвырнул меня на улицу! Теперь для Ирэн я уже не начальник. Я для нее никто! И она не вернется ко мне, она останется с Лобским. Это надежный и целеустремленный мужчина, который знает ей цену и добивается ее руки. Не в пример мне.

Но нет, Лобский, ничего у тебя не выйдет! Не на того напал! Подавись своим подвалом! Придет время, у меня будет другой офис. Это все мелочи жизни. А вот Ирэн тебе не получить никогда! И никогда тебе не победить в Игре, потому что ты изнеженная ковровая вошь, а не боец, и потому что я бросаю тебе вызов!

Я немедленно позвонил Морфичеву.

— Где же ты пропадаешь! Непорядок! Надо быть дисциплинированным! — по-армейски отчитал он меня. — Я уже в «Сатурне». Сейчас начнется последний инструктаж и выдача снаряжения. Кстати, ботинки я тебе подобрал.

Я пообещал, что буду через несколько минут, и помчался к кинотеатру. Фойе на этот раз было немногочисленным, меня пропустили по списку, когда я назвал свою фамилию. У стеклянной стены толпились уже знакомые мне игроки и спасатели. Я поискал глазами Ирэн. Она стояла под пальмой, растущей из ящика, и была в тех же джинсах и свитере, в каких и вчера. Сколько я ее знаю, она никогда не надевала одно и то же два дня подряд. Выходит, не ночевала дома? Я едва подавил в себе желание круто развернуться и выйти на улицу.

— Друзья, — тем временем говорил в микрофон ведущий с оттенком усталого пессимизма. — Мы работаем на зрителей. А зритель нынче пошел избалованный, фонограмму слушать не хочет, на постановочные кадры не смотрит и сыгранной актерами драме не верит. И потому предупреждаю вас еще раз: у нас все будет по-настоящему. И страх, и боль, и усталость, и отчаяние. С вами может случиться все, что угодно! Готовьтесь к настоящим потрясениям! Но зато и триста тысяч долларов — тоже настоящие! Треть миллиона долларов получит самая сильная, выносливая и храбрая пара! У кого есть вопросы?

— В каком районе нас выбросят? — спросил кто-то из толпы.

— Этого пока не знаю ни я, ни летчики. Этого не знает никто, кроме продюсера.

— А кто продюсер? — спросил Лобский — я узнал его по голосу. — Пригласите его сюда, мы его быстро разговорим!

— Продюсер будет оставаться инкогнито до самого финала. Он и вручит главный приз победителю, — ответил ведущий.

Меня заметил Морфичев и притянул к себе.

— У меня складывается впечатление, что половина команд уже деморализована, — сказал он мне вполголоса и пожал руку. — Ведущий пугает совершенно непредсказуемыми поворотами в Игре... Вылет сегодня в девять вечера. М-да, ну и соперники нам с тобой попались! Взгляду зацепиться не за что. Я принес тебе ботинки, только надень их перед посадкой в самолет, иначе отберут. Моя разведка доложила, что контроль будет очень жесткий. С собой разрешат взять только один предмет домашнего обихода. Ты сможешь преодолеть за ночь с полной выкладкой тридцать километров?.. Как? Только на лошади?.. Ну, ты шутник... По некоторым сведениям, нас выбросят в районе Прикаспийской низменности. Это степи, болота и солончаки. Эти места мне прекрасно знакомы. Так что твои горные навыки нам не пригодятся... И еще тебе необходимо подготовить специальные медикаменты для ног. Ноги — самое важное. Мы должны сберечь их любой ценой. Поэтому сейчас же купи себе пять пар хлопчатобумажных носков, а также тальк, широкий лейкопластырь. В семь вечера я за тобой заеду...

Он сунул мне в руку пакет с ботинками, строго взглянул на меня и с глубоким смыслом добавил:

— А я пока раздобуду еще пару десятков патронов.

Глава 7

Морфичев оказался прав — обыск перед посадкой в самолет был зверский. Например, меня сначала «просвистели» металлоискателем, а потом попросили снять камуфляжную куртку и тельняшку, причем все это происходило перед телекамерами. Профессиональный таможенник с крупной яйцевидной головой и мелкими невыразительными глазками очень заинтересовался моим нательным крестиком и долго его рассматривал, часто моргая, словно золото слепило его. С той же тщательностью обыскивали и других участников шоу, правда, для женщин сделали исключение: они раздевались за ширмой, и видеокамеры, надо полагать, там не было. Морфичева оттеснили, он отстал и безостановочно размахивал руками, подавая мне какие-то загадочные знаки. Крот, наоборот, исхитрился протиснуться в число первых; его зеленая штормовка из водоотталкивающей ткани то и дело мелькала в «отстойнике».

Впрочем, моим вниманием завладел вовсе не Крот. Случайно так получилось или нет, но мы с Ирэн проходили досмотр одновременно, правда, на разных стойках. Она была совсем рядом, в каких-нибудь трех шагах от меня. Мы оба усердно делали вид, что решительно не замечаем друг друга, и все же несколько раз наши взгляды встретились...

— Что ты все на девчонок пялишься? — заговорщицки прошептал мне Морфичев, настигнув меня в «отстойнике». — Мне стало известно, что сейчас команды разделят на две группы. В самолете нам не дадут пообщаться, и мы увидимся уже на земле... В туалете под зеркалом я буду оставлять тебе записки! — успел шепнуть напоследок Морфичев.

Мы заходили в самолет по рампе, усеянной металлическими пупырышками, пока не оказались в тесном отсеке, отделенном от остальной части самолета перегородкой.

С громким лязгом рампа начала подниматься вверх. Рассевшись на узких скамейках вдоль бортов, мы смотрели на мир и молча прощались с ним. Рядом со мной сидела медсестра, которую последней выбрали в качестве спасателя. Она сказала мне, что зовут ее Рита, но друзья называют Марго, и ей это имя нравится больше.

Оператор, ослепляя фонарем, снимал наши лица крупным планом. Я знал, что Ирэн сейчас смотрит на меня, и старался выглядеть веселым и беззаботным, даже помахал ручкой в объектив. Наверное, она очень волно-

валась в ожидании предстоящего прыжка, как и маленькая медсестра. Едва я подумал об этом, как у меня защемило в груди. Как все нелепо! Как все противоестественно! Мы, такие близкие друг другу люди, пережившие столько драм и испытаний; сейчас сидели в сумрачной утробе самолета и старательно делали вид, что не знаем друг друга. Я уже готов был встать и пересечь к Ирэн, но мгновением раньше место рядом с ней занял боксер Акулов. Он вальяжно раскинулся на скамейке, закинул ногу на ногу, завел руку за спину Ирэн и принялся активно знакомиться с ней. Ирэн сделала вид, что обрадовалась появлению рядом с собой этого громалы, и вполоборота повернулась к нему. Я решил вообще на нее не смотреть и, вспомнив про Морфичева, поднялся, прошел в туалет, внимательно осмотрел маленькое облупившееся зеркало и нашел между ним и рамой клочок бумажки.

«ПИСТОЛЕТ ПРОНЕС УСПЕШНО» — было нацарапано на бумажке неровными печатными буквами.

Глава 8

Насчет Прикаспийской низменности Морфичев явно ошибся. Прошло не меньше двух часов полета, а обслуживающий персонал только начал заносить в наш отсек парашютные ранцы. Серебристые баулы с потертыми лямками выкладывали в проходе между сиденьями. Судя по виду, парашюты были не первой молодости, взятые, скорее всего, в какой-нибудь расформированной десантной части. Прыжок с самолета был единственным этапом Игры, на котором от меня ничего не зависело, и мне надлежало покориться судьбе, уповая лишь на добросовестность человека, который укладывал мой парашют.

Что происходило в соседнем отсеке, куда загнали наших напарников, я не видел. Оба отсека были разделены узким тамбуром. Ирэн уснула, положив голову на маленький откидной столик. Акулов, почесывая свой расплющенный нос, листал мятый журнал.

Моя соседка заметно приободрилась и стала проявлять ко мне интерес.

— Ты с кем в паре? С Морфичевым? Нет, не помню такого. Я тут вообще никого по фамилии не помню. Меня выбрал какой-то хохол, водитель троллейбуса, — говорила она, энергично жуя жвачку и в такт этому качая головой. — Мы с ним даже толком поговорить не успели. Мне кажется, он ни фига не сообразит, куда надо идти. Прикинь, всю жизнь он ездил по одному и тому же маршруту. Его чуть в сторону отведи — и заблудится.

— А тебе это надо?

— Скучно, — ответила медсестра. — Я только с Андорры вернулась — на сноуборде каталась. Вот там была кайфушка! Склоны что надо! Потом

ребята пригласили в Австралию, на виндсерфинг, но папик денег не дал. Говорит, там акулы кусают всех подряд. Тогда я на это шоу запряглась.

— Как же тебя с работы отпустили?

— Да я не работаю, — ответила девушка и шевельнула пальчиками, мол, не стоит заострять внимание на такой чепухе. — Учусь в университете менеджмента. Про медсестру придумала. Папик позвонил продюсеру, подкинул на его счет денег, и меня без всякой аттестации взяли... Только ты меня не выдавай.

— А мне-то что? Пусть твой напарник теперь страдает.

У меня пропало желание общаться с девушкой, я поднялся и снова вышел в туалет. Там меня ждало очередное послание от Морфичева.

«НИЗОВЬЯ ВОЛГИ ОТПАДАЮТ. ПО МОИМ РАСЧЕТАМ, НАС СБРОСЯТ НА ЮЖНЫЙ УРАЛ».

На обратной стороне бумажки я написал: «СЧИТАЮ ЭТО ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ НЕБЕЗОСНОВАТЕЛЬНЫМ И ЗАСЛУЖИВАЮЩИМ ВСЯЧЕСКОГО ВНИМАНИЯ». Подумал, поставил в конце три восклицательных знака и вернулся на свое место.

— А ты ловкач! — покачала головой Марго и погрозила мне пальчиком. — Выиграть хочешь?

— Хочу или нет — результат уже предрешен, так что расслабься и получай удовольствие от дикой природы. Ты ведь здесь не ради денег, так?

— А ты ради денег?

Я еще не созрел до такой глупости, чтобы рассказать малознакомой пи-галице про Ирэн, из-за которой ввязался в Игру, поэтому ничего не ответил и, закрыв глаза, стал думать о том, где по замыслу хитроумного продюсера нас выкинут. Этот самолет мог развить скорость до пятисот километров в час. Мы находились в воздухе уже больше трех часов... Я представил себе карту Побережья, Поволжья и отдаленных окрестностей страны, но все попытки определить наше местонахождение оказались тщетны, ибо я не располагал направлением полета. А впрочем, зачем я ломаю голову? Не все ли равно, где я окажусь? Мне что Южный Урал, что Центральная Сибирь, что Приамазонская сельва — повсюду моя стихия, в которой я, Кирилл Вацура, подобен рыбе в воде.

Марго толкала кончиком ноги парашютный ранец и лепетала мне про дочернюю компанию в Копенгагене, которую папик отдаст ей, как только она окончит университет. Это пресыщенное дитя стремительно теряло интерес к жизни. Она цеплялась ко мне, пытаясь расковырять мою душу в надежде найти в ней то, что смогло бы ее удивить и заинтересовать. Но я не поддавался, я не хотел кормить собой этого симпатичного вампира.

Тем временем отсек оживал. Предчувствие скорого старта делало людей суетливыми и разговорчивыми. Я давно заметил, что иногда страх

проявляется в неудержимой болтливости. Немолодая женщина в мешковатой штормовке и плотно обтягивающих лосинах (кардиолог из реабилитационного центра) принесла из тамбура бутылку водки и стопку пластиковых стаканчиков.

— Друзья! — сказала она слабым голосом, раздавая всем стаканчики с пойлом. — Мы же не враги! И даже не соперники! Мы все в одной команде! И эта команда называется «телевидение»! Я вас всех люблю! Всех! Вы — хорошие, добрые ребята...

— А с какой стати вы всех записываете к себе в друзья? — громко спросил Акулов.

— Ну... а как же? Как же иначе? Я всех вас люблю...

— Напрасно, — холодно и с некоторой долей брезгливости произнес Акулов, сминая в кулаке стаканчик. — Потому что я считаю вас своим противником. Как, собственно, и всех остальных. Мы в разных командах, а это значит, что мы — враги. Через несколько часов мы будем готовы глотки перегрызть друг другу ради трехсот тысяч баксов! Разве я не прав? Кто скажет честно, что готов уступить деньги другому? Или поделить их на всех поровну?.. Ну? Молчите? А что касается меня, то я намерен снять весь банк, и не уступлю его никому другому! Не надо лгать и лицемерить. Неужели вы не поняли главного? Организаторы Игры все обставили так, что победить может только одна команда или вообще один человек. И к этой победе есть всего два пути: либо из кожи вон лезть, чтобы прийти к финишу первым, либо сделать все возможное, чтобы никто из соперников не выжил. Мы уже ненавидим друг друга, мы уже готовы на все ради денег!

Мне надоело слушать весь этот треп, и я поднялся, чтобы выйти в тамбур и немного прийти в себя, но тут в отсеке появился ведущий с командой помощников.

— Уважаемые спасатели! — объявил он. — Самолет приближается к конечной цели. Сейчас мои помощники помогут вам правильно надеть парашюты и походные рюкзаки, в которых вы найдете все необходимое.

Я взглянул на часы. Три часа ночи! Значит, мы в небе уже шесть часов. Где мы сейчас? Какая местность прячется под покровом ночи?

Помощники стали нахлобучивать парашютные ранцы на плечи спасателей, затем началась выдача походных рюкзаков. Они были пронумерованы, на каждом из них болталась именная бирка. Прежде чем закинуть лямки рюкзака на плечи, я, не сдержав любопытства, раскрыл «молнию» и заглянул внутрь. Аптечка. Примус. Пластиковая бутылка с бензином...

Один из помощников, прижимая к уху радиостанцию, стал всех поторапливать. Ведущий и оператор встали по обе стороны люка, через который нас в самое ближайшее время вышвырнут наружу. Кардиолог, обвешанная

ранцем и рюкзаком, словно колхозница, возвращающаяся с рынка, безостановочно крестилась и что-то шептала. Акулов, подражая бойцу спецназа, прыгал в полном снаряжении, определяя на слух, все ли хорошо закреплено. Ирэн, как тень, была где-то рядом с ним, но я старался не смотреть на нее, вместо этого встал на сиденье коленом и прильнул к иллюминатору. Полный мрак. Ничего не видно, кроме крыла и проблескового маячка... Тут на потолке вспыхнула и часто замигала красная лампочка. Я почувствовал, как самолет начал сбавлять скорость и проседать. Помощники засуетились и стали расставлять спасателей в том порядке, в каком они должны будут прыгать. Первой у люка поставили Ирэн. Щелк — и карабин вытяжного фала пристегнут к тросу.

— Вацура!! Мать вашу!! — донесся до меня крик ведущего.

Оказывается, я должен прыгать вторым, после Ирэн.

Я встал за ее спиной, и меня пристегнули к тросу. Я был так близко от нее, что улавливал запах яблочного шампуня. Самолет плавно качнулся, и я невольно прижался рюкзаком, который висел на моей груди, к парашютному ранцу Ирэн. Она не обернулась, значит, знает, что я стою за ней, чувствует...

Кто-то из экипажа распахнул створку люка, и ураганный ледяной ветер ворвался в отсек. Ирэн невольно отступила от края пропасти. Помощник с рацией, перекрикивая рев ветра, начал отсчет:

— По моей команде прыгаешь! Девять! Восемь! Семь!..

Где-то впереди, в соседнем отсеке, у распахнутого люка так же стоял Крот и тоже готовился к прыжку. На меня вдруг накатило странное чувство, похожее на панику. Сейчас Ирэн сделает шаг вперед, ночной мрак поглотит ее навеки, и я никогда ее больше не увижу, никогда не скажу того, что давно собираюсь ей сказать... Неужели я не в силах что-либо изменить? Неужели мы стали заложниками судьбы, и она неумолимо ведет нас с Ирэн к катастрофе?

Я схватил ее за плечи.

— Ирэн!!

Она повернула голову.

— Ирэн, не прыгай!

— Шесть... Пять... Четыре... — считал помощник.

— Не прыгай, Ирэн! Не делай этого! Нам надо остаться и поговорить. Я был не прав! Ты нужна мне...

— Кирилл! — произнесла Ирэн, как мне показалось, с отчаянием.

— Два... Один... Приготовились! — крикнул помощник.

— Кирилл, — повторила Ирэн и слегка подала корпус вперед. — Я тебя... я тебя... — И тут она с веселым озорством выпалила: — Я тебя на дух не переносу! Я видеть тебя не могу! Понял? — И нырнула в бездну.

Помощник, оттеснив меня от края проема, захлопнул дверь.

— Готовность две минуты! — крикнул он, размахивая перед моим лицом растопыренными пальцами.

У меня было такое чувство, словно с меня сорвало ветром какую-то очень ценную деталь то ли моего снаряжения, то ли тела, и я теперь не смогу полноценно жить, я буду убогим, нищим, инвалидом. Ноги едва держали меня. В голове была пустота. Я не мог сосредоточиться и осмыслить то, что услышал от Ирэн. Я тупел и слабел. Мне было безразлично, через какое время меня выкинут из самолета, и выкинут ли вообще. Помощник, прижав радиостанцию к уху, что-то кричал. Самолет ревел моторами... Я заткнул уши, чтобы не сойти с ума. Где я? Что со мной делают? Зачем это все?

Дверь снова распахнулась. Ледяной мрак ворвался в отсек, подобно щупальцу гигантского осьминога, опутал меня и сдавил мое дыхание.

— Пять... Четыре... Три... — орал у меня над ухом помощник.

Он взмахнул рукой и легко хлопнул меня по спине. Я пружинисто оттолкнулся и прыгнул прямо в черную пасть осьминога, туда, где двумя минутами раньше исчезла Ирэн, и даже не заметил, как раскрылся надо мной парашют. Последние слова Ирэн, крик помощника и свободное падение в бездну спрессовались до размеров мгновения и затерялись в далеком прошлом, где-то среди обрывков моего сознания...

Глава 9

Я был уже в другом мире, где все было иным. Покачиваясь на стропах, я погружался в сырой душный туман, порывы ветра раскачивали меня, как амулет на шнурке, по лицу хлестал дождь. Я смотрел вниз, но землю не видел; казалось, я буду висеть в этой бездонной парной вечно. Парашют, намокая, тяжелел, и я чувствовал, что снижение становится все более стремительным. Оглушительно треснула молния, разрывая своим острым жалом тучи, и ее отсвет на долю секунды выхватил из темноты землю. Как мне показалось, она была совсем близко, в каких-нибудь двух-трех метрах, и я уже отчетливо видел плотные, упругие, как пучки шпината, кроны могучих деревьев. Они стремительно надвигались на меня, и уже не было времени искать место для посадки. Мокрая листва хлестко прошлась по подошвам ботинок, и тотчас дерево захватило меня в свои объятия, вцепилось в ткань брюк и куртки сотней острых веточек и шипов, намотало мне на шею стропы, запутало в парашюте, перевернуло вверх ногами, и я, ломая ветки, разрывая путаницу лиан, вонзился в самую гущу кроны. Правая нога, запутавшись в стропах, оказалась выше головы, левой я касался скользкого ствола. Руки были относительно свободны, и я принялся совершать какие-то немисли-

мые телодвижения, стараясь принять вертикальное положение. И тут где-то сверху с треском обломалась ветка, и я продолжил полет к земле, на сей раз с нераскрытым парашютом. Пересчитав все попутные ветви и получив несчетное количество пощечин мокрыми листьями, я упал в бурный грязевой поток, который несся по глинистому склону, увлекая за собой обломки веток и камни. Здесь силы природы поиздевались надо мной вдоволь. Я почувствовал себя как в стиральной машине, запущенной на всю мощь. Проехав на животе весь склон, я, наконец, окунулся с головой в омерзительную жижу и, чувствуя, что задыхаюсь, начал изо всех сил работать руками и ногами, стараясь выбраться из топи и освободиться от парашюта. Мне это удалось не сразу, и я совершенно выбился из сил, когда, наконец, заполз на трухлявый ствол поваленного дерева и, отстегнув лямки, начал осознавать окружающий меня мир. Дождь продолжался. Это был сильный ливень, сопровождаемый нескончаемой чередой молний. Короткие вспышки, с трудом пробиваясь сквозь плотную крону, освещали заросший до предела лес, покатый склон и многочисленные грязные ручьи, стекающие по нему. Где-то внизу ревела река. Нетрудно было представить, что было бы со мной, свались я в ее беснующуюся воду. Со всех сторон меня обступали могучие стволы, похожие на исполинские колонны, поддерживающие тяжеловесную кровлю. Меня трясло, но не от холода, а от нервного напряжения. Не очень гостеприимное местечко!

Я больше не мог сидеть под потоками грязи, низвергающимися сверху, и, цепляясь руками за осклизлые камни и ветки, пополз наверх. Я не знал, насколько глубоким был овраг, куда я угодил, но был готов карабкаться до изнеможения, лишь бы выбраться на ровное место и найти укрытие под кронами деревьев, но, сделав два-три шага, терял опору и съезжал на животе назад, к трухлявому бревну. Стиснув зубы, я вновь и вновь кидался на штурм склона и всякий раз терпел поражение.

Тут я вспомнил про рюкзак, который висел у меня на груди, про веревку и стал на ощупь перебирать альпинистское снаряжение. Несколько карабинов и крючьев, жумар, пара закладок, один средних размеров «фрэнд». А вот и «кошка»! Складная трехпалая «кошка»! Очень кстати...

Я привязал «кошку» к концу веревки и сильным броском швырнул ее вверх, к стволу дерева. Попытка увенчалась успехом, «кошка» зацепилась за ствол, и я, наматывая веревку на руку, полез по склону. К счастью, высота склона была не слишком велика. Я выбрался на ровное место и, рухнув у широкого ствола дерева с разлапистыми ветвями, расслабился, прижался спиной к гладкому, как корабельная мачта, стволу, закрыл глаза и отдышался.

Да, игра на выживание началась стремительно, сразу окунув меня в водоворот событий. Никакой раскочки! С корабля — на бал... Где я нахожусь? Когда начнет светать?

Я поднес к глазам часы, надавил на кнопку подсветки. Без пяти минут четыре. Выходит, прошло никак не меньше сорока минут после того, как я спикировал в крону дерева. Кстати, а где Морфичев? Ведь нас должны были выбросить с самолета одновременно!

Я вскочил на ноги, сложил ладони рупором и несколько раз позвал:

— Морфичев!! А-уу!!

Сейчас все замыкалось на нем. Мало того, что я отвечал за его благополучие. У него была карта местности, по которой надо было определить направление движения. Мужик он тертый, но в таком лесу и с ним могла приключиться беда. Мне не хотелось предполагать худшее, но нельзя было исключать, что Морфичев напоролся на острый сук, как кусочек мяса на шампур. Что бы с ним ни случилось, я был обязан найти его.

С каждой минутой светлело, и я уже хорошо видел кроны деревьев, опутанных лианами, словно колючей проволокой, густые кустарники с широкими жесткими листьями, и траву с крепкими коленчатыми стеблями, значительно превышающими мой рост. Если я не полный кретин в географии, то ничего похожего в Сибири и на Дальнем Востоке не растет. Может быть, это Сахалин? Или Приморье? Или юг Забайкалья?

Пройдя приличное расстояние, я свернул в сторону и по большой дуге стал возвращаться к месту своего приземления.

— Морфичев, черт тебя подери!! Куда ты запропастился?!

И тут я увидел фигуру человека, который неподвижно стоял у ствола дерева, будто подпирал его плечом.

— Морфичев, — с облегчением произнес я и двинулся к нему. — Ну нельзя же так! Я всю глотку изорвал!

Но человек даже не шелохнулся, будто не узнавал меня.

— Морфичев... — пробормотал я, замедляя шаг. — Это ты?

Мне стало нехорошо. Человек, стоящий в нескольких шагах от меня, не был похож на Морфичева. Не тот рост, не та комплекция. Я видел контуры рюкзака за его спиной, крупную, низко посаженную голову, широкие плечи... И вдруг он бросился на меня. Хворост затрещал под его ногами, зашуршали листья. Я невольно остановился и чуть не заорал от ужаса. На меня, вытянув вперед руки, несся... Крот!

— Где?! — диким голосом заорал он, вцепившись мокрыми руками мне в горло. — Где она, негодяй?! Что вы с ней сделали?! — Отвечайте, не то я вас придушу!

— Что за бред вы несете? — пробормотал я, озираясь по сторонам. — Откуда вы тут взялись?

— Это вы откуда тут взялись? — с ненавистью прошипел Крот. — Где Ирэн, я вас спрашиваю?!

— А с чего вы взяли, что она должна быть здесь?

— Послушайте, не надо прикидываться дураком! Она должна быть здесь, потому что она прыгнула сюда с парашютом!

— Вы уверены, что именно сюда?

— Ирэн!! — заголосил Крот — Ирэн, отзовись!!

— Морфичев!! — рявкнул я в другую сторону. — Морфичев, где ты?!

Мы были очень похожи на двух идиотов, и меня совсем некстати стал душить смех. Я опустился на землю и, обхватив голову руками, произнес:

— Стоп! Хватит... Давайте разбираться.

— Давайте, — согласился Крот и, уподобляясь мне, тоже сел на землю.

— Во-первых, Ирэн здесь быть не может, потому что она выпрыгнула из самолета на две минуты раньше меня. А две минуты полета — это почти двадцать километров.

— Мы выпрыгнули с ней одновременно! — уточнил Крот и громко высморкался в платок.

— Вы хотите сказать, что какой-то неведомой силой, каким-то ураганным ветром вас пригнало сюда, в это место, куда приземлился я?

— Я не знаю, где вы приземлились, — скептически заметил Крот. — Может быть, это вас приволокло сюда ураганным ветром.

Я стал вспоминать, как опускался на парашюте в тучах, как подо мной сверкали молнии и громыхал гром. Да, небольшой ветер действительно был. Но если он был способен отнести меня на двадцать километров в сторону, то в таком случае он сделал бы это со всеми остальными игроками, раскидав их на огромной территории. Мы никак не могли приземлиться с Ирэн и Кротом в одной точке.

Тут меня осенило, и я воскликнул:

— Постойте, вы каким по счету прыгали?

— Конечно, вторым! Не думайте, что я настолько потерял...

— Вторым?! И я тоже прыгнул вторым, понимаете?! Мы прыгнули с вами одновременно! А Ирэн прыгнула первой!.. О-о-о боже! Эти чертовы организаторы перепутали пары!

— Что значит, перепутали? — с возмущением произнес Крот.

— Кто из вашего отсека прыгнул первым?

— Этот... С усами... Ну, ваш напарник, не знаю его фамилии.

— Правильно! Первым из вашего отсека прыгнул Морфичев. А из нашего, одновременно с ним, — Ирэн. И только две минуты спустя — мы с вами. Эти идиоты перепутали очередность!.. Господи, за что же ты меня так наказал!

— Вас наказал! — обиженно бросил Крот. — Меня, между прочим, он тоже наказал!

— Конечно! — съязвил я. — Вы же мечтали оказаться со мной в одной паре! Можно сказать, вам повезло, ваша мечта сбылась.

— Мечта-то сбылась, но... команды-то рассыпались. А мне нужен верный спасатель, чтобы вместе с ним победить и взять призовой фонд.

Я ничего не ответил, поднялся на ноги и поправил на себе лямки рюкзака.

— Куда это вы собрались? — заволновался Лобский.

— Искать Морфичева.

Крот вскочил и схватил меня скользкой рукой:

— Пойдите, пойдите! Так дело не пойдет! Вы — спасатель, но собираетесь бросить меня здесь одного?

— Я не ваш спасатель. Ищите свою напарницу.

Но Крот еще сильнее стиснул мое запястье:

— Неужели вы оставите меня здесь одного, и ваша совесть будет спокойной? Неужели из-за ошибки легкомысленного и безответственного продюсера вы возьмете такой грех на душу?

— Лобский, не стройте из себя жертву бессердечия, — поморщился я, как от зубной боли. — Вы что, инвалид? Или беременная женщина? Ноги-руки, надеюсь, целы? Идите за мной и не отставайте. Нам, в общем-то, пока идти в одном направлении.

— В одном направлении? — переспросил он. — А вы знаете, в каком именно?

И как это вылетело у меня из головы! У меня же не было карты! Спасателям она не выдавалась, как и компас. Судьба продолжала надсмехаться надо мной! Без карты и компаса я был слеп, как полуденная сова.

— Хорошо, — сказал я, мучительно признавая свое поражение. — Пойдем вместе. Давайте карту! — и требовательно протянул руку.

Но Крот, неприятно улыбаясь, отступил еще на шаг.

— А вы... не обманете меня? Где гарантия, что вы, заполучив карту, не убежите? Ведь я ваш соперник, и грех не воспользоваться таким удобным случаем... Разве я не прав?

— Вы мне подсказали блестящую идею, — прорычал я. — Как вы думаете, сколько мне понадобится времени, чтобы отобрать у вас карту силой? Или вы считаете, что я не смогу этого сделать?

Крот мгновенно встал в позу, которая, по его мнению, была боксерской стойкой.

— Имейте в виду, во мне девяносто пять килограммов натренированных мышц. Мой удар обладает колоссальной разрушительной силой. Я с легкостью разбиваю стопку кирпичей...

— Вы мне надоели, — вздохнул я. — Будем искать своих напарников или слушать ваши рассказы про кирпичи?

— Отойдите на десять шагов! — потребовал Крот. — И не вздумайте ко мне приближаться, пока я не разрешу.

Я не стал с ним спорить, отошел к луже и стал отмывать от глины ботинки. Лобский, убедившись, что я нахожусь достаточно далеко от него, скинул рюкзак, вынул из него планшет, пристроил его на коленях и с раздражением забормотал:

— Куда они нас забросили? Ничего не понимаю. Пьяные были, что ли...

Наконец он закончил расчеты, уложил линейку в планшет, затолкал его в рюкзак и махнул рукой в лесные дебри:

— Видите вон то дерево с расщепленным стволом? Вот туда и шагайте. А я за вами.

— Вы уверены, что правильно определили направление?

— Не надо принимать меня за полного неуча, — колко ответил Лобский. — Я помню школьную программу и способен нарисовать равнобедренный треугольник. Один его катет — это мой маршрут к финишу. Другой — маршрут вашего напарника. А гипотенуза — расстояние между нами и ними.

Мне ничего не оставалось, как молча повернуться и зашагать в направлении расщепленного дерева. Крот на некотором отдалении последовал за мной.

— Если они пошли нам навстречу, то мы скоро увидим их, — сказал он после недолгого молчания. — Надеюсь, через пару часов... Как вы думаете, где мы находимся?

— Вы хотите спросить, в какой стране? — уточнил я, не оборачиваясь.

— А вы полагаете, что мы не в России?

— А вы полагаете — в России?

— М-да, задал он нам задачку, — произнес Крот. — Я пытался раздобыть хоть какие-нибудь сведения о продюсере, но бесполезно. Его имени не знает даже ведущий.

— Врет, что не знает, — предположил я.

— А зачем ему врать? — возразил Крот. — Продюсер не заинтересован в том, чтобы какие-нибудь секреты Игры раньше времени стали известны участникам. Это бы значительно снизило степень драматизма, которую так обожает зритель.

— Одно общение с вами, — процедил я, — является для меня высочайшей степенью драматизма.

Некоторое время мы шли молча. Мне казалось, что лес становится все более густым. Валежник, покрытый мхом и опутанный колючими лианами, заставлял меня обходить его, и я часто менял направление, но Крот, не выпуская компас из руки, поправлял:

— Пожалуйста, чуть левее... Немножко правее, если это вас не сильно затруднит...

Он был моим конвойным, а я — арестантом. Я прилагал немало душевных усилий к тому, чтобы вынести эту унижительную роль, и позволял Кроту упиваться своей небольшой властью надо мной только ради того, чтобы как можно быстрее встретиться с Морфичевым.

— Эй, эй! — тотчас напомнил о себе Крот. — Не так быстро!

Прошло еще немного времени, и он без предупреждения повалился на землю, раскинул в сторону руки и ноги, закрыл глаза и притворился мертвым. По моим подсчетам, мы прошли километров семь. Если Морфичев и Ирэн шли в нашу сторону в таком же темпе, мы должны встретиться с ними уже через час, и я, наконец, расстанусь с Лобским...

Глава 10

Ночь была непроглядно-темной. Мошкара, похоже, не собиралась угомониться и продолжала атаковать нас. Мы как заведенные лупили себя по щекам.

— Вы не поверите, — неожиданно заговорил Крот, — от того, что мы сегодня пережили, я испытываю огромное удовлетворение... Мы преодолели первую ступень. Мы приподнялись над житейской суетой. Мы стали, наверное, немножечко чище... И еще, знаете, какое чувство не покидает меня? Мне все время кажется, что главный организатор Игры где-то рядом. Он видит нас, он знает, как нам трудно, и переживает за нас. Это очень умный и сильный человек. Он управляет нашими судьбами.

— Вы делаете из него фигуру, едва ли не равную Богу, — заметил я.

— Возможно, вы правы. Ведь он действительно в какой-то степени играет роль Бога. Потому сейчас мы живем по его сценарию, преодолеваем испытания, им посланные, и полностью зависим от него.

Крот вздохнул и принялся сгребать в кучу прелые листья, чтобы мягче было спать. Я занялся костром. Нечего было и думать о том, чтобы поджечь мокрый хворост, лежащий на земле, и я срубил несколько нижних, относительно сухих тиковых веток, которые потом расщепил на тонкие лучины. Над костром, чтобы его не заливал дождь, пристроил хвойный лапник. Пламя занималось вяло, за ним надо было все время следить, но без огня было бы совсем плохо.

Я выпил чашку бульона, который приготовил Крот, лег на ложе из листьев, поднял воротник насквозь промокшей и пропитанной болотной грязью куртки, скрестил на груди руки и сказал:

— Разбудите меня через пару часов. И постарайтесь не уснуть, иначе загаснет костер.

Крот кивнул и боязливо посмотрел по сторонам.

— Дикая звери должны бояться огня, — успокаивая себя, произнес он. — Это заложено в них на уровне инстинкта... Скажите, а вы крепко спите?

— Из пушки не разбудишь, — ответил я и зевнул.

Крот подкинул в костер несколько лучинок.

— Вас не удивляет, — произнес он, желая продолжить разговор, потому что полная тишина угнетала его, — как радикально изменились наши с вами отношения? Еще утром мы готовы были кинуться друг на друга с кулаками, а теперь — мы союзники, и вы доверяете мне свой сон.

— Лобский, вы не могли бы дать мне поспать? — проворчал я.

Не только Крот, но и кровососущие твари донимали меня. Десятки хоботков, подобно медицинским иглам, вонзались в мои щеки, лоб, веки и начинали жадно выкачивать из меня кровь. Чесаться я уже не мог, мое лицо и без того полыхало и зудело. Пришлось наковырять рядом с собой сырой глины и намазать ею лицо. Омерзительная процедура! Глина засыхала и стягивала кожу. Мне казалось, что я превращаюсь в гипсовый бюст, снятый с пьедестала и брошенный в сырую канаву. И все-таки сон одолевал меня. Мне казалось, что я куда-то проваливаюсь, и сотни голосов что-то невнятно бормочут, и я иду по лесу, и под моими ногами шуршат купюры; их так много, что они пружинят подо мной, а Крот идет за мной подобно собаке, на четвереньках, и заталкивает купюры за пазуху...

— Кирилл! Кирилл, проснитесь!

Я с трудом вернулся в реальность, в непроглядную ночь, сырость, шум дождя.

— Кирилл! — шептал Крот. — Там кто-то идет...

— Может, вам показалось? — спросил я, но Крот тотчас прижал ладонь к моим губам и поднял вверх палец. Он смотрел в темноту с таким нескрываемым ужасом, что мне стало не по себе.

И тут я отчетливо услышал, как где-то рядом треснула ветка, затем зашелестела листва... Несколько тягостных мгновений мы ждали невесть чего. Если к нам пожаловал какой-то хищный зверь, то не стоило слишком полагаться на костер. Я поискал рукой — нет ли поблизости какой-нибудь увесистой палки, и тотчас из мрака проступили призрачные очертания женской фигуры.

— Ирэн! — воскликнул я, вскакивая на ноги.

— Какая я тебе Ирэн...

Придерживая на груди края полиэтиленовой пленки, перед нами стояла Марго. Пленка, в которую она закуталась как в плащ, во многих местах была порвана. Ее широкие модные брюки цвета хаки до колен были выпачканы в грязи. Голова девушки выглядела так, будто ею, как шваброй, мыли пол. В многочисленных спутанных косичках застряли веточки и листья. Она в изнеможении опустилась перед костром на корточки и произнесла:

— Я думала, что свихнусь в этом дурацком лесу... Какой тепленький огонечек! Как хорошо... А здесь много наших? Я весь день вообще ничего не ела, дайте чего-нибудь поесть!

Крот никак не мог прийти в себя. Он переводил полный недоумения взгляд с Марго на меня и обратно, будто ждал от меня какого-либо объяснения по поводу появления здесь этой особы. Я сам ничего не понимал. Почему Марго одна? Где ее напарник, водитель троллейбуса? Как она оказалась здесь, если ее маршрут пролегает как минимум в двадцати километрах от нас?

— Вы одна? — наконец выдавил из себя Крот, озираясь по сторонам.

— Словно в ночи луна, — буркнула Марго. — Не знаю, куда мой водитель делся. Я приземлилась на дерево, часа два висела на нем, как колокольчик на шее козы, орала песни, но меня никто не нашел. Пришлось обрезать стропы...

Я подивился ее самообладанию. Выходит, Марго не нашла своего напарника и, коль у нее не было ни карты, ни компаса, пошла по лесу куда глаза глядят. Весь день она блуждала по дебрям, но вовсе не выглядела отчаявшейся и подавленной.

— Суп будешь? — спросил я у Марго.

— Я все буду! И суп, и второе, и третье. И хлеб тоже.

Я взглянул на Крота:

— Достаньте, пожалуйста, продукты!

Крот казался заторможенным. Он долго копошился в своем рюкзаке, перебирая пакетики. Я разжег примус, наполнил миску дождевой водой, скопившейся на пленке, и поставил ее на огонь.

— Кирилл! — сухо покашливая, произнес Крот. — Можно вас на секундочку?

Я подошел к нему. Он молча взял меня под локоть, отвел в сторону и, кидая взгляды на сидящую у костра Марго, тихо спросил:

— Вы верите словам этой девчонки?

— А что вас насторожило?

— Разве по ее виду скажешь, что она почти сутки провела в одиночку в незнакомом лесу?

— Да, — согласился я. — Держится она намного лучше, чем вы.

— Это потому, что она не одна! — яростно зашипел Крот. — Ее напарник где-то рядом! Они хотят вывести нас из Игры, как своих конкурентов. Эта девочка — троянская лошадка! Гоните ее в шею!

— По-моему, вы делаете поспешные выводы.

— Если вы не послушаете моего совета, то будет беда.

— Но что она может с нами сделать?

— Да что угодно! Подсыпать нам в чай отраву. Похитить компас. Или слопать все продукты. Обратили внимание? Она сразу потребовала еды, причем много!

— Это естественно, ведь она ничего не ела весь день.

— Но почему мы должны кормить ее за свой счет?

— Покормите ее за мой счет!

Мы вернулись к костру. Крот был очень недоволен мною и, не скрывая своих чувств, насупил брови.

— Как вам не стыдно шептаться за спиной у беззащитной девушки! — с укором произнесла Марго.

— Мы обсуждали один деликатный вопрос: куда положить тебя на ночь, — сказал я.

Крот кинул мне пакетик с супом. Я надорвал его край и высыпал порошок в кипящую воду.

— А что здесь деликатного? — пожала плечами Марго. — По-моему, будет разумно, если я лягу между вами. Девушкам нельзя простужаться.

— Между нами не получится, — не преминул заметить Крот. — Мы, девушка, по очереди дежуриим, чтобы не допустить в наш лагерь незваных гостей.

— Ах, какая вкуснюшечка! — тоненьким голоском протянула Марго, пригнувшись к миске с супом. Сюда бы еще зеленюшки и черного перца!

— Скажи, а почему ты решила идти именно в эту сторону? — спросил я, помешивая в миске ложкой.

— Я ничего не решала. Я пошла наобум. С самолета сбросили такую кодлу, что трудно никого не встретить. Скоро все будут друг другу на пятки наступать... Это куриный или грибной? Что-то он какой-то жиденький...

Марго была похожа на беспризорную собачку, которая прибилась к людям, пристроилась у очага и, втягивая носом головокружительный запах еды, с нетерпением ждала, когда ей перепадет что-нибудь вкусненькое, чтобы утолить голод и здесь же уснуть со спокойной уверенностью, что она обрела хозяев.

— А где ваш рюкзак? — спросил Крот.

— Я его бросила. Какой толк таскать его, если в нем не было ничего полезного?

— Вы бросили свой рюкзак? — воскликнул Крот и со значением взглянул на меня, как бы желая сказать: «Обратите внимание на этот момент. Мои опасения подтверждаются». — Но как вы могли! Там ведь было все необходимое для выживания!

— Ага, все необходимое! — презрительно скривилась Марго. — Хотела бы я посмотреть, как с моим рюкзаком будет выживать продюсер. Там была только вот эта пленка, бутылка с водой и какие-то тряпки.

— Ты хочешь сказать, что в твоём рюкзаке не было примуса? — с недоверием посмотрел я на девушку.

— Какой примус? О чём ты говоришь? Повторяю: пленка, бутылка с водой и тряпки, из которых можно разве что халаты для пациентов дурдома шить.

— Вы что-то путаете, — отводя взгляд, произнес Крот. — В рюкзаке Кирилла, например, есть все необходимое: и примус, и аптечка, и альпинистское снаряжение...

— Да, правильно! Я ещё в самолёте ему сказала, что мне не дали веревку, — напомнила Марго. — Ой, хватит меня мучить! Давайте быстрее есть!

Она сняла миску с примуса, поставила её перед собой и, обжигаясь, начала работать ложкой.

— А хлеб где?

Крот поджал губы и заявил:

— Мне, конечно, приятно видеть ваш здоровый аппетит, но дело в том, что запас продуктов, которым мы располагаем, рассчитан на двух человек. Так что сделайте милость, отчальте завтра с рассветом.

— Вы не переживайте сильно, — ничуть не обиделась Марго. — Как только найду своего вагоновожатого, так сразу от вас отчалью.

Я не стал слушать их перепалку и снова устроился под навесом, чтобы продолжить прерванный сон. Крота уже не беспокоило предстоящее дежурство. Он не стал допытываться у меня, боятся ли лесные хищники огня, и крепко ли я сплю. Казалось, что появление Марго беспокоило его намного больше, нежели какие-то звери. По-моему, он сгущал краски. Я не видел особых проблем, которые принесла бы с собой Марго. Также не стоило переживать из-за продуктов. Насколько я понял, их запасы были крайне скудными. По всей видимости, организаторы Игры умышленно снабдили команды провиантом лишь на первые пару-тройку дней. В дальнейшем мы должны будем добывать еду самостоятельно. Так что Марго в этом смысле не наносила нам чувствительного ущерба. Уже засыпая, я подумал, что не буду поддерживать Крота в его стремлении избавиться от нее. Пусть девчонка плетется за нами столько, сколько захочет. Эта любительница острых впечатлений помимо своей воли развеивала тягостные чувства, которые я испытывал, находясь наедине с Кротом.

Глава 11

Крот разбудил меня около четырех часов утра. На этот раз я выбирался из сна мучительно долго, как пытается выбраться из засасывающего его болота обессиленный человек. Крот ныл, что тоже до смерти хочет спать, и запас лучинок закончился, и проклятый дождь не прекращается...

Я открыл глаза и увидел рядом с собой лицо Марго — мы лежали с ней в обнимку, и я, кажется, целовал ее в полусне. Я вскочил и потряс головой, прогоняя остатки сна. Тьфу, какая нелепица! Сон — коварная штука. Он навязывает человеку странные роли и заставляет играть их с упоением.

Я приподнял палкой середину навеса, заставляя скопившуюся воду стекать тонкой струйкой, с наслаждением отмыл лицо от глины да сполоснул плечи и грудь. Крот, улучив момент, шепнул мне на ухо:

— Постарайтесь не спускать с нее глаз. Мало ли что взбредет ей в голову...

Сказав это, он стал ходить кругами вокруг моего ложа, всем своим видом показывая, что хочет спать, но не желает ложиться рядом с Марго. Девушка, то ли проявив сострадание к Кроту, то ли расхотев спать, тоже встала. Обрадовавшись, что ему не придется делать нравственное усилие, Крот тотчас рухнул на листья, подложил под голову рюкзак и притих.

Я поручил Марго разжечь примус, а сам принялся рубить сухие сучья, чтобы потом нарезать из них лучины. Дождь утих, но на лес опустился сырой туман. Я подкинул несколько сухих веточек в огонь. Костер, вспыхнув с новой силой, осветил лицо Марго. Я обратил внимание, что она пристально смотрит на меня, словно изучает выражение моего лица..

— Разве это Морфичев? — вдруг спросила Марго.

Я знал, что она обязательно спросит об этом. Морфичева она не запомнила в лицо, но не могла не запомнить Крота после того, как я публично отказался играть с ним в паре. Но сейчас мы были вместе. Как это понимать?

— Перепутали пары, — ответил я, не желая слишком вдаваться в подробности.

— Может, и со мной что-то перепутали? — вслух подумала Марго. — Может, моего шофера просто забыли скинуть с самолета?

— Ты плохо его искала, — упрекнул я ее.

— Я два часа подряд орала песни! — возразила она. — У меня даже голос охрип... Да что ты меня совестишь? Что я должна была сделать? Я к нему нянькой не нанималась.

— Ладно, достань лучше кофе и сахар!

— А где у вас кофе и сахар?

— В рюкзаке под головой Лобского.

Приблизившись к спящему Кроту, Марго опустилась перед ним на корточки и стала осторожно раскрывать «молнию» на его рюкзаке. Но едва она сдвинула бегунок «молнии» до упора и просунула руку внутрь рюкзака, как случилось непредвиденное. Я был уверен, что Крот спит крепко, но ошибся. Он вдруг раскрыл полные ужаса глаза, резво вскочил, с силой прижал рюкзак к своей груди и закричал, глядя на Марго так, словно она совершала смертный грех:

— Ты что?! Ты что делаешь?! Ты как посмела?! Да я тебя... я... я... — От возмущения он не находил слов.

Марго на всякий случай отодвинулась от него подальше и посмотрела на меня так, словно хотела сказать: «Что ж ты не предупредил, что он психический?» Я сам не ожидал такой бурной реакции от Крота.

— Успокойтесь! — сказал я, уверенный в том, что ему приснился дурной сон. — Мы хотели взять кофе и сахар.

— Кофе и сахар, — задыхаясь, повторил Крот. — Знаю я ваш кофе! Вы... вы... да какое вы имели право без спросу лезть в мой рюкзак! Я не позволяю себе прикасаться к вашим вещам и требую от вас того же! Это просто верх бескультурья! Самое настоящее свинство!

— И как ты с ним уживаешься? — с сочувствием взглянула на меня марго.

Зря она это сказала. Крот повернул к ней перекошенное от злобы лицо и процедил:

— А вас, девушка, я попрошу покинуть наш лагерь. Уже рассвело! Ищите своего напарника, а нас оставьте в покое.

— А я не знаю, куда идти, — фыркнула Марго.

— Это ваши проблемы.

— Ошибаетесь. Теперь это ваши проблемы тоже.

— Вы хотите, чтобы у вас начались большие неприятности? — мстительно проговорил Крот.

— Ой! — весело воскликнула Марго. — Неприятности! Интересно, можете ли вы придумать большую неприятность, чем общение с вами?

Крот едва не задохнулся от гнева.

— Лобский! — прикрикнул я. — Да успокойтесь же вы в конце концов!

— Я не могу успокоиться! — отрезал Крот. — Потому что вы копались в моем рюкзаке!

— Да никто не покушался на ваш драгоценный рюкзак. Что вы устроили скандал на пустом месте? Отдайте нам половину продуктов, и подобных недоразумений между нами не будет.

— Вы говорите «отдайте нам»? — встрепенулся Крот и, приоткрыв рот, обнажил свои воспаленные десны. — Значит, вы собираетесь взять эту... эту...

— Да, — ответил я. — Пока она будет с нами.

— Ну, уж нет, не дам я вам продукты. И не потому, что мне жалко. Я не хочу — слышите? — не хочу, чтобы вы прикормили ее, как собачонку.

— Пусть он подавится своим кофе! — с презрением посмотрела на Крота Марго. — А я сейчас позвоню в службу сервиса, и нам сюда доставят и кофе, и козий сыр, и холодную баранину.

Я подумал, что Марго шутит, но она действительно извлекла из чехла, висящего на шее, мобильный телефон, включила его и, ожидая, пока он найдет сеть, с кривой ухмылкой уставилась на Крота.

Трубка несколько раз пискнула, и дисплей погас.

— Роуминга нет. Жаль, — разочарованно вздохнула Марго.

— А вы надеялись, что здесь телефон будет ловить? — хлопая глазами, спросил Крот.

— Но у меня почти везде ловит. Я звонила в службу сервиса с Кирибати, Сейшел, Непала. Даже с острова Пасхи. Наверное, здесь просто низкое место. Надо подняться повыше.

По-моему, Кроту не очень понравилась идея Марго заказывать завтраки прямо в лагерь, несмотря на то, что поверить в ее осуществление было очень трудно. Он присел у своего рюкзака и стал выкладывать из него пакеты с концентратами.

— Вот! И вот... И вот еще! Это все вам! Кушайте! Завтракайте! Кофе со сливками! Чай с бергамотом! Суп с мармеладом, черт вас подери! Все съешьте! И соль тоже! И перец! Надеюсь, вы будете довольны, — бормотал Крот, закидывая рюкзак за спину. Возможно, он уже пожалел о своем поступке, но давать задний ход было поздно.

— Вы далеко собрались? — спросил я.

— Поищу ее напарника, — ответил он с непоколебимой решимостью. — Если даже он ранен, я его на себе принесу. Даже заплачу ему, лишь бы он увел это милое создание отсюда. Найду ее напарника, вручу ее ему, и все будет хорошо. Все встанет на свои места...

Он еще что-то невнятно бормотал, но я уже не мог разобрать ни слова. Вскоре Крот исчез из виду.

— Зря он старается, — вздохнула Марго. — Не найдет он его.

— Почему ты так решила? — спросил я.

— Я искала этого водителя полночи и полдня.

— Может, ты действительно плохо искала?

— Может, и плохо, — сразу же сдалась Марго. — Мне, вообще-то, все равно, с кем идти. Лишь бы человек не был занудой и трусом... Слушай, а давай вдвоем пойдем? Я не хуже твоего Лобского умею ногами передвигаться. И еда у нас теперь есть. А Лобский пусть топает дальше с водителем.

— Я уже думал об этом, — признался я. — Но у меня нет карты.

— А где же она?

— Лобский сжег ее, даже не показав мне. Он боялся, что я оставлю его в лесу одного.

— Фу, какой подлый человек! — покачала головой Марго. — Теперь ты просто обязан его бросить! А что, на этой карте свет клином сошелся? Разве мы не сможем обойтись без нее?

— Без нее можем, а без компаса нет. Куда мы с тобой пойдём? Туда? — кивнул я в сторону. — Или туда, где болота? Или вслед за Лобским? Ты знаешь, где финиш? Кстати, я хотел спросить у тебя. Никак не могу понять, если твой папик такой щедрый, то почему он не отправил тебя в какой-нибудь цивилизованный экстремальный тур, чтобы тебе не пришлось месить грязь в мангровых болотах? Допустим, на джипах через саванну...

— Было! — махнула рукой Марго.

— Или на слонах через джунгли...

— Каталась!

— Тогда на воздушном шаре по Европе!

— Только не по Европе, а над странами Прибалтики, — поправила Марго. — Холодно и скучно... Все скучно, что ты перечислил. Сначала вроде интересно, а потом такая тоска, что выть хочется.

— А здесь тебе нравится больше?

— Здесь в сто раз лучше. Правда, пока мало приключений.

— Случайно, в космос ты не собираешься? — развеселился я.

Марго отрицательно покрутила головой:

— Папик говорит, чтобы я сначала родила, а потом уже в космосе здоровье гробила.

— Ого! Значит, космос уже стоит в очереди. Это хорошо. Пока есть цель, можно жить дальше.

Марго сладко потянулась и, кивнув на склон, в сторону которого ушел Крот, сказала:

— Нет его. Ты же видишь, он сам не хочет к нам возвращаться, потому что я его раздражаю: слишком много ем, слишком много пью, слишком часто попадаюсь ему на глаза...

— И слишком много говоришь, — оборвал я Марго.

— Давай уйдем! Придумай что-нибудь! Пожалуйста!

— А если Лобский не найдет твоего водителя?

— Тогда останется один. А почему тебя это беспокоит? Он ведь не раненый. У него руки и ноги целы. Кто он тебе, брат, друг? Ты переживаешь за здорового и крепкого мужика! А он, между прочим, хочет выгнать меня из вашей компании, и у него даже мысли не возникло, как я выживу в лесу одна!

— И все-таки я хотел бы узнать, куда подевался водитель?

— Да он тоже меня бросил! — запальчиво ответила Марго, выбирая из косичек хвойные иголки и мелкий древесный мусор. — Пойми же ты! Здесь никто никому не обязан. Каждый сам решает, нужен ему спасатель или нет. Но разве есть дураки, которые захотят делиться выигрышем? Так задумана Игра: должен быть нравственный выбор. Мой водитель давно

понял, что спасатель из меня никудышный, толку от меня мало, я лишь продукты перевозжу. И пока я болталась на стропах и горланила песни, он тихонько свалил. Ну как? Я тебя убедила?

Я ничего не ответил, а велел Марго почистить песком ложки и кружки. Это занятие, по-моему, должно было доставить ей необыкновенное удовольствие. Пока любительница приключений в поисках песка разгребала листья, я походил вокруг лагеря, стараясь определить, откуда мы с Лобским пришли, и вскоре наткнулся на кустарник со сломанными ветками, а под ним нашел след своего ботинка. Я воткнул в это место шест, который можно было бы увидеть из лагеря, и, вернувшись к Марго, попросил:

— Дай-ка мне свой мобильник!

— Ничего у тебя не получится, — сказала Марго, но все же сняла с шеи телефон и кинула его мне.

Я снял с аппарата крышку и вынул из него аккумуляторную батарею. Марго, вытирая руки платком, подошла ко мне, с интересом наблюдая, как я беру из аптечки иголку для инъекций и отламываю у нее головку.

— Что ты задумал?

— Хочу сделать компас и определить направление, в каком меня вел Лобский.

— Компас?! — восторженно воскликнула Марго. — Молодец! Правильно!

Мне нужна была тонкая медная проволока с изоляцией. Для начала я обыскал свои карманы, затем рюкзак и, наконец, подошел к Марго. Замечательные у нее бусы, веревочки и кулончики. Много золота, много янтаря и агата. Но весь этот мусор в условиях выживания мало пригоден.

— Ну-ка, не шевелись! — приказал я и коснулся пальцем бус, сделанных из кусочков черного дерева. Резные негритянские головки были расположены парами и смотрели друг на друга, выпятив толстые губы, а между ними — тонкие, как спички, перемычки, похожие на обглоданные косточки.

— Это я в Камеруне купила, — сказала Марго. — Нравится?

— Очень, — признался я и поскреб ногтем по «косточке». — То, что надо!

Каждая «косточка» была обмотана сверху кусочком медной проволоки. Я скovyрнул ее кончик и стал осторожно разматывать. Потом зачистил ножом ее концы и бережно намотал спиралью на медицинскую иглу. Осталось подсоединить к концам проволоки батарейку и намагнитить иглу током. Через какое-то время, мысленно высчитав, что батарейка уже должна зарядиться, я отсоединил проволочку от батареи и снял ее с иглы. Тот конец иглы, который был рядом с «минусом», должен будет показывать на север. Срезав кусочек коры, придал ей форму пробки и насквозь проткнул иглой. Этот необыкновенный поплавок я опустил на поверхность воды, предварительно налив ее в алюминиевую миску. Поплавок тотчас пришел в движе-

ние, развернулся по своей оси и замер. Прекрасно! Стороны света определены. Остался пустяк — вычислить направление, по которому вел меня Крот: почти на север, если быть более точным — курсом на 6 градусов. Где-то там, далеко, находился финиш, та точка, в которой, рано или поздно, сойдутся все участники Игры, и где нас ждет великий, всемогущий и коварный продюсер с заветным чемоданчиком в руке. Но я уже не мечтал снять призовой фонд и тем самым удовлетворить свое тщеславие на глазах у Ирэн. Желание мести улеглось и стало казаться мелочным и постыдным. Кроме того, поиски Морфичева, а потом водителя отняли уйму времени, и догнать идущие впереди команды вряд ли было возможно. Пусть деньги достанутся Ирэн или Акулову, словом, тому, кто отправился в это путешествие ради них. А я уже был счастлив оттого, что сбежал от Крота, общение с которым угнетало меня сильнее, чем назойливая мошкара.

Глава 12

Лес менялся прямо на глазах. Он становился все более редким, и все чаще нам попадались открытые прогалины с высокой сочной травой и редкими пальмами с короткими и пузатыми, похожими на ананас стволами. Я впервые после приземления увидел небо и солнце и услышал щебет птиц.

Марго бодро шагала рядом со мной, заставляя меня всякий раз убирать с ее пути усаженные шипами ветви пальм. Но делал я это вовсе не ради этических норм. Мне казалось, что она вообще не видела эти колючие пальмовые ветви, способные оставить глубокие шрамы на лице, как, собственно, не замечала ни змей, ни пауков. Она была настолько поглощена нашим с ней разговором, который возник по пути, что перестала воспринимать окружающий ее мир.

— ... я вообще предпочитаю никогда не доверять первому чувству, какое вызывает у меня незнакомый человек, — говорила Марго, глядя на меня и стремительно сближаясь со стволом дерева-гиганта сала. Бывает, увидишь какого-нибудь красавца — улыбка, губы, глаза. Ах! За сердце хватаешься. А проходит время, и крутишь носом: выпендрожник, любит только себя, жадный, мелочный... И становится стыдно. А я не люблю, когда мне стыдно, и потому взяла себе за правило: не делать поспешных выводов о человеке, какое бы сильное впечатление он на меня ни произвел.

— А как же Лобский? По-моему, ты уже сделала о нем поспешный вывод.

— А я давно его знаю! — неожиданно заявила Марго. — Точнее, не я, а мой папик.

— Твой отец знает Лобского? Надо же, как мир тесен!

— Не то чтобы знает... Но была у них одна неприятная встреча... Как-то папик вел в США переговоры о совместном строительстве на Алтае бумажно-целлюлозного комбината, и американцы пригласили для консультации по экологическим вопросам Лобского...

— А с какой стати американцев консультировал Лобский? — удивился я.

— Я не хотела бы... Понимаешь, папик просил меня не распространяться об этом... В общем, когда-то давно Лобский руководил секретным институтом ядерных технологий. Он находился где-то там, на Алтае, его давно закрыли... И американцы почему-то решили, что никто лучше Лобского не знает, насколько Алтай загрязнен радиоактивными отходами, вот и пригласили его в качестве консультанта. А тот — рад стараться! — наговорил им про запредельную радиоактивность алтайской древесины. Переговоры, разумеется, сорвались, хотя продукция моего папика идет на экспорт во все страны Европы, а там ее проверяют по десять раз. Папик очень переживал, он говорил, что Лобский гадит соотечественникам из зависти, потому как ничем другим заработать не может... Он пытался разнюхать об этом типе побольше, но в биографии Лобского оказалось столько белых пятен! А вообще, он хоть и сволочь, но несчастная сволочь. От него ведь сбежала жена. И не с кем-нибудь, а со студентом Университета дружбы народов. И умотала с ним в какую-то далекую страну. А студент за несколько лет сделал себе головокружительную карьеру и стал премьер-министром. Так что бывшая супруга Лобского теперь вторая леди государства. Представляешь, какой это удар по самолюбию Лобского?

— Лобский, наверное, узнал тебя?

— Как он может меня узнать? Он меня ни разу не видел, и фамилию мою не знает. Если, конечно, ты не скажешь ему, кто мой папик...

Я хотел ответить, что скорее лангуры растрезвонят о папике Марго, нежели я хоть словом обмолвлюсь о нем, как вдруг увидел то, что заставило меня замереть на месте. В каких-нибудь десяти шагах от нас верхом на стволе поваленного дерева сидел Крот. Он не шевелился, и у меня на мгновение появилась надежда, что мы сможем незаметно скрыться, но Марго, по-прежнему не замечая ничего вокруг, продолжала громко щебетать и идти вперед. Я с опозданием схватил ее за руку, когда Крот уже повернулся к нам вполоборота.

— Хорошо, что вы не стали ждать и пошли за мной, — сказал он каким-то странным голосом. — Идите сюда, я покажу вам нечто любопытное.

Мы с Марго приблизились к Кроту.

— Не нравится мне эта штука, — произнес он, подняв голову и взглянув на нас.

Я не сразу понял, о чем он говорит, пока не посмотрел ему под ноги. На земле лежало помятое колесо с широкой шиной, покрытой полосами про-

дольных протекторов. Втулка была выбита, и на ее месте зияла рваная дыра. Я хотел бы ошибиться, но это явно было колесо от самолета. Неподалеку от него лежал покореженный кусок дюраля. От недоброго предчувствия мне стало не по себе.

Тем временем Крот поднялся, подошел к основанию дерева, на котором сидел, и сказал:

— Обратите внимание, это свежая крона, листья на ней еще не успели завянуть. И ее срезало от основного ствола, как ножом. Вопрос: чем ее срезало?

Вывод, к которому подводил нас Лобский, был слишком страшным, и я стал крутить колесо, изучая его со всех сторон, выискивая какие-нибудь детали, царапины, следы...

— Вот вам и ответ на вопрос, куда подевался водитель, — сказал Крот. — Он не успел выпрыгнуть...

— Вы отдаете отчет своим словам? Колесо само по себе еще ничего не доказывает.

— Боюсь, что мы скоро найдем другие, более веские доказательства, — мрачным голосом ответил Крот.

— Вы думаете, что наш самолет грохнулся? — весело воскликнула Марго. — Не смешите меня! Что ж вы, мужики, такие доверчивые?

— А как, по-вашему, попало в дремучий лес колесо от самолета? — не без сарказма произнес Крот. — Его сюда приволокли туристы? Или, может быть, прикатилось само?

Я не хотел думать о том, что это колесо именно от нашего самолета, что он упал спустя всего несколько минут после того, как я из него выпрыгнул. Мало того, что это событие само по себе было ужасным, оно ломало все наши планы. Что мне теперь Крот с его занудством? Что мне Ирэн с ее победой? Что Марго со своим подростковым максимализмом? Игра закончена, она потеряла смысл. Теперь надо совершать другие поступки...

Марго села на колесо, посмотрела на Крота, потом на меня:

— Что ж вы, мужики, такие запуганные и легковерные? Вас же предупреждали, что в Игре будет много неожиданных сюрпризов и розыгрышей. И эта штука (она похлопала ладонью по шине) и есть тот самый розыгрыш. Давайте пошарим по кустам! И мы найдем оператора с камерой, который снимает ваши испуганные физиономии крупным планом.

— Возможно, она права, — пробормотал я.

— Кирилл, не слишком ли могущественным должен быть продюсер, чтобы ради нашего короткого испуга и смятения угробить целый воздушный лайнер? — заметил Крот.

— А где вы видите лайнер? Пока мы имеем только колесо.

— Что ж, — произнес Крот с таким видом, словно угрожал мне скорой расправой. — Давайте поищем.

Мы быстро нашли дерево, точнее, его ствол, с которого была срезана крона. Место среза находилось достаточно высоко от земли, и все же можно было увидеть, что оно свежее, и на нем отсутствуют следы топора или пилы. Крот заострил на этом мое внимание:

— Край неровный. Это говорит о том, что дерево было именно сломано. Если исключить версию с самолетом, то я затрудняюсь сказать, каким инструментом можно сломать такой мощный ствол. — Он перевел взгляд на Марго. — Может быть, вы знаете?

Марго не ответила, посчитав это унижением своего достоинства, и, фыркнув, направилась к срезанной кроне. Я последовал за ней. Не прошли мы и сотни метров, как снова увидели срезанные кроны исполинских деревьев. На сей раз их было не меньше десятка. Свежие, полные сочной зелени, они либо лежали на земле, представляя собой труднопроходимое препятствие, либо висели над нашими головами, застряв в ветках деревьев. Сделав еще несколько шагов, Марго остановилась, задрала голову, и тут на нее, словно нож гигантской гильотины, стал падать какой-то тяжелый серый предмет, с треском ломая ветки и срывая листву. Я успел притянуть ее к себе, и «гильотина» с тяжелым грохотом вонзилась в землю.

— Гениально! — произнесла Марго, быстро оправившись от испуга, и стряхнула с головы мусор.

Я подошел к предмету, который едва не проломил голову Марго, очистил его от веток и провел по нему рукой. Это был конец самолетного крыла с обломком элерона.

Крот подбежал к нам. Он тяжело и часто дышал, будто его мучила лихорадка. Глаза его горели.

— Ну? — дрожащим голосом спросил он и ударил ладонью по крылу. — Что вы скажете по этому поводу?

— Что вы от меня хотите? — с раздражением сказал я. — Пойдемте дальше!

Заросли становились все более густыми, и мне пришлось взяться за мачете и прорубать проход. Крот теперь следовал за мной, а Марго плелась в конце. Повсюду, куда ни кинь взгляд, лежали на земле, висели, запутавшись в лианах и на ветвях большие и маленькие куски покореженного металла. Я уже безоговорочно верил в то, что здесь потерпел катастрофу самолет, и произошло это недавно.

— Наверное, пилоты сбились с курса из-за непогоды! — громко и возбужденно говорил Крот. — Или в самолет ударила молния... Нам надо немедленно сообщить об этом спасателям! Как вы думаете, Кирилл, есть

шансы, что кто-нибудь остался жив? А вообще, тонкая работа. На площади в добрый гектар раскидать обломки самолета — это вам не елку игрушками украсить...

— Лобский, перестаньте! — прорычал я. — И без вас на душе тошно!

— Мне уже давно тошно, — все же отозвался Крот. — А вашей кукле все нипочем. Для нее жизнь — сплошная игра, нескончаемое шоу...

— А за куклу можно и по физиономии схлопотать! — предупредила Марго.

Я широко замахнулся, полоснул по зарослям остро отточенным лезвием и едва не свалился с обрыва. Сделал шаг назад и на всякий случай ухватился за бамбуковый ствол. Лес вплотную подступал к крутому обрыву, из глубин которого доносился рев реки. Марго и Крот приблизились к краю.

— Осторожнее! — крикнул я. — Может обвалиться.

Несколько минут в полном молчании мы смотрели вниз. В узкой расщелине, сдавленной каменными стенами, застрял самолет. Точнее, от него осталась всего лишь задняя часть фюзеляжа с килем и стабилизатором. Ни крыльев, ни шасси не было. Рампа была немного опущена, и между ней и корпусом зияла жуткая черная щель, похожая на смертельную рану. Почти во всех иллюминаторах были выбиты стекла, из рваного края фюзеляжа торчали погнутые, изуродованные шпангоуты, трубы и обрывки проводов.

Первым нарушил молчание Крот. Он повернулся к Марго, долго сверлил ее взглядом и, наконец, едко спросил:

— Что вы теперь скажете?

— Бутафория, — спокойно ответила Марго. — Фанерный макет фюзеляжа. Грубая подделка.

— Сомневаюсь, что это бутафория, — покачал я головой.

— Больше всего я боялся этого, — пробормотал Крот и перекрестился. — Мои худшие опасения оправдались... Но что же мы стоим? Надо что-то делать! Надо куда-то бежать!

Я скинул с плеч рюкзак, раскрыл его и вынул оттуда веревку.

— Для начала надо выяснить, не остался ли там кто-то в живых.

— Правильно! — поддержала Марго. — И тогда мы узнаем наверняка, игра это или нет.

Я быстро привязал конец веревки к дереву, натянул на себя страховочную обвязку и, пристегнув к коушу «восьмерку», сбросил веревку вниз. Ее конец немного не достал до самолета. Затем пропустил виток веревки через «восьмерку» и стал спускаться, упираясь ногами в стену. Мои подошвы расшатывали мелкие камешки, они падали вниз и с глухим стуком ударялись об обшивку самолета. Я быстрыми движениями продолжал травить веревку и с нетерпением поглядывал на страшный обломок самолета, который с каж-

дым мгновением становился все ближе. Наконец вся веревка вышла. Я висел в каких-нибудь двух метрах над фюзеляжем, который, словно гигантский клин, застрял между стен расщелины. То, что находилось подо мной, не было бутафорией, это был именно наш самолет. По-видимому, он начал разрушаться еще над лесом, задевая крыльями и шасси макушки деревьев. Потом рухнул в ущелье, его передняя часть, скорее всего, обломилась и упала в реку, а оставшийся фрагмент фюзеляжа вместе со стабилизатором и килем застрял в расщелине. У меня появилась слабая надежда найти уцелевших пассажиров внутри фюзеляжа. Но как туда забраться?

Оттолкнувшись ногами, я качнулся маятником, пролетел над фюзеляжем из конца в конец, пытаюсь обнаружить какие-нибудь признаки жизни, и вдруг мой взгляд наткнулся на тело человека. Я видел его всего мгновение, и мне показалось, что человек прячется от меня, забившись в узкое пространство между фюзеляжем и стеной. Меня понесло в другую сторону, я сделал несколько прыжков по стене, разгоняя себя, потом снова оттолкнулся обеими ногами и увидел совсем близко стабилизатор с планкой триммера, сорванной с одного шарнира, а под ней — человека. На этот раз я рассмотрел его получше. Он лежал в какой-то странной позе, уткнувшись лицом в щель между обшивкой самолета и стеной, причем его ноги были выше головы, а руки раскинуты в стороны. Я узнал человека по лысине: это был один из спасателей, тренер по спортивному ориентированию.

Веревка пошла в обратную сторону. Я остановил раскачивание. А что, если отстегнуть карабин и прыгнуть на фюзеляж? Два метра — не бог весть, какая большая высота. Не думая о последствиях, я отстегнулся, прыгнул вниз и побежал к стабилизатору. Ухватившись рукой за край киля, осторожно ступил на треснутый стабилизатор, опустил на колени, на четвереньках добрался до края и, свесив голову, посмотрел вниз. О господи, что я вижу! На загорелой лысине тренера, между темечком и лбом, чернело пулевое отверстие. Под ним загустела капля крови. Эту страшную отметину я не мог спутать ни с чем другим.

Внезапно опора стала уходить из-под меня. Раздался жуткий скрип, и фюзеляж, словно подводная лодка при погружении, пошел вниз. Край стабилизатора начал со скрежетом царапать стену. Не раздумывая, я прыгнул на нее и схватился руками за колючий куст, выросший в камни. Фюзеляж сразу ухнул вниз, упал в реку, подняв тучу брызг; и его потащило куда-то по узкой скальной расщелине.

Я висел на руках над ревущей рекой. Чахлый куст, за который я держался, трещал, словно молил о пощаде, и я чувствовал, что мне отпущено совсем мало времени. Я подтянул ноги, стараясь найти опору. Вот перед глазами узкая горизонтальная расщелина. Я только успел вставить в нее

пальцы, как куст с корнями вырвался, и я повис на одной руке. Отшвырнув растение, которое спасло мне жизнь, я стал пристраивать вторую руку. Ладонь скользила по скале, ощупывая ее поверхность, и, наконец, мои пальцы зацепились за выступ. Я касался мокрым лбом шероховатой поверхности стены и молил о спасении. Если я упаду, то не выживу, течение протащит меня по своим каменным внутренностям, как через вращающиеся жернова. Глупая, нелепая смерть! Я заставил себя собраться с силами. В метре над головой — карниз. Очень удобный, на него можно встать ногами и выпрямиться в полный рост. Но дотянуться рукой невозможно. Подпрыгнуть?

Я несколько раз глубоко вздохнул, резким движением подтянулся и на мгновение разжал пальцы, чтобы перенести руки выше. Ухватиться за карниз удалось только одной рукой, и то пальцы едва не сорвались. Не делая резких движений, я подтянулся, закинул на карниз колено и, расставив руки в стороны, приставными шагами пошел по карнизу к веревке. Добравшись до нее, пристегнул к ней жумар, потуже затянул предохранительное кольцо карабина и лишь после этого расслабился.

Что я видел? Перебинтованного тренера с дыркой во лбу. Странное сочетание ранений — сломанная рука и пробитая пулей голова. Надо полагать, несчастный тренер получил ранения в разное время и при разных обстоятельствах. Руку он мог сломать во время крушения самолета. А потом кто-то выстрелил ему в голову... Труп спасателя стоял перед моими глазами. Странная поза — голова внизу, ноги вверху. Он не мог принять такую позу, будучи живым. В такой уродливой и неестественной позе может застыть лишь мертвое тело. Его перетащили по фюзеляжу к киллю и затолкали под стабилизатор? Как же он туда попал?

Я открыл глаза, посмотрел наверх и сразу понял: тренера сбросили сверху. С того места, где над обрывом дугой склонилась растрепанная пальма.

Как же скверно на душе! А почему скверно? Да потому, что из головы не выходит пистолет Морфичева. Он столько раз говорил мне про него, но ни разу не объяснил, зачем он ему нужен. Теперь мне понятно. Почему я не догадался об этом сразу? С его помощью Морфичев начал устранять конкурентов. Жуть, в голове не укладывается! Но не стоит делать поспешных выводов, ведь я пока ничего еще не знаю. Я видел убитого выстрелом в голову тренера. И все. Точка. Что произошло здесь — тайна за семью печатями.

Я взялся за жумар и поднял его по веревке вверх. Клацнула лапка зажимного замка. Я перенес всю тяжесть своего тела на жумар и поднялся на метр...

— Ну что?! — в один голос крикнули Марго и Крот, как только я выбрался на край обрыва. — Почему так долго? Зачем ты сбросил самолет? Видел кого-нибудь?

— Я его не сбрасывал, он сам упал, — ответил я, сматывая веревку в бухту.

— Но хоть кто-нибудь живой остался? — выпалил Крот, хватая меня за рукав.

— Никого там не было, — ответил я. — Ни живых, ни мертвых.

— Что и требовалось доказать, — с удовлетворением подытожила Марго.

Глава 13

Заложив руки за спину, Крот прохаживался вдоль обрыва, стараясь, однако, держаться от его края на безопасном расстоянии.

— И все-таки мы должны что-то предпринять, — говорил он. — Если это розыгрыш, то пусть надо мной потом смеются. Я тоже буду смеяться над своей доверчивостью и наивностью. Но — потом. А сейчас я намерен сообщить о катастрофе организаторам Игры. И чем скорее, тем лучше. Может быть, кто-то еще остался жив!

— И как вы это собираетесь сделать? — спросил я.

— Как, как! — передразнил меня Крот, словно я задал глупый вопрос, и надолго замолчал, раздумывая, как на самом деле связаться с организаторами. Наконец глубоко вздохнул, повернул голову в сторону Марго и решительно произнес: — Сделаем так. Мы дадим вам запас еды, компас и отправим в ближайший населенный пункт. Оттуда вы свяжетесь с властями...

— Ага, — певуче ответила Марго. — Уже бегу!

— Я не согласен с вами, Лобский, — покачал я головой.. — Марго нельзя отправлять одну через лес. Она не дойдет. И мы будем иметь еще один труп.

Я, конечно, проболтался, и Крот тотчас отреагировал на мои слова.

— Почему вы сказали «еще один»? — с подозрением спросил он. — Разве уже...

— А вы надеетесь, что после такой катастрофы выжили все пассажиры? — ответил я, старательно исправляя ситуацию. — Не надо себя обманывать! Если это настоящая авиакатастрофа, то жертв может быть десятки.

— Вы правы, вы правы, — забормотал Крот.

— А почему бы вам самому не пойти? — обратилась к нему Марго. — Раз вы убеждены, что это настоящая катастрофа, то вам и карты в руки! Мы разрешим вам забрать с собой компас. Вперед!

— Мы с Кириллом должны дойти до финиша, чтобы сообщить всем о катастрофе, — ответил Крот. — Только мы сможем сделать это быстро, не отвлекаясь на всякие дурацкие игрушки. И не забывайте, что вы участвуете в Игре в роли спасателя! Вот и выполняйте свои прямые обязанности! Кирилл, почему вы молчите? Скажите ей! Пусть встает и идет!

Я поднялся на ноги, подхватил свой рюкзак и закинул его за плечи.

— Марго одна не пойдет. Вы, Лобский, отказываетесь идти. Значит, пойду я.

— Вы что, спятили?! — воскликнул Крот, не ожидавший от меня такого решения. — Хотите оставить меня вместе с этим маленьким чудовищем?

— И не мечтайте! — презрительно фыркнула Марго. — Я с вами не останусь. Я пойду с Кириллом. А вы топайте к финишу!

— Я не настолько вынослив и здоров, чтобы отправиться в такой рискованный путь, — тут же отпарировал Крот.

— Вы просто хотите от меня избавиться, — усмехнулась Марго, — и потому делаете вид, что верите в катастрофу. Я вас сразу раскусила. Вы хитрый жук. К тому же еще завистник и неудачник!

Крот заметно покраснел, и мне даже стало жаль его. Он взвалил на спину рюкзак, поднял воротник куртки, дабы защитить себя от мошки, и попросил у меня мачете, решив идти первым и прокладывать в зарослях новый путь. Но хотя он отчаянно махал им, удары получались слабыми и часто попадали мимо цели.

Марго надоело смотреть на то, как наш вожак превращает кусты в силос, и, взяв меня за руку, она сказала:

— Давай обойдем, немного левее есть нормальная тропа.

Мы пошли в обход, прислушиваясь к натужному кряхтенью и аханью. Опять нам стали попадаться обломки самолета. Я видел застрявшие в ветвях фрагменты крыльев и лопастей. Марго показала рукой на дверь входного люка, которая наполовину вонзилась в рыхлый лесной грунт. Ей было интересно, а меня не покидала мысль о том, что же все-таки могло случиться с самолетом. Отказ двигателя? Или отказ навигационных приборов, из-за чего пилоты потеряли ориентацию и снизились до критической высоты? Должно быть, они и все те, кто был в первом отсеке, погибли. Шансы спастись были только у пассажиров моего, второго отсека. Сколько человек помимо тренера, выжили? А сколько из них потом получили пулю в лоб?..

Я стал вспоминать лица спасателей, которые летели со мной во втором отсеке. Кардиолог с блеклыми водянистыми глазами и пушкой на оттянутом книзу подбородке. Бритоголовый боксер Акулов с расплюснутым носом и тяжелой челюстью. Кучерявый юноша с пунцовыми пятнами на щеках. Тренер по спортивному ориентированию, не по годам лысый, и... Ирэн, моя Ирэн...

— Ты оглох?

Я настолько погрузился в свои мысли, что не сразу расслышал слова Марго. Она сидела на корточках и рассматривала какой-то темно-матовый плоский предмет, лежащий на траве.

Я не сразу понял, что это кусочек закопченного стекла, оплавленного по краям, который держали на вздувшемся пластмассовом щите два закопченных уголка... Это было то самое зеркало из туалета, за которым Морфичев оставлял мне записки. Марго просунула пилочку для ногтей под осколок, провела, извлекая сажевый мусор. Потом еще раз... Наконец ей удалось подцепить и вытащить из-под осколка обгоревший клочок бумаги. Она взяла его, бережно разровняла и стала читать вслух:

— «Кирилл! Рядом с... о...у ... я остав... бомбу с часов... под сиденьем... и помощники... реагируют... собствен... взгляни на...»

Я подскочил к Марго, выхватил у нее клочок и прочел слова, которые можно было отчетливо разобрать. Бред какой-то! Морфичев в самом деле что-то написал про «бомбу с часов...» Наверное, имелось в виду с часовым механизмом... Я почувствовал, как у меня между лопаток заструился пот. Неужели геолог пронес на борт самолета не только пистолет, но и бомбу? Он что, сумасшедший?

— Так что же получается, — произнесла Марго, не сводя с меня пытливых глаз. — Этот твой приятель Морфичев грохнул самолет?

— Не хочется в это верить, — ответил я, скручивая клочок в трубочку и пряча его в карман. — Как он мог его грохнуть?

— Очень просто. Включил часовой механизм у бомбы и спрыгнул с парашютом. Так вот что так громко хлопнуло надо мной, когда я с парашютом прыгнула! — догадалась она. — Это бомба взорвалась, а я думала, что парашют раскрылся! Как я вовремя успела! Ты представляешь? Если бы я прыгала не третьей, а четвертой, то мне были бы кранты. И бедный папик никогда бы не дождался дочурки своей.

Она даже о смерти говорила, как об Игре. На ее лице было и восхищение, и восторг, и адреналин хлестал через край. Она легко поверила в крушение самолета. Потому что это событие ей стало интересным, и она ощутила себя в его эпицентре. Друзья умрут от зависти, когда она расскажет им, как сиганула из самолета за мгновение до взрыва!

— Не говори ему пока о записке, — попросил я.

— Могила! — поклялась Марго. — Мне можно доверять.

Глава 14

Мы вернулись к Кроту напрямик, через заросли, которые приходилось раздвигать в стороны, словно тяжелые театральные кулисы. Сидя на земле, он встретил нас недобрым взглядом и буркнул:

— Возьмите свое мачете, оно совершенно тупое, и я выбился из сил.

Мы заняли прежние позиции: я — впереди, Марго — за мной, и в конце — Крот.

— Куда пойдём? — спросил я у него.

— Держите курс вот на то огромное дерево! — махнул он рукой на гигантский батангор.

— Вы ничего не путаете, Лобский? Вы хорошо помните карту и направление движения?

— Если будет надо, я дойду к финишу с закрытыми глазами, — заверил Крот.

Я принялся за работу. Лезвие мачете звонко срезало стебли и лианы. Липкий пот заливал мне лицо, струился по шее и груди. Я привык во время какой-нибудь монотонной и однообразной работы решать наиболее сложные и запутанные проблемы, поэтому стал думать о Морфичеве.

Итак, обвинение приписывало Морфичеву авторство убийства тренера, ибо точно было известно, что у геолога был с собой пистолет. Мотив: желание убрать конкурентов. После прочтения обгоревшей записки можно было добавить и второй мотив: желание убрать свидетелей крушения самолета, которые могли рассказать экспертам о взрыве бомбы. Морфичев вполне мог оказаться у обломков самолета раньше нас, не торопясь расправиться с ранеными, а затем скинуть их с обрыва... Какими фактами я мог опровергнуть эти выводы? А никакими! Если бы я мог доказать, что тренер был застрелен в ближайшие часы после катастрофы, то это было бы достаточное и исчерпывающее алиби для Морфичева. Ибо от того места, куда Морфичев приземлился, и до обломков самолета — несколько десятков километров джунглей, которые невозможно преодолеть пешком за несколько часов. Но точно определить время смерти по силам только криминальной экспертизе, да и она уже бессильна, потому как тело несчастного тренера вместе с останками фюзеляжа рухнуло в реку...

Вдруг я резко остановился и застыл с поднятой рукой. Я отчетливо вспомнил тот момент, когда фюзеляж дрогнул и начал проваливаться в пропасть. В ту секунду я лежал на стабилизаторе и, свесившись с него, рассматривал тело тренера. Фюзеляж провалился на метр, потом на несколько секунд замер, после чего сорвался вниз окончательно. И в моей памяти отчетливо запечатлелось, как тело тренера, зажатое между скалой и фюзеляжем, стало кувыркаться... Оно действительно напоминало тряпичную куклу, потому что было гибким, подвижным. Оно не было окоченевшим! Так бывает, если смерть наступила совсем недавно. Значит, не исключено, что убийца где-то рядом...

Я кинул мачете под ноги и бегом кинулся по тоннелю в обратную сторону, к тому месту, где Марго нашла обгоревшее зеркало.

Шагнул в сумрачное царство флоры, нещадно ломая хрупкие побеги, раздавливая желтые цветы. Еще шаг... Никого. Но здесь явно кто-то был.

А вот и неопровержимое доказательство. Окурок! Тот самый банальный окурок, который сыщики во все времена находили на местах преступлений. Я взял его и поднес к глазам. Окурок был свежий, то есть не намокший, не заплесневевший. Человек, стоявший здесь, накуриться вволю не успел, задушив о землю почти целую сигарету. Фильтр сухой, целый, не прикушенный. Марка — московская «Ява»...

Я продолжал обыскивать близлежащие кусты до тех пор, пока не услышал, как Марго зовет меня. Возвращаясь, я уже издали увидел перепуганные глаза моих попутчиков.

— На обрыве забыл, — сказал я, вращая на пальце «восьмерку». — Очень ценная штука. Без нее никак нельзя, — и снова взялся за мачете.

Окурок не выходил из моей головы. Если Морфичев где-то рядом, то что он предпримет? Со всех ног кинется к финишу, убедившись, что мы не составляем ему достойной конкуренции, или попытается каким-то образом вывести и нас из Игры? Второй путь показался мне более реальным. Раз Морфичев выбрал тактику устранения соперников, то вряд ли теперь откажется от нее. Значит, он будет до поры до времени незаметно идти за нами, не выпуская нас из поля зрения. Когда же выпадет удобный случай, он... А что он может сделать с нами? Кинуть нам под ноги змей? Натравить на нас разозленных хищников? Подсыпать нам в чай яд, когда мы будем спать на привале? Трудно сказать, на что он пойдет, но ничего хорошего от него ждать не стоило.

Постепенно заросли становились все более редкими, необходимость в моей работе отпала, и Крот вырвался вперед. Мы с Марго стали отставать.

— Прибавьте шагу, Кирилл! — крикнул он, обернувшись. — Мы и без того потратили слишком много времени!

— У меня создается впечатление, — ответил я, вытирая шею платком, — что вы все-таки надеетесь взять призовой фонд. Может, организуем привал?

— Точно! Я тоже об этом догадывалась! — поддержала меня Марго и принялась ворошить нервы Крота: — Так вот какой вы, оказывается, липовый герой! — презрительно сказала она. — Я-то думала, что вы беспокоитесь о пассажирах самолета, что вы благородный и сочувствующий человек, а на самом деле вы озабочены только тем, как захватить деньги!

— Если бы вы, моя дорогая, кроме своих веревочек и цепочек, несли еще и рюкзак, то, уверяю вас, подобные глупые мысли не посетили бы вашу светлую голову, — тут же парировал Крот.

— Правда? Так давайте я понесу ваш рюкзак! — предложила Марго. — Я так хочу избавиться от навязчивых мыслей, что вы хапуга и лицемер!

— Вы надорветесь, — пробурчал Крот, — и тогда вашему другу придется нести вас на руках.

— Какие глупости! — возразила Марго. — Вы даже не подозреваете, какая я выносливая! Даю слово, что с вашим рюкзаком я поскачу к финишу, как голодная кошка к гастроному, — и, желая доказать серьезность своих намерений, принялась насильно стаскивать рюкзак с Крота.

— Вы что себе позволяете! — испуганно закричал он, изо всех сил вцепившись в лямки руками. — Вы как смеете? Вы... вы... Да отстаньте же от меня!

Я уже не первый раз видел, как бурно реагирует Крот на всякую попытку покуситься на его рюкзак. Это не только выглядело забавным, но вызвало у меня удивление, и мне захотелось выяснить этот вопрос.

— Вы, Лобский, хитро устроились, — сказал я. — Вы так быстро идете потому, что ваш рюкзак легче моего. У меня только одна вода на два кило тянет!

Еще не остыв от борьбы с Марго, Лобский перекинулся на меня и тотчас попался в мою ловушку:

— Это у вас рюкзак тяжелее моего?! — зашелся он в праведном гневе. — Да как вы можете это утверждать, если даже не проверяли мой рюкзак на вес! Что вы несете? Примус, пленку, немного продуктов да воду!

— А вы что? — быстро спросила Марго.

— Я несу то, что мне положено условиями Игры, — глухим голосом ответил Крот. — Надеюсь, ответ исчерпывающий? — Не желая развивать эту тему, он быстро повернулся и пошел дальше.

Марго, глядя ему в спину, произнесла:

— Много бы я отдала, чтобы узнать, за какое такое барахло он так трясется? Ты как думаешь?

Я молча пожал плечами, и она, оторвав с дерева ветку, усыпанную белыми цветами, пошла за Кротом. Я сделал вид, что перешнуровываю ботинки, и внимательно осмотрелся. Где же ты, убийца? Идешь за нами? Или бежишь, сломя голову, к финишу?

Лес был наполнен тяжелой, гнетущей тишиной.

Глава 15

Неожиданно мы вышли к мелкой и чистой реке, которая весело бежала по снежно-белой пойме из крупной, идеально-гладкой гальки. Здесь легко дышалось, а самое главное — была возможность искупаться и постирать выпачканную в глине одежду.

Марго первая ринулась к реке, прыгая по камням как винторогая коза. Она на ходу скинула с себя курточку, рубашку. Потом в разные стороны

полетели кроссовки, брюки, и она с восторженными возгласами зашла в воду...

Пока я возводил из булыжников стены, которые должны были оберегать наш покой ночью, Крот в некотором удалении от меня определял по компасу наш дальнейший маршрут. Наметив только ему известный ориентир, он убрал компас и, воровато поглядывая на меня, стал копаться в своем рюкзаке. Удовлетворившись, что ничего не пропало, закрыл «молнию» рюкзака, проверил, надежно ли держит замок, и вернулся ко мне.

Я уже натягивал на стены пленку, когда вернулась Марго.

— Не пора ли позаботиться об ужине? — спросил Крот, глядя на меня, но вопрос явно был адресован ей.

— Конечно! Давно пора! — поддержал я. — Доставайте продукты! Да не скупитесь, мы сегодня заслужили дополнительный паек.

Крот почесал щетину на щеке, покосился на мой рюкзак и осторожно предложил:

— Давайте сегодня поужинаем вашими запасами.

Я сделал вид, что не понял, о чем идет речь:

— Какими запасами? Нет у меня никаких запасов.

— Я же отдал вам половину продуктов! — напомнил Крот.

— А мы их уже съели! — выдала Марго и подмигнула мне.

— Да, — скорбным голосом произнес я, — ничего кроме воды предложить не могу. Продуктов у меня больше нет.

— И примуса тоже! — встряла Марго. — Я его нечаянно сожгла.

— Это просто... это просто какой-то саботаж, — пробормотал Крот. — Я не представляю, как мы с вами дойдем до конца.

— А что в вашем понимании конец, Лобский? — поинтересовался я.

— Полагаю, то же, что и в вашем. Кажется, мы хотим как можно скорее сообщить о катастрофе. Разве не так?

— И именно потому вы ведете нас к финишу, до которого еще несколько дней пути? Не разумнее ли нам всем пойти в какой-нибудь ближайший поселок, где есть полицейский участок или, на крайний случай, телефонная связь?

— Так я же предлагал отправить в поселок Марго, но вы отказались! — выкрикнул Крот.

— Лобский, я еще раз повторяю: одну Марго я не отпущу! Идти по лесу в одиночку смертельно опасно! Но у меня есть другое предложение. Здесь, у реки, безопасное и удобное место. Много воды, каменная хижина. Поживите здесь, пока мы с Марго сходим в ближайший населенный пункт.

— Мы быстро, — ласково и заискивающе добавила Марго. — Одна нога там, другая — здесь. Вы даже не успеете по мне соскучиться...

— Нет, — вдруг твердо и резко произнес Крот. — Вы не должны уходить.

— Но почему? — в один голос воскликнули мы с Марго.

— Наверное, я ошибался. Мы все ошибаемся. Откуда в убогих деревушках, затерянных среди этих лесов, полицейский участок или телефонная связь? Да в них наверняка нет даже электричества!

Марго раздосадовано хмыкнула:

— Что ж вы посылали меня в деревню, если знали, что там нет ни полицейских, ни телефона?

— Я заблуждался, — спокойно ответил Крот.

— Вы мелкий пакостник! — никак не могла успокоиться Марго. — Вы не просто хотели избавиться от меня, вы отправляли меня на верную смерть! Знаете, кто вы после этого? Да вы... вы убийца!

Бедный Крот даже потерял дар речи. Он отошел к своему рюкзаку, сел на камни и со скорбным видом уставился на реку.

— Ты его обидела, — сказал я.

— А ты его пожалел?

— Я не умею долго ненавидеть человека, что бы он ни сделал, — признался я. — Если вижу, что мой враг стал слабее меня, то начинаю его жалеть.

— А я мстительная и злопамятная! — в пику мне заявила Марго. — Никогда не прощу его подлость по отношению к моему папику. Кротик еще у меня поплачет!.. Снимай куртку!

— А это еще зачем?

— Постираю. Ты так извалялся в глине, что стал похож на египетского сфинкса.

Я не стал противиться, снял куртку, и она, закинув ее через плечо, пошла к реке.

Я же занялся заготовкой дров и разведением костра. Крот некоторое время наблюдал за мной, потом принялся помогать.

— Надеюсь, вы не считаете, что я хотел убить Марго? — спросил он.

Сказать такое! Я даже растерялся. Вы знаете, бывают обвинения настолько абсурдные, что невозможно даже возразить... Да, я не скрываю, Марго не вызывает у меня симпатий. Но убить! Ужасно...

Я свалил сушняк рядом с каменной хижинкой, наломал хворост, обложил его камнями, чтобы не задуло ветром, и чиркнул зажигалкой. Пламя потекло по сухим веткам, словно расплавленное золото. А Лобский вдруг разоткровенничался, погружаясь в воспоминания о своей семейной жизни...

— До сих пор не могу понять, зачем моя благоверная вышла за меня замуж. Она обожала смеяться надо мной. Самым любимым ее занятием было перечислять мои недостатки при гостях. Гости смеялись, всем было весе-

ло, а она весь вечер была в центре внимания. Ее раздражало во мне все. Когда я был младшим научным сотрудником, она терзала меня вопросами, почему у меня нет ученой степени. Когда я стал доктором наук и возглавил Институт ядерных технологий, она начала донимать меня скандалами, требуя, чтобы я перешел на работу в министерство. Ее не устраивала площадь нашей квартиры; ей не нравился пейзаж, который открывался из окон нашей дачи; ее раздражала моя служебная «Волга»... Жена выворачивала мою душу наизнанку.

— Почему же вы не ушли от нее? — спросил я.

— Трудно сказать, почему... Она была сильнее меня. Всегда знала, что нужно делать сейчас, что она будет делать завтра, через год и через десять лет. Я не помню, чтобы она хоть раз впала в отчаянье... Но беда тому человеку, который волею судьбы вынужден быть рядом с ней. У моей жены было все, кроме ответственности.

— Вы так говорите... Она что, умерла?

— Не то чтобы умерла... — медленно произнес Крот. — Она исчерпалась, хихикать надо мной ей надоело... В общем, она снюхалась с каким-то иностранным студентом и сбежала с ним за границу. Правда, я ей отомстил и через суд оставил нашу дочь себе... Дочь — это для меня все, это величайший козырь...

— Где же она сейчас?

— Дочь или жена?

— Жена.

— Я не знаю! — быстро ответил Крот. — Меня это совершенно не волнует. Я о другом: ведь кому-то в жены достанется эта Марго. И будет она ломать и корежить судьбу какого-нибудь хорошего парня... Странно, что вам нравится эта особа.

— Почему странно? У меня, к счастью, не было такого горького опыта, как у вас.

— Но у вас был другой опыт. Я имею в виду Ирэн. Она разительно отличается от Марго. И это притом, что Ирэн... как бы точнее сказать... у нее тоже были, образно говоря, свои особенности...

Он заинтриговал меня. Мне трудно было сделать вид, что я равнодушен к его словам.

— Какие особенности? Говорите прямо!

— А вот об этом, мой дорогой друг, мы поговорим как-нибудь в другой раз. Когда будем недалеко от финиша. Обещаю вам, что вы узнаете про Ирэн много интересного.

Он привязал меня на короткий поводок. В который уже раз! Знать бы, ради чего.

Глава 16

Костер набирал силу. Он размахивал оранжевой лохматой шевелюрой, и из нее устремлялись в небо россыпи искр. Крот нанизал на тонкие веточки баварские консервированные колбаски и стал поджаривать их над углями. Марго, спрятавшись за камнями, шлепала по воде мокрой одеждой и громко пела. Внезапно лес наполнился гомоном птиц. Не меньше сотни пернатых одновременно поднялись в воздух, и их многоголосый хор заглушил даже шум реки. Мы с Кротом одновременно повернули головы, глядя в мрачные трущобы джунглей.

— Что это? — спросил Крот.

— Может, какой-нибудь зверь, — сказал я, стараясь убедить Лобского в том, что это меня мало волнует. — Да мало ли... Пойду посмотрю!

Я взял мачете, сунул его за спину и неторопливой походкой направился к лесу. Опять мне показалось, что Морфичев следит за мной. Это чувство уже стало навязчивым, и ничего, кроме раздражения, не вызывало. Если это он сейчас ползает по кустам, пугая птиц, то я его найду, чего бы мне это ни стоило. Я буду охотиться на него всю ночь, пока не схвачу геолога за воротник куртки. Это будет забавная игра в прятки!

Но уйти далеко мне не пришлось, так как я вдруг услышал звук чьих-то шагов, и почти сразу увидел человека, выходящего из леса. Заметив меня, он сделал еще несколько осторожных шагов, а когда вскинул руки, словно защищаясь от удара, капюшон съехал с его головы. Я был готов увидеть Морфичева, Ирэн, пропавшего водителя или вообще незнакомого мне человека, но только не кардиолога из группы спасателей! Укатанная жизнью женщина с невыразительным лицом, на котором не сразу найдешь глаза и губы, стояла передо мной и отмахивалась.

— Ой! Напугали! А я весь лес обыскала, пока вас нашла... Если помешала, простите, ради бога. Хорошо, что у вас костер. Я его издали заметила, а не то бы пропала. Надеюсь, Илья Тимофеевич и этот кучерявенький мальчик живы-здоровы? Ой, вы себе даже не представляете, что я пережила! Сейчас, немного приду в себя и все по порядку...

Она встала рядом со мной и взяла меня под руку.

— С вами еще кто-нибудь? — спросил я, глядя на черный бастион леса.

— Нет, уже никого! А сколько гадов в этом лесу! Жуков я не боюсь, но вот змеи — брр!.. Еле на ногах стою! У вас выпить есть что-нибудь?

— У Лобского, по-моему, должен быть спирт, — сказал я.

— Замечательно! Спирт — это как раз то, что мне сейчас нужно, так сказать, профессиональный напиток... Ну что? Пойдемте к костру? Я за

вас буду держаться, хорошо? Ах, простите, я забыла, как вас зовут! — Она висела на моей руке и без умолку болтала до тех пор, пока не увидела Лобского.

Я сразу почувствовал, как невольно напрягается ее рука, и шаги становятся скованными и замедленными.

Крот, ослепленный костром, не смог сразу узнать женщину. Он встал, приставил ладонь к виску, закрывая глаза от света, и приблизился к ней почти вплотную.

— Кто это такая? Откуда она здесь взялась?

— Она летела в нашем отсеке, — ответил я. — Спасатель, кардиолог.

— Алла Геннадиевна! — представилась кардиолог. — Можно просто Алла или Алуся, я, как беспризорная собака, на все клички откликаюсь... А где же остальные? Где Илья Тимофеевич? А кудрявенький мальчик?

Она растерянно озиралась по сторонам, словно мы играли в прятки, и ей выпало водить. Заглянула в хижину, сделала несколько шагов к реке, затем вернулась обратно и, крепко схватив меня за руку, с отчаянием проговорила:

— Выходит, у вас их нет?

— Нет, — ответил я, не без усилий высвобождая руку. — Только Лобский, Марго и я. Никого больше с нами не было.

— Это ужасно! Я так надеялась... Куда же они могли деться, деточки мои?

Марго, с брезгливым страхом поглядывая на кардиолога, подошла к костру, сняла с угляй положенную ей баварскую колбаску и ушла подальше в тень. Алла, отогревая руки, охала и ахала от блаженства, и лицо ее постепенно расслаблялось. Только короткие взгляды, которые она изредка кидала на Крота, оставались напряженно выжидающими.

— Нет, нет, есть я не хочу! — наотрез отказалась Алла от предложения, которого, впрочем, ей никто не делал. — Мне бы — чтобы только дрожь унять — немножечко спирта!

— Налейте ей спирта, — попросил я Крота.

Он подошел к своему рюкзаку, очень долго копался в нем и, наконец, поднес женщине кружку.

Одним махом осушив ее, Алла продолжила:

— Никак не могу успокоиться... Сначала все было хорошо. Люди начали прыгать. Вы, Кирюшенька, кажется, прыгали третьим?

— Вторым, — поправил я.

— Правильно, вторым! А третьим...

— Третьей прыгала я, — отозвалась Марго, кинув веточку, которая служила шампуром, в костер.

— Правильно! Вот и разобрались! Я уже стояла у двери. Ритуля выпрыгнула, дверь за ней закрыли, и тут вдруг как шарахнет!

Крот, который наматывал круги вокруг костра, прислушиваясь к словам кардиолога, остановился. Марго мельком глянула на меня, мол, видишь, я не лгала, когда рассказывала тебе про хлопок.

— Что шарахнуло? — уточнил Крот. — Что там могло шарахнуть?

— Не знаю!.. — покрутила головой Алла. — Звук был громкий, неприятный — будто бутылка об асфальт. Меня отбросило к стене, и я затылком — шварк! Свет погас, все закричали, потом что-то затрещало, а потом я, наверное, потеряла сознание... Я вас прошу, — обратилась она к Лобскому, протягивая ему кружку. — Плесните еще глоточек, а не то нервы сейчас мне на шею намотаются!

Глава 17

При полной тишине, которую нарушал разве что треск костра, Крот налил в кружку спирт. Кардиолог выпила и, облизнув губы, снова заговорила:

— Когда я очнулась, то увидела такое... Ребяточки, милые мои, не дай вам Бог такое увидеть! Мне сначала показалось, что я в канализационной трубе валяюсь, даже не поняла, что это самолет. Стену, за которой туалет находился, срезало, и там пустота, белый свет. Под нами река, над нами скала. Я себя трогаю и не могу понять, целы ли ноги. Хорошо, нашла под сиденьем бутылку — и как она только уцелела? Промыла, в общем, все свои ссадины и царапины, все продезинфицировала...

— Кроме вас, еще кто-нибудь уцелел? — перебил ее Крот.

— Конечно! А кого, по-вашему, я в лесу искала? Это было просто чудо! Я потом всем говорила: молитесь, молитесь за свое чудесное спасение!

— Так кто же уцелел? — нетерпеливо повторил Крот.

— А те, кто не вывалился из отсека. Все, кто удержались в нем, уцелели. Во-первых, Акулов. Помните этого сердитого молодого человека? У него вообще ни одной царапинки не было, в рубашке родился. Во-вторых, Илья Тимофеевич...

— Тренер? — наконец догадался я. — С лысиной?

— Да, да! — подтвердила Алла и сокрушенно покачала головой. — Но он весь поломался, весь. У него и рука была сломана, и ребра. Он так кричал, так кричал! Даже водку пить не смог!.. И еще мальчишка — не знаю, как его зовут, — кучерявенький такой, румяный, словно девушка. У него что-то со спиной случилось, разогнуться не мог.

— Значит, выжили четверо? — спросил я.

— Если считать и меня тоже, то четверо... — подтвердила Алла и продолжила: — Акулов такая умница! Он смог подняться по скале, а потом вытащил всех нас. Мы с ним перебинтовали и Илью Тимофеевича, и мальчика. Потом решили так: Акулов пойдет за помощью, а я останусь с ранеными. Хорошо, что уцелела кое-какая еда и водка, так что можно было непрерывно дезинфицироваться...

Она замолчала, чтобы перевести дух. Мне трудно было сохранять спокойствие, выдерживая эту паузу. Я знал, что случилось с Ильей Тимофеевичем. Значило ли это, что такая же участь постигла и кудрявого парня? Я надеялся получить ответы на все свои вопросы, дослушав кардиолога до конца.

— Ночь прошла относительно спокойно, — рассказывала дальше Алла. — Но я почти не спала. Обхаживала своих мальчиков, как наседка цыплят. То одному попить, то другому рану перевязать. Утром я их накормила, правда, мальчик почти не ел, ему плохо было. А Илья Тимофеевич ничего, даже встал разочек, чтобы в туалет сходить. А я все хлопочу, хлопочу. И понадобилось мне за водой сходить к роднику — Акулов нашел родничок где-то неподалеку. Взяла я бутылку и пошла. Вдруг на полпути почувствовала слабость — ведь ночью я почти не спала, — прилегла под кустиком и сразу потеряла сознание. А когда очнулась, сразу подумала: как там мои мальчики — и бегом назад. Бегу во весь дух, кусты ломаю... аж сердце зашло... Вернулась... а моих мальчиков и след простыл.

— Куда ж они могли деться? — усмехнулся Крот. — Может, вы не на то место вернулись? Может, у вас после потери сознания наступил делириозный синдром, вы утратили пространственную ориентацию, почесали через лес напролом, а раненые так и остались в лесу?

— Нет, я не ошиблась, — прошептала Алла. — Я хорошо помнила ту полянку...

— Пойдите! — перебил я ее. — Как долго вас не было рядом с ранеными?

— Может быть, часика два или три.

— Или четыре, — добавил Крот, глядя в звездное небо. — А может быть, пять. Уложите ее спать, Кирилл! Уверяю вас, что утром мы услышим этот же рассказ в совершенно иной интерпретации. Я больше чем уверен, что она, случайно или с умыслом, оставила этих несчастных в лесу. Какая ей радость сидеть с немощными мужиками, дожидаясь помощи, если на финише ждет своего хозяина чемоданчик с тремя сотнями тысяч баксов?

— А что это вы ее по себе равняете? — неожиданно заступилась за Аллу Марго. — Думаете, если вы хотели меня в лесу оставить, значит,

каждый из нас на такую подлость способен? Вас послушать, так кругом одни негодяи!

— Нет, не все, — ответил Крот, — но они, к сожалению, все-таки есть. Думаете, я не знаю, куда подевались примус, продукты и фляжка? Это ведь вы подбили Кирилла на то, чтобы сбежать из лагеря! Да, я предлагал отправить вас в деревню. Но делал это открыто. А вы, моя милая, действовали тайно, подло.

— Это было мое решение — уйти из лагеря, — вставил я, заступаясь за Марго.

— Это вам только так кажется! — отмахнулся Крот. — умная и хитрая женщина умеет так навязать свое решение мужчине, что он будет искренне уверен, что это его личное решение. А Марго, вынужден признать, достаточно умная и достаточно хитрая особа.

— Увы, не достаточно! — возразила Марго. — Была бы умной, так не слушала бы сейчас ваши речи и не видела бы вашу омерзительную физиономию.

— Ребятки! — взмолилась Алла. — Ритуля! Ну, перестаньте ссориться. Я вас всех люблю, вы все славные, добрые ребята!

— Особенно Лобский славный и добрый, — едко произнесла Марго. — Вам, тетенька, давно бы пора научиться разбираться в людях.

— Какая же я тетенька? — обиделась Алла. — Да, я не скрываю своего возраста, мне уже за тридцать. Но моя душа еще не успела зачерстветь и загубеть, и я вижу в людях только хорошее.

— Мне бы научиться этому искусству, — пробормотал Крот. — Просто любопытство разбирает: что бы я увидел у вас или, скажем, у Марго?

— Лучше научитесь искусству видеть собственное ничтожество, — посоветовала Марго. — На начальном этапе обучения могу бесплатно помочь.

Эта мелкая и ленивая перебранка топала возможность быстро разобраться в том, что случилось около обрыва, поэтому я сел между Кротом и Аллой, чтобы хоть как-то оградить кардиолога от острых реплик, и спросил:

— Почему вы решили, что они ушли? Может, вы видели ведущие в лес следы?

— Следов я не видела, — ответила Алла и неожиданно замолчала.

— А что видели? — допытывался я. — Что вы увидели в том месте, где оставались раненые?

— Что я видела? Я многое видела.

— Ну? Например?

— Да что вы мучаетесь, Кирилл! — с состраданием произнес Крот. — Вы посмотрите на нее — она же лыка не вяжет! Пусть отоспится, а завтра утром вместе с нашей непорочной Марго отправляется на поиски раненых.

— А там некого уже искать, — ответила Алла, играя кружкой. — Ушли они оттуда. И уже не вернутся. Не надо их искать.

Алла действительно говорила не слишком убедительно. Мне показалось, что она знает об убийстве спасателей или, во всяком случае, догадывается об этом, но почему-то пытается убедить нас в том, что они живы. И тут мне в голову пришла нелепая догадка: а не принимала ли она участие в убийстве? Допустим, после катастрофы выжили четверо. Акулов ушел за помощью, а Алла осталась с ранеными. И вот появляется Морфичев. Он сразу же раскрывает перед ней карты и предлагает прикончить раненых, чтобы избавиться еще от двух соперников. Она соглашается... Она соглашается... М-да, эта версия шита белыми нитками. С какой стати убийца доверится незнакомой женщине? И какой тварью должна быть Алла, чтобы сразу согласиться принять участие в казни беззащитных и беспомощных людей! Не та фигура. Не верю. Сговора между ней и убийцей быть не могло. И все же, почему она темнит, почему что-то недоговаривает? И откуда такая уверенность, что они ушли с обрыва и туда уже не вернутся. Будто она знает, что оба спасателя мертвы и сброшены в реку. Но если знает, то почему открыто не скажет об этом? Боится, что мы заподозрим ее? Или боится мести со стороны убийцы? Стоп! Стоп...

Как же мог вылететь у меня из головы Акулов, этот мрачный тип с кривым боксерским носом! Вот личность, которая потенциально могла совершить убийство. Я прекрасно помнил наш спонтанный спор в самолете незадолго до прыжков, и как Акулов кричал, брызгая слюной: «Я готов к победе идти по трупам! Ломать челюсти и сворачивать шеи!» Этот человек наверняка был способен вызвать у Аллы чувство панического ужаса... Что резануло мне слух, когда Алла рассказывала о катастрофе? Ага, вспомнил! Она назвала Акулова умницей, потому как он вытащил всех наверх и еще помог перебинтовать раненых. Да уж, умница! Но зачем тогда ему понадобилось вытаскивать раненых, если он собирался пристрелить их и сбросить в реку? Видимо, чтобы заполучить алиби. Алла была свидетелем его благородного порыва, этого-то он и добивался. Затем он сказал, что идет за помощью, а сам спрятался в кустах и стал ждать удобного момента. Этот момент наступил, когда Алла пошла за водой. Тогда он вышел из кустов, застрелил тренера и кудрявого и скинул их с обрыва... Нет, опять какая-то ерунда получается! Ради чего Акулов просидел почти целые сутки в кустах, теряя драгоценное время? Ради того, чтобы вывести

из Игры двух доходяг? Да какие они соперники, если даже самостоятельно передвигаться не могли? И откуда у Акулова пистолет? Не много ли пистолетов на одно телешоу?

Мои версии рассыпались, словно рукопись, сожженная в камине.

Нет, не сидел Акулов в кустах, не курил «Яву». Он оставил Аллу с ранеными, а сам торпедой помчался к финишу. И ни одной лишней минуты он не провел на обрыве! Ведь с крушением самолета он заполучил реальный шанс выиграть приз!

— Пожалуй, вы правы, — пробормотала Алла, потирая лоб. — Надо выспаться. А завтра я все вспомню. Обязательно вспомню... Что-то очень важное...

— Вспоминайте, вспоминайте, — усмехаясь, поддержал ее Крот. — Удачи вам в этом нелегком деле! Только интересно бы узнать, а где вы собираетесь спать?

— А разве вы не пустите меня в свой домик?

— Видите ли, этот домик строился на трех человек. Про вас мы как-то не подумали.

Марго была бы не Марго, если бы промолчала.

— Если вы, господин Лобский, — произнесла она, смакуя каждое слово, — ляжете на бочок, да еще втянете животик, запросто вместятся четверо.

— А почему я должен спать на боку, если привык спать на спине?

— Спать на спине вы будете у себя дома или в гробу, — мрачно пошутила Марго. — А здесь экстремальные условия, потерпите!

— Я лягу у костра, — сказал я, ибо эта словесная перепалка мне уже порядком надоела.

Крот, торопясь занять лучшее место, опустил на четвереньки и полез в хижину, толкая впереди себя свой рюкзак. Марго наполнила водой кружку и поставила на угли. На какое-то мгновение Алла оказалась со мной рядом. Оглянувшись на хижину, из которой торчали ноги Крота, она приблизила ко мне свое лицо и шепнула на ухо:

— Мне надо сказать вам что-то очень важное. Но только...

Договорить она не успела, так как к нам подседа Марго. Она высыпала в кружку пакетик с растворимым кофе и стала помешивать ложкой. Крот, застолбив место у левой стены, выполз из хижины.

— А чего вы не укладываетесь? — спросил он у Марго.

— А я тоже буду ночевать у костра, — ответила она, — так что вы теперь можете спать и на спинке, и на животике, и вообще, на чем только захотите.

Крот в ответ недовольно заворчал.

Я маленькими глотками пил кофе. Марго сидела рядом, опустив голову мне на плечо. Уединиться с Аллой, чтобы она поведала мне «что-то очень важное», уже не было никакой возможности, и я подумал, что завтра, когда она протрезвеет, надо будет незаметно подсунуть ей карандаш и лист бумаги. Она задремала и едва не упала лбом на головешки — я успел вовремя схватить ее за плечи и оттащить подальше от огня. Раздавая во все стороны слова глубокой благодарности и любви, Алла забралась в хижину и мгновенно уснула.

— Это ужасно, — произнес Крот, глядя на меня, — никогда еще мне не приходилось спать с такой... с такой малоприятной женщиной.

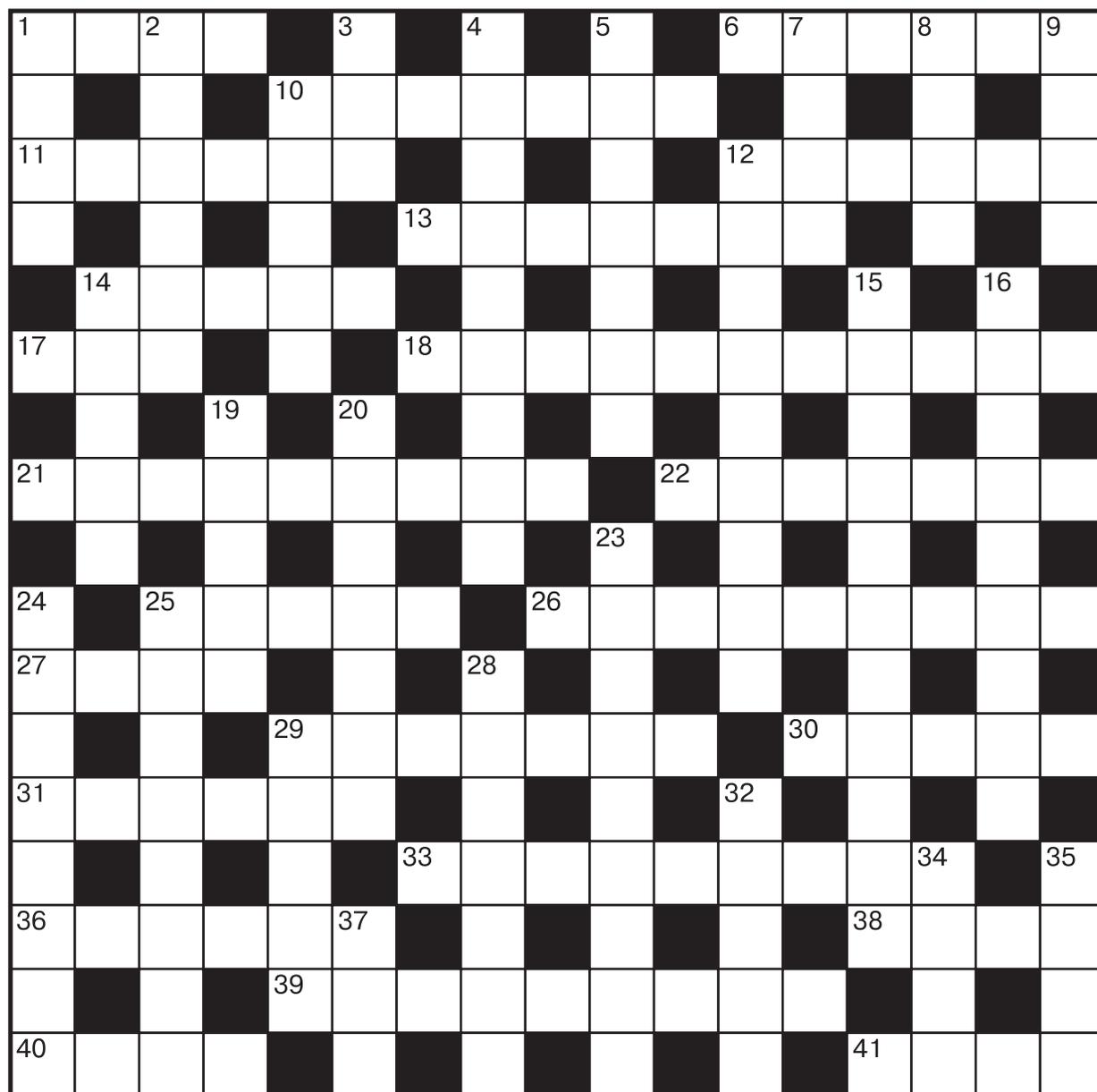
— Ох! — не преминула прокомментировать это заявление Марго. — Какие мы избалованные! Ему фотомодель подавай! Голливудскую кинозвезду!

— Ну что вы за человек! — сокрушенно покачал головой Крот, вздохнул и полез в хижину.

Из огромных листьев веерной пальмы я соорудил роскошную постель, которая пружинила не хуже матраца. Мы с Марго уснули, крепко обнявшись. Кажется, уже засыпая, я назвал ее Ирэн. Или это мне приснилось?..

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Заботьяся о теле! ... все равно бессмертна». **6.** Кто из классиков российской поэзии подал на творческий конкурс в литературный институт книгу сам-издата со своими стихами? **10.** Кто из врачей создает голливудские улыбки? **11.** Какая бумажка краснеет от кислоты? **12.** К чему скрепки

так и липнут? **13.** Упражнение для тенора и не только. **14.** «Ага, сейчас! Только корсет зашнурую и ... поглажу». **17.** Стихотворение «Кит и ...» у Бориса Заходера. **18.** Коллекционер народного творчества. **21.** Что способно на приключения ума? **22.** Единственная травести, удостоившаяся звания Народной ар-

тистки СССР. **25.** Какое вино слывет самым популярным во французских замках? **26.** Кому в своих ранних стихах подражал Гаврила Державин? **27.** Что нобелевский лауреат Джозеф Томсон сравнивал с пудингом? **29.** Поэтический друг Марины Цветаевой. **30.** Шубный зверь. **31.** Закадровый голос в мультфильме «Тигренок на подсолнухе». **33.** Кем в детстве уверенно хотел стать Олег Митяев? **36.** Последний город в жизни Джона Кеннеди. **38.** Карточная прима. **39.** Устройство для считывания цифровой информации. **40.** Республика с географическим центром Азии. **41.** Плод бахчевода.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хочешь довести человека до склероза — дай ему в ...! **2.** Квашеная капуста из Эльзаса. **3.** Каким голосом Федор Шаляпин блистал? **4.** «Сказка об обстоятельствах» у бюрократа. **5.** Что пригово-

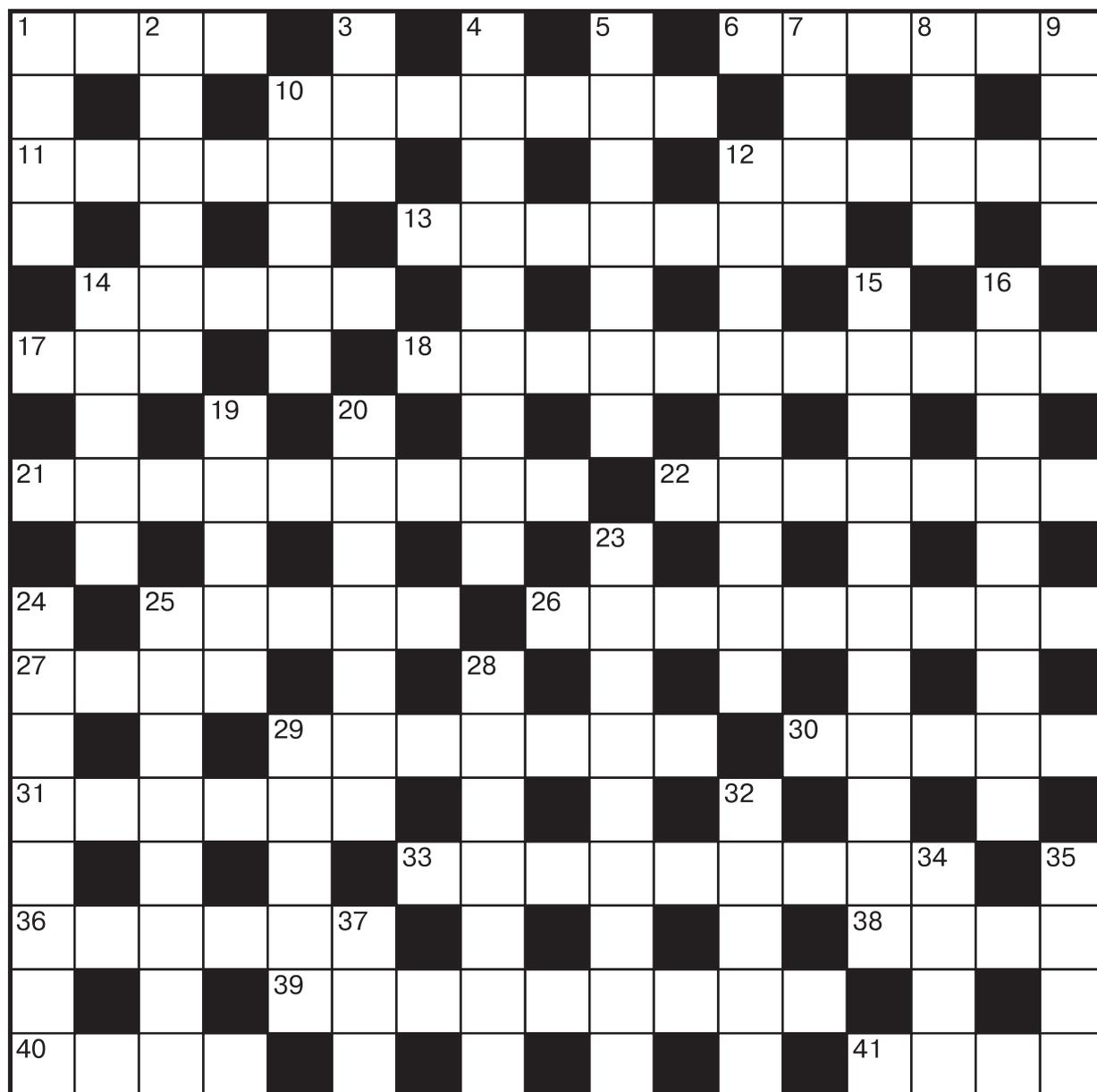
рили укладывать героя комедийного мультфильма «Тачки»? **7.** Высочайшее повеление. **8.** Что может отбить охоту покупать? **9.** Запрет на высоком политическом уровне. **10.** Вокруг чего закручена кульминация мелодрамы «Храни меня, мой талисман»? **12.** Представитель поколения Y. **14.** Реакция гидросферы на непорядки в атмосфере. **15.** Король из сказки братьев Grimm. **16.** Что помогает автору «шифроваться»? **19.** Информационная матрица организма. **20.** Кто сочинил все песни для группы «Бременские музыканты»? **23.** Какое искусство помогает найти путь к сердцу мужчины через его желудок? **24.** Общий обеденный стол в пансионах. **25.** Преподаватель из семинарии. **28.** Славная пляска. **29.** Кто в животном мире больше других проявляет лидерские качества? **32.** Русский fighter. **34.** Что волхвы принесли Иисусу? **35.** Краски восхода. **37.** Где плоды зреют?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Наряд. **9.** Купидон. **10.** Капля. **11.** Балда. **12.** Вакцина. **13.** Минск. **14.** Бавария. **16.** Интерес. **19.** Пост. **21.** Минога. **23.** Экран. **24.** Оружие. **25.** Курага. **26.** Ането. **27.** Есаул. **29.** Адам. **31.** Участок. **33.** Левкой. **34.** Тавро. **35.** Посев. **37.** Повтор. **39.** Пиявка. **40.** Гастрит. **41.** Кедр. **42.** Карась.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пугач. **2.** Гиацинт. **3.** Солнцев. **5.** Ананас. **6.** Ягдташ. **7.** Магия. **8.** «Олеся». **13.** Минимум. **14.** Бесконечность. **15.** Шпион. **16.** Искусствовед. **17.** Командировка. **18.** Казарма. **20.** Баптистерий. **22.** Вирусолог. **28.** Шот. **30.** Хлопок. **32.** Калина. **36.** Мазь. **38.** Рай.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кто из режиссеров жену «честно увел у боксера Бориса Барнета»? **6.** Барный инвентарь для создания сахарной окантовки. **10.** В какой стране барду Александру Городницкому больше всего запомнились «крокодилы, пальмы, баобабы и жена французского посла»? **11.** Какую из фамилий мог носить булгаковский Михаил Берлиоз? **12.** Бык бога Шивы. **13.** «Погубитель» русского писателя Николая Чернышевского. **14.** Ячейка хранения в квантовом компьютере. **17.** Кинжал мультяшного Рафаэля. **18.** Парадное одеяние чиновников

цузского посла»? **11.** Какую из фамилий мог носить булгаковский Михаил Берлиоз? **12.** Бык бога Шивы. **13.** «Погубитель» русского писателя Николая Чернышевского. **14.** Ячейка хранения в квантовом компьютере. **17.** Кинжал мультяшного Рафаэля. **18.** Парадное одеяние чиновников

Византии. **21.** Актриса, родившая сына от Николая Гумилева. **22.** Легендарный Спартак по национальности. **25.** Пастушья собака. **26.** Длинный вьетнамский кабачок. **27.** Легендарный замок графа Дракулы. **29.** Кружевной цилиндр на голове у женщины из Бретани. **30.** Чемоданный картон. **31.** Какой трагический цветок «вырос из кровавых слез» мальчика, превращенного злой мачехой в попугая? **33.** Первый постановщик «Лебединого озера». **36.** Кличка коня, на котором Сергей Филатов завоевал первую золотую олимпийскую медаль по конному спорту. **38.** Монастырь, подаривший название католическому ордену. **39.** Японский шут. **40.** Низкорослый бамбук. **41.** Горная свинка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Традиционная форма калиссонов. **2.** Черт из словаря Макса Фасмера. **3.** Расстояние между жалом и цевьем рыболовного крючка. **4.** Архитектор, восстановивший храм Артемиды Эфесской

по приказу Александра Македонского. **5.** Растрепан на старорусский лад. **7.** Некрасовский холоп князей Утятиных. **8.** Лучшая подруга куклы Барби. **9.** Валюта с носорогами и львами. **10.** Славянский праздник, очень похожий на христианскую Троицу. **12.** Пальто для верховой езды. **14.** Старая русская порода голубей. **15.** Штаны мехом внутрь на древнем персе. **16.** В честь чего мировой комик Робин Уильямс дал имя своей дочери Зельде? **19.** Дом в пещере у китайцев. **20.** «Тайная полиция» в Греции. **23.** Поясок для фиксации кимоно. **24.** Марк, учредивший Шнобелевскую премию вместе с юмористическим журналом «Анналы невероятных исследований». **25.** Воспитательное сопереживание в античной трагедии. **28.** Варшавское пирожное. **29.** «Думаю, затем действую» (античный мудрец). **32.** Эверест Пиренеев. **34.** «Полосатая гора». **35.** Китайская посуда, чтобы пельмени готовить. **37.** Ученик Дедала.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шарко. **9.** Берроуз. **10.** Келпи. **11.** Фалло. **12.** Алустон. **13.** Денон. **14.** Ризалит. **16.** Галипея. **19.** Улем. **21.** Опаска. **23.** Тирас. **24.** Блайнд. **25.** Добуцу. **26.** «Нинья». **27.** Чолси. **29.** Фias. **31.** Бокарев. **33.** Пипиан. **34.** Хейнс. **35.** Рахис. **37.** Ваджиб. **39.** Дидима. **40.** Софиано. **41.** Чуни. **42.** Эрхарт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шегла. **2.** Хрислам. **3.** Гурония. **5.** Абазия. **6.** Калхас. **7.** Зекет. **8.** Эпсом. **13.** Диспноэ. **14.** Рецинирование. **15.** Пурба. **16.** Гекатомпедон. **17.** Эстудиантина. **18.** Дагусса. **20.** Пальмариане. **22.** Анастасис. **28.** Бех. **30.** «Ипсвич». **32.** Велиар. **36.** Хант. **38.** Бот.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №9-2024**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Композитор Петр Ильич Чайковский оставил после себя великое наследие: << более 80 гениальных произведений. Но всего этого могло и не быть, если бы в его жизни не появилась женщина, видевшая в его музыке смысл своего существования — Надежда фон Мекк. 13 лет трогательной переписки — более 1200 писем — и ни одной личной встречи...>>

Светлана Марлинская «Вспоминайте меня иногда...»

Мало кто знает, когда именно были установлены дипломатические << отношения между Россией и Афганистаном, тем более, кто был первым российским послом в той стране. При этом имя Ивана Викторовича Виткевича хорошо известно специалистам по истории дипломатии в Азии, а также о его нелегкой, драматической судьбе. Имя Ивана Виткевича навсегда останется в списке настоящих героев, незаурядных дипломатов и истинных патриотов России. В 1959 году вышла в свет первая книга писателя Юлиана Семенова «Дипломатический агент», посвященная личности Ивана Виткевича.

Александр Ралот «Смерть в "Париже"»

Многие слышали стихи этого поэта, даже если ничего не знают об авторе, << потому что все мы смотрели оscarоносный фильм «Москва слезам не верит» и подпевали вальсу «Что происходит на свете? — А просто зима...» Эта песня написана на стихи поэта Юрия Левитанского, который, кстати, не очень любил, когда его поэзия становилась текстом к музыке... Бывает, конечно, и так, что не приходится выбирать, но он всегда оставлял право на свою жизнь и на выбор — за собой и в своих стихах оставил нам напоминание, что каждый должен в жизни делать свой выбор: «Каждый выбирает для себя...»

Евгения Гордиенко «Каждый выбирает для себя...»

Квентин Тарантино — один из ярких представителей кинематографического << постмодернизма. Его фильмы вызывают либо шквал критики, либо восторг, либо немой шок, но никого не оставляют равнодушным. В 2021 году в одном из интервью Квентин заявил, что завершает карьеру режиссера, так как хочет уйти на пенсию на пике своей карьеры, а потом будет писать романы и заниматься с детьми. В марте 2023 года режиссер отметил свой 60-летний юбилей...

Юрий Осипов «Режиссер, который сделал себя сам»

Окончание детектива Андрея Дышева «Троянская лошадка»

№8 август 2024